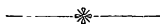

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Сочиненій
Н.В. Гоголя

ИЗДАНИЕ
А.Ф. МАРКСА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

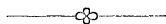

ИЗДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографією Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

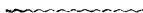

I.

ЮНОШЕСКІЕ ОПЫТЫ.

АКРОСТИХЪ.

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ строптивый,
Разстрига, совершившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленіе
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй

НЕПОГОДА.

«Невесель ты?»—«Я весель былъ»,
Такъ говорю друзьямъ веселья:
«Но радость жизни пережилъ
И грусть зазвать на новоселье.—
Я молодъ былъ, и свѣтлый взглядъ
Былъ непечаленъ: съ тяжелой мукой
Не зналось (сердце);ый садъ
И голу
.
(Теперь), какъ осень, вянетъ младость
Угрюмъ; не веселится мнѣ,
И я тоскую въ тишинѣ
Одинъ, и радость мнѣ не радость». —
Смѣясь мнѣ говорятъ друзья:
«Зачѣмъ расплакался? Погода
И разгулялась, и ясна,
И не темна, какъ ты, природа». —
А я въ отвѣтъ: «Мнѣ все равно,
Какъ день всѣ измѣненья года:
Свѣтло-ль, темно ли—все одно,
Когда въ семъ сердцѣ непогода».

АЛЬБОМНАЯ ЗАМѢТКА 1826 г.

Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными, и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Но счастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ.

ГАНЦЪ
КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ

ИДИЛЛІЯ

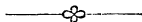
ВЪ КАРТИНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. АЛОВА.

(Писано въ 1827 г.).

Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомить съ созданьемъ юнаго таланта.

Картина I.

Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольная,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой вотъ только не шумитъ.

На берегу, далеко впредшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ живетъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ; и окна искосились;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его-бъ не отдалъ. Вотъ та липа,
Гдѣ отдыхать онъ любитъ, тожъ дряхлѣетъ;
Зато вокругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуплистыхъ норахъ
Ея гнѣздятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ разсвѣтомъ

Ужъ вышелъ спать на чистый воздухъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.

Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее, горитъ
И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стоитъ?
Взгляните же, какъ мило будить
Ея лилейная рука,
Его касаяся слегка,
И возвратиться въ міръ намъ нудитъ.
И вотъ въ-полглаза онъ глядитъ,
И вотъ съ-просонья говоритъ:

«О, дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходить,
И на сѣдого старика
Твой образъ дивный сдалека
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри: уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О немъ и мыслить ужъ привыкъ,
О немъ и мелеть мой языкъ.
Чего-жъ ты, гостя молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или, жилица неба-рая,
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ.
Велики тяжкіе грѣхи:
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя—

Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть»...

Тоски, смятенія полна,
«Сказать»—чодумала она—
«Онъ, Богъ знаетъ, куда зайдетъ...
Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ».

Но онъ въ забвеніе погруженъ;
Его объемлетъ снова сонъ.
Склонясь надъ нимъ, она чуть дышетъ.
Какъ почиваетъ! какъ онъ спитъ!
Вздохъ чуть замѣтный грудь колышетъ;
Незримымъ воздухомъ обвить,
Его архангелъ сторожить;
Улыбка райская сияетъ,
Чело святое осѣняетъ.

Вотъ онъ открылъ свои глаза:
«Луиза, ты-ль? мнѣ снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно».

«Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;
Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листъ,
И по-утру уже все жарко.
Узнаете-ль, зачѣмъ я къ вамъ?—
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужъ старый Модельгамъ,
Скрипачъ, съ нимъ Фрицъ проказникъ;
Мы будемъ ѣздить по водамъ...
Когда бы Ганцъ...» Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ разсказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвый и безпечный.

«Вы, дѣдушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь

Все ходить къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говорить съ собой, къ намъ скученъ:
Спросить—отвѣтить невпопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ.
Ему зазнаться ужъ съ тоской —
Да этакъ онъ себя погубить
При мысли я дрожу одной:
Быть-можетъ, недоволенъ мной:
Быть-можетъ, онъ меня не любитъ,—
Мнѣ это—въ сердце ножъ стальной.
Я васъ просить, мой ангелъ, смѣю...»
И кинулась къ нему на шею,
Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазкахъ показалась...
Ахъ, какъ Луиза хороша!

«Не плачь, покойся, другъ мой милый!
Вѣдь стыдно плакать», наконецъ,
Духовный молвилъ ей отецъ.
«Богъ намъ дарить терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышитъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мыслию пустой
Душевный растравлять покой?»

Такъ утѣшаетъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый, какъ янтарь.
Старикъ любилъ на воздухъ пить кофій,
Держа во рту черешневый чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ кота, который
Мурлыча кралясь, слыша сладкій запахъ.
Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ креселъ.

Принесъ мольбу и руку внучкѣ подать.
И вотъ надѣлъ нарядный свой халатъ.
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпакъ
— Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Ганцъ —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.
Какой же день! Веселые вились
И пѣли жавронки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними деревья;
На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленныя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела-работница срывала медъ
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья-стрекоза,
Трепча, вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь,—то пѣснь гребцовъ удачныхъ
Рѣдбегъ лѣсъ, видна уже долина,
По ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснѣютъ черепицы,
И ярко лучъ по краямъ ихъ скользнуть.

Картина II.

Волнуемъ думой неопытной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятной,
На свой незнаемый удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежной,
Онъ жизнью радостно игралъ;
Душой певинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земного міра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей
Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтранный младенецъ;
И было весело ему.

Онъ разрѣзвался мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ міръ какъ бы на диво.
Его подруга съ дѣтскихъ дней
Дитя-Луиза, ангель свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юбочкѣ сама
Поетъ, танцуетъ ли она—
Все простодушно, въ ней все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовый платокъ,
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлый башмачокъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу-ль играетъ вмѣстѣ съ нимъ—
Его обгонитъ, все проникнетъ,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ,
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ
И испугаетъ; спитъ ли онъ—
Ему лицо все разрисуетъ:
И звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалунью рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужъ скромнѣ;
Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томень;
Она застѣнчиво-грустна.
Они понятно угадали
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда сладкія печали!
Покуда радужные дни!
Чего-бъ желать съ Луизой милой?
Онъ съ ней и вечеръ, съ ней и день;
Къ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.
Полны сердечнаго участя,
Не наглядятся старики

Ихъ, простодушные, на счастье
Своихъ дѣтей; и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній:
Ихъ осѣняетъ мирный Геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ:
И часто смотритъ онъ на даль,
И безпокоенъ весь, и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ, какъ прикованный, сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ встхихъ водъ.

Или въ долинѣ ходить думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорить;
Огонь мгновенный колетъ тучи;
Дождя источники горячи
Сбѣгутся звучно и шумятъ.
Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій,
И, перевертывая листъ,
Онъ ловитъ буквы въ ней нѣмыя:
— Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые
И слово дивное гресмѣтъ.—
Часъ углубясь въ раздумьи цѣлой,
Съ нея и глазъ онъ не сведетъ.
Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
Назадъ далеко онъ живетъ.
Чудесной мыслью очарованъ,
Подъ дуба сумрачную сѣнь
Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
Къ чему-то тайному прикованъ,
Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,

И къ ней онъ руки простираетъ,
Ее въ забвеньи обнимаетъ.—

А простодушна, и одна
Луиза-ангелъ, что же? гдѣ же?
Ему всѣмъ сердцемъ предана,
Не знасть бѣдненькая сна;
Ему приносить ласки тѣ же:
Его ручонкой обовѣсть,
Его невинно поцѣлуетъ;
Онъ на минуту растоскуетъ,
И снова то же запоетъ.

Онѣ прекрасны, тѣ мгновенья,
Когда прозрачною толибѣй
Далеко милыя видѣнья
Уносятъ юношу съ собой.
Но если міръ души разрушенъ,
Забытъ счастливый уголокъ,
Къ нему онъ станетъ равнодушнъ,
И для простыхъ людей высокъ,
Онѣ ли юношу наполнять,
И сердце радостью-ль исполнять?..

Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаемъ укладкой,
Дослѣ бывшія загадкой,
Разнообразныя мечты.

Картина III.

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля!
Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ тренсжниковъ до самаго Пирея
Кипить, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Илиса.
Великъ сей мраморный изящный Пароенонъ!

Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесень;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дольномъ міръ слово:
Кому за доблести безсмертіе готово,

Кому позоръ, кому вѣнецъ.

Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валить,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блестить,

И вьются легкія туники.

Стихи Софокловы порывисто звучать;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшать прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.

Но вотъ Аспазія! не смѣетъ идохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазахъ сихъ встрѣтъ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ-нибудь,

Волнуясь, падаютъ на грудь,

На бѣлораморныя плечи.

Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикій вой?
Плющомъ увѣнчаны вакхическія дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось... что вы? гдѣ вы?.

Но вы пропали, я одинъ.

Опять тоска, опять досада;

Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долины

Хотя-бы прекрасная Дріада

Мнѣ показала въ мракѣ сада.

О, какъ чудесно вы свой міръ

Мечтою, греки, населили!

Какъ вы его обворожили!

А нашъ—и бѣденъ онъ, и сирѣ,

И расквадраченъ весь на мили.

И снова новыя мечты

Его, смѣясь, обнимаютъ;

Его воздушно поднимають
Изъ океана суеты.

Картина IV.

Въ странѣ, гдѣ сверкають живые ключи,
Гдѣ, чудно сіяя, блистають лучи;
Дыханіе амры и розы ночной
Роскошно объемлетъ эфиръ голубой;
И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
Плоды Мангустана златые горятъ;
Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ;
И смѣло накинута небесный шатеръ;
Роскошно валится дождь яркій цвѣтовъ,
То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ;
Я вижу тамъ Пері: въ забвеньи она
Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній полна.
Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ;
Дыханіе—лилій серебряныхъ чадь,
Когда засышаетъ истомленный садъ
И вѣтеръ ихъ вздохи развѣтъ порой;
А голосъ, какъ звуки сирины ночной,
Или трепетанье серебряныхъ крылъ,
Когда ими звукнетъ, рѣзвясь, Исразиль,
Иль плески Хиндары таинственныхъ струй.
А что же улыбка? А что-жъ поцѣлуй?
Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ летитъ,
Въ края поднебесны, къ родимымъ спѣшитъ.
Постой, оглянися! Не внемлетъ она.
И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не видна.
Но воспоминанье міръ долго хранить,
И благоуханьемъ весь воздухъ обвить.

.

Живого юности стремленья
Такъ испестрялися мечты.
Порой, небеснаго черты,
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,

Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять,—
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда-бъ вы повидали,
Какъ воздымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые наполнила глаза!

Картина VI.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю, какъ теперь, но Люненсдорфомъ
Она тогда, веселая, звалась.
Ужъ издали бѣлѣветъ скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника.—Давно,
Женившись на дочери пастора,
Его соорилъ онъ. Веселой домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской, крытъ
Красивою и звонкой черепицей;
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ окна
Хотятъ продратъ; изъ-за нихъ мелькаетъ
Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, красиво
И хитро сдѣлана самимъ Вильгельмомъ;
По ней виситъ и змѣйкой вьется хмель;
Съ окна прстянуть шесть, на немъ бѣлье
Блестаетъ бѣлое предъ солнцемъ. Вотъ
Въ проломъ на чердакъ толпится стая
Мохнатыхъ голубей; протяжно хлохчутъ

Индѣйки; хлопая встрѣчаютъ день
Крикунъ-пѣтухъ и по двору вотъ важно,
Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи разгребаешь
Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвятся щиплютъ
Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ, курчаво онъ
Вился и облака приумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ валилась краска
И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,
Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво колыхалъ.—
Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно милыхъ,
Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставленъ
Душистой яствой: желтый вкусный сыръ,
Редисъ и масло въ фафоровой утѣ,
И пиво, и вино, и сладкій бишефъ,
И сахаръ, и коричневые вафли;
Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздь, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія, и яркій персикъ,
Въ затѣнливомъ видѣлось все порядкѣ.
Сегодня праздновалъ живой Вильгельмъ
Рожденіе дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нѣтъ, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно,
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи бродить.
А милая Луиза все глядитъ
Внимательно на темное окно
Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
Къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ
Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говоритъ Вильгельмъ, отецъ, Луизѣ:
«Смотри ты, Ганца позжѣ порядкомъ:

Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не идетъ?
Вѣдь ты его сама избаловала».
И вотъ дитя-Луиза такъ въ отвѣтъ:
«Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ, худъ...»
«Что за болѣзнь?» сказала матъ,
Живая Берта: «не болѣзнь, тоска
Незванная къ нему сама пристала:
Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
Такъ молодой побѣгъ, совсѣмъ приглохшій,
Опрыснутый дождемъ, вмигъ зацвѣтетъ.
И что-жъ жена, какъ не веселье мужа?»
«Рѣчь умная», съдой пасторъ примолвилъ:
«Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ Богъ,
И будь во всемъ Его святая воля!»
Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
Золу, и въ споръ вступалъ съ Вильгельмомъ,
Разговорясь про новости газетъ,
Про злой неурожай, про грековъ и про турокъ.
Про Мисолунги, про дѣла войны,
Про славнаго вождя Колокотрони,
Про Канинга, про парламентъ,
Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ.
Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и мигомъ,
Увидя Ганца, бросилась къ нему.
Воздушный станъ ея обнявши стройный,
Съ волненьемъ юноша ее поцѣловалъ.
Оборотясь къ нему, вотъ молвить пасторъ:
«Эхъ, стыдно, Ганцъ, забыть своего друга!
Да что, коли уже забылъ Луизу,
Объ насъ ли старикахъ и думать?»—«Полно
Тебѣ все Ганца, папенька, журить!»
Сказала Берта: «лучше сядемъ мы
Теперь за столъ, не то—просынетъ все:
И каша съ рисомъ и виномъ душистымъ,
И сахарный горохъ, кашлунъ горячій,
Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ». Вотъ
За столъ они садятся мирно;
И скоро вмигъ вино все оживило
И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
Старикъ-скрипачъ и Фрицъ на звонкой флейтѣ

Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
Всѣ понеслись и закружились въ вальсѣ:
Развеселясь, румяный нашъ Вильгельмъ
Пустился самъ съ своей женой, какъ съ павой:
Какъ вихорь, неся Ганцъ съ своей Луизой
Въ бурливомъ вальсѣ; и предъ ними міръ
Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ строѣ.
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ: вся
Въ движеніи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говоритъ пасторъ:
«Любезная, прекрасная чета!
Мила моя веселая Луиза,
Прекрасенъ и уменъ, и скромнъ Ганцъ;—
Сотворены они ужъ другъ для друга,
И счастливо свою жизнь проведутъ.
Благодарю Тебя, о Боже милосердый!
Что ниспослалъ на старость благодать,
Мои продлилъ дряхлѣющія силы—
Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ внучатъ,
Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ тѣломъ:
Прекрасное я видѣлъ на землѣ».

Картина VII.

Съ прохладою, спокойный тихій вечеръ
Спускается; прощальные лучи
Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море;
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты; и вдалекъ
Виднѣются, сквозь туманъ морской, утесы,
Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
Пастушечьихъ лишь рожковъ унывый голосъ
Несется вдалъ съ веселыхъ береговъ,
Да тихій шумъ въ водѣ всплеснувшей рыбы
Чуть пробѣжитъ и вздернетъ море рябю,
Да ласточка, крыломъ черпнувши моря,
Круги по воздуху скользя даетъ.
Вотъ заблестѣтъ вдали, какъ точка, катеръ;
А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ, сидитъ?
Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдовласый,

И съ дорогой супругою Вильгельмъ;
А рѣзвая всегда шалунья Фанни,
Съ удой въ рукахъ и свѣсившись съ периль,
Смѣясь, ручонкою болтала волны;
Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
И долго всѣ въ молчаньи любовались:
Какъ за кормой широкая ходила
Волна и въ брызгахъ огнепѣтныхъ, вдругъ
Весломъ разорванная, трепетала;
Какъ разтѣснялась розовая дальность
И южный вѣтръ дышаше навѣвалъ.
И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,
Проговорилъ: «Какъ мнѣ сей Божій вечеръ!
Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая жизнь
Безгрѣшного: она вѣдь такъ же мирно,
Кончается путь, и слезы умиленья
Священный прахъ, прекрасныя, кропятъ.
Пора и мнѣ ужъ; срокъ назначенъ,
И скоро, скоро я не буду вашъ,
Но этакъ ли прекрасно опочію?..»
Всѣ прослезились. Ганцъ, который пѣсню
Наигрывалъ на сладостномъ гобоѣ,
Задумался и выронилъ гобой;
И снова сонъ какой-то осянилъ
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вотъ ему такъ говорить Луиза:
«Скажи мнѣ, Ганцъ, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье
Въ душѣ твоей, не мучь меня, скажи:
Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (мнѣ видно все,
И окнами вѣдь другъ мы противъ друга).
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь
О, какъ меня твой грустный видъ тревожитъ!
О, какъ меня печаль твоя печалитъ!»
И, тронутый, смутился Ганцъ,
Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ,
И брызнула невольная слеза.
«Не спрашивай меня, моя Луиза,

И безпокойствомъ симъ тоски не множь.
Когда-жъ кажусь погружень въ мысли --
Вѣрь, занять и тогда тобой одною,
И думаю я, какъ бы отъратить
Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
Какъ радостью твоей наполнить сердце,
Какъ бы души твоей хранилъ покой,
Оберегать твой дѣтскій сонъ невинный.
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась,
Чтобъ счастье твое всегда цвѣло». —
Спустился къ нему головою на грудь,
Въ избыткѣ чувствъ, въ признательности сердца,
Ни слова вымолвить она не можетъ. —
По берегу неслася лодка плавно
И вдругъ причалила. Всѣ вышли
Вмигъ изъ нея. «Ну! берегитесь, дѣти».
Сказалъ Вильгельмъ: «здѣсь сыро и роса,
Чтобъ не нажить несноснаго вамъ кашля». —
Дорогой Ганцъ нашъ мыслить: «что же будетъ.
Когда услышитъ то, чего и знать бы
Не должно ей?» И на нее глядитъ
И чувствуетъ онъ въ сердцѣ укоризну:
Какъ будто бы недоброе что сдѣлалъ,
Какъ будто бы предъ Богомъ лицемѣрилъ.

Картина VIII.

На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
И блѣдно сумракъ освѣщаетъ,
Какъ бы сомнѣнья разливаетъ.
Все спитъ. Ничей блудящій взоръ
На полъ никого не встрѣтитъ;
И, какъ далекій разговоръ,
Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ
Все тихо, дышитъ ночь одна.
Теперь его' глубокихъ думъ
Не потревожитъ дневный шумъ
Надъ нимъ такая-жъ тишина. —

А что-жъ она?—Встаетъ она,
Садится прямо у окна:
«Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
А насмотрюсь я на него;
Не спитъ для счастья моего...
Благослови, Господь, его!»

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ:
И вотъ надъ нею вьется сонъ
И голову невольно клонитъ.
Но Ганцъ все такъ же въ мысляхъ тонетъ,
Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели .
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславыю въ жертву?
При жизни быть для міра мертву!

2.

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью неостывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошныя края?
И день и ночь, какъ птицъ напѣвы,
Призывный голосъ слышу я;
И день и ночь мечтами скованъ
Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста;
Какъ пилигримъ бредетъ къ святынѣ,

Корабль пойдётъ, забрызжутъ волны,
Имъ чувства влѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
Рѣзецъ вапъ, кисть увижу я,
И вашихъ пламенныхъ твореній
Душа исполнится моя.
Шуми-жь, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголь тѣсный,
И лѣсъ, и поле! лугъ, прости!
Кропи васъ чаще дождь небесный,
И дай Богъ долѣ цвѣсти!
По васъ душа какъ будто страждетъ,
Въ послѣдній разъ обнять васъ жаждетъ.

8.

Прости, мой ангелъ безмятежный!
Чела слезами не кропи!
Не предавайсь тоскѣ мятешной
И Ганца бѣднаго прости!
Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь—тебя-ль забуду?..

Картина IX.

Кто это позднею порой
Ступаетъ тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,

Посохъ за поясомъ дорожній.
Направо домикъ передъ нимъ,
Налѣво дальняя дорога,
Итти путемъ онъ хочетъ симъ
И просить твердости у Бога.
Но мукой тайною томимъ,
Назадъ онъ ноги обращаетъ
И въ домикъ тотъ онъ посѣщаетъ.

Одно окно открыто въ немъ:
Облокотясь предъ тѣмъ окномъ,
Краса-дѣвица почиваетъ,
И, вѣи вѣтръ надъ ней крыломъ,
Ей сны чудесные внушаетъ;
И, ими милая полна,
Вотъ улыбается она.
Съ душеволненьемъ къ ней подходитъ...
Стѣснилась грудь; дрожить слеза...
И на прекрасную наводитъ
Свои блестяще глаза.
Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
Ее цѣлуетъ и стелаетъ.

И, вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
Опять дорогою далекой;
Но мраченъ неспокойный видъ,
Но грустно въ сей душѣ глубокой.
Вотъ оглянулся онъ назадъ;
Но ужъ туманъ окрестность кроетъ
И пуще юнони грудь ноетъ,
Прощальный посылая взглядъ.
Вѣтръ, пробудившись, суровой
Качнулъ зеленою дубовой;
Исчезло все въ дали пустой.
Сквозь сонъ лишь смутною порой
Готлибъ-привратникъ будто слышалъ,
Что изъ калитки кто-то вышелъ,
Да вѣрный пѣсъ, какъ бы въ укоръ,
Пролаялъ звучно на весь дворъ.

Картина Ж.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валятся сѣрые туманы;
Звенить по кровлямъ частый дождь.
Съ зарей красавица проснулась;
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправивъ кудри, улыбнулась,
Но, противъ воли, взоръ живой
Блеснулъ досадною слезой.
«Что Ганцъ такъ долго не приходитъ?
Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
Какой же день! тоску наводитъ:
Туманъ густой по полю ходитъ,
И вѣтръ свиститъ; а Ганца нѣтъ.»

Полна живого нетерпѣнья,
Глядитъ на милое окно:
Не отворится снѣ.
Ганцъ, вѣрно, спитъ, и сновидѣнья
Ему творять любой предметъ;
Но день давно ужъ. Рвутъ долины
Ручьи дождя; дубовъ вершины
Шумятъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужъ скоро полдень. Непримѣтно
Туманъ уходитъ; лѣсъ молчитъ;
Громъ въ размышленіи гремитъ
Вдали... Дугою семицвѣтной
Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
Унизанъ искрами дубъ древній;
И пѣсни звонкія съ деревни
Звучатъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Чтò-бъ это значило?... находить
Злодѣйка-грусть; слухъ утомленъ
Считать часы... Вотъ кто-то входитъ...
И въ дверь... Онъ! онъ!... ахъ, нѣтъ, не онъ!
Въ халатѣ розовомъ покойномъ,

Въ цвѣтномъ передникѣ съ каймой,
Приходитъ Берта: «Ангель мой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Ты ночь всю спала безпокойно;
Ты вся томна, ты вся блѣдна.
Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
Или ревушая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь не вѣдающій сна?
Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!» —

«Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И ни ревушая волна,
И ни пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь не вѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущенъ:
Иной мнѣ снился дивный сонъ.

«Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ; тошко, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюсь я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжело,
Такъ тяжело, что нельзя сказать...
Гдѣ ни возьмись Ганцъ дикій, странный,
—Бѣжала кровь, струясь изъ раны—
Вдругъ начать надо мной рыдать;
Но, вмѣсто слезъ, лились потоки
Какой-то мутныя воды...
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной;
И было сердцу не отрадно.

Меня предчувствіе беретъ...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что съ нимъ? что нейдетъ?»

Стоитъ, качаетъ головою,
Разумная, предъ нею, мать:
«Ну, дочка! мнѣ съ твоей бѣдою,
Не знаю, какъ ужъ совладать.
Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами,
Да будь святая сила съ нами!»

Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ;
Куски изодранной бумаги;
На полкѣ—свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то...
Записка!... съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?... И что жъ она прочла?...
Языкъ лепечетъ странно пени...
И вдругъ упала на колѣни;
Ее кручина давитъ, жжетъ,
Гробовый холодъ въ ней течетъ.

Картина XI.

Ты посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души!
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забытый въ пасмурной глуши!
Вглядись, взгляди въ свое творенье:
Ее ты счастья лишилъ,
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,

Въ гнѣздо разоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ живымъ
Простыя рѣчи говорила!
И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламенѣи и какъ невиненъ
Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей, въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался скученъ, длиненъ,
Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты-ль, и ты-ль ее оставилъ?
Ты-ль отвернулся отъ всего?
Въ страну чужую путь направилъ,
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиранъ жестокий:
Она все такъ же, подъ окномъ,
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой,
Не промелькнетъ (ли) милый въ немъ?
Ужъ гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;
На все наброшенъ дивный блескъ:
Прохладный вѣтся въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настилаетъ;
Но западъ все еще сіяетъ.
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

Ночныя видѣнія.

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужъ поля
Выходитъ важно мѣсяцъ ясный.
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море, какъ стекло.—

Въ небѣ чудныя вотъ тѣни
Развились и свились;
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.

Прояснилось: двѣ свѣчи;
Двое рыцарей косматыхъ;
Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ; стали въ рядъ;
И зачѣмъ-то переходять,
И дерутся, и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тьмой;
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь-соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышитъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно глѣбцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.

Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворецъ,
И въ окнѣ поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя зати.
На серебряномъ коврѣ,
Весь затканный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ;
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ: фея спитъ въ плѣну
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушить онъ слезой хрустальной.
Обнялись... слились съ тьмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь паръ окрестность чуть сверкаетъ.
Какую кучу тайныхъ думъ
Наводитъ моря странный шумъ!
Огромный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море все шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молоды,
Дѣвы чудныя плывутъ;

Голубыя, огневыя,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись, колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышетъ..
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манить и зоветъ,
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя, младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой,
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище:
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, каменья... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище.
Полетъ да крики только совъ
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ.

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльные онъ важно
Оттираетъ, молодецъ;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевой огонь,
И подъ нимъ великой конь,
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ,
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и—бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало странно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.

Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ, и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлеченно.
Когда, рукою безпощадной,
Судьба надвинетъ камень холодный
На сердце бѣдное,—тогда,
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золь душа тверда?
Кто вѣчно тотъ же навсегда?
Въ несчастьи кто не суетвѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ ничтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной,
Въ постель кидается она;
Но ждетъ напрасно въ ложе сна.
Въ тѣмъ прошумитъ ли что случайно,
Скребуныя мышь ли пробѣжитъ,—
Отъ вѣжды коварный сонъ летитъ.

Картина XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннѣ, статуи рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донинѣ величавъ,
Чернѣетъ дряхлый архитравъ,
И вѣется плюсъ по капители;
Упалъ расщепленный карнизъ
Въ давно-заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ
Син рельефные метопы;
Еще донинѣ здѣсь груститъ
Коринѣскій орденъ многолѣпный,
—Рой ящерицъ по немъ скользитъ—
На міръ съ презрѣньемъ онъ глядитъ;
Все тотъ же онъ великолѣпный,

Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аеинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ:
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ бывшее воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ,—
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!
Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ;
Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровь безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сии воздушныя мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворожились вы теперь;
Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жаркой! —
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ,
Клянется ихъ забыть душой,
И все невольно помышляетъ
О жертвахъ бренности слѣпой.

Картина XVI.

Ушло два года. Въ мирномъ Люненсдорфѣ
Попрежнему красуется, цвѣтеть;
Все тѣ-жъ заботы и забавы тѣ же
Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не попрежнему въ семьѣ Вильгельма:
Пастора ужъ давно на свѣтъ нѣтъ.
Окончивъ путь и-тягостный, и трудный,
Не нашимъ сномъ онъ крѣпко опочилъ.
Всѣ жители останки провожали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ?
Насъ надѣлялъ своимъ духовнымъ хлѣбомъ,
Въ словахъ добру прекрасно поучая?
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ щитомъ?
Въ день праздничный, какъ кротко онъ, бывало,
Всходилъ на каедрѣ! и съ умиленіемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чистыхъ,
Про тяжкія страданія Христовы;
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивилися и слезы проливали.

Отъ Висмара когда кто держить путь,
Встрѣчается налѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонились, обшиты мхомъ,
И времени извѣдены рѣзцомъ.
Но промежъ нихъ бѣлѣтъ рѣзко урна
На черномъ камнѣ, и надъ ней смиренно
Два явора зеленые шумятъ,
Далеко холодной обнимая тѣню.—
Тутъ бранные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Соорудить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семь мірѣ. Надписъ съ чetyрехъ сторонъ
Гласить: какъ жилъ и сколько мирныхъ лѣтъ

Провелъ на паствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь, и Богу духъ вручилъ. —

И въ часъ, когда стыдливый развиваетъ
Румяныя востокъ свои власы,
Подымется по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,
Въ своихъ кустахъ малиновка зальется,
Полсолнца на землѣ всходя горить, —
Къ нему идутъ младыя поселанки,
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ;
Увѣшаютъ душистыми цвѣтами,
Гнѣздиною зеленой обовьютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ.
Изъ нихъ одна, молодая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Надъ нимъ сидитъ въ раздумьи долго, долго,
Какъ будто бы о непостижномъ мыслить.
Въ задумчивой, скорбящей дѣвѣ сей
Кто-бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не блесить;
Не кажется невинная усмѣшка
Въ ея лицѣ; не пробѣжить по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но какъ мила она и въ грусти томной!
О, какъ возвышененъ невинной этотъ взглядъ!
Такъ свѣтлый Серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ падении человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи мнѣ.
Осмынадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда представился пасторъ разумный.
Всей дѣтскою она своей душой
Богopodobнаго любила старца;
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
«Нѣтъ, не сбылись живыя упованья
Твои. Какъ, добрый старецъ, ты жела
Насъ обвинять передъ святымъ наюемъ,
Навѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ...»

Заглянемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно. И дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ кружки
Изъ крѣпкаго съ слоями бука,
Затѣйливой рѣзбою украшая;
У ногъ его свернувшись лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный, Гекторъ.
А вотъ разумная хозяйка Берта
Съ утра уже заботливо хлопочетъ
О всемъ. Толпится такъ же подъ окномъ
Гусей ватага долгошейныхъ; такъ жъ
Неугомонныя кудахчутъ куры;
Чиликаютъ нахалы-воробы,
Весь день въ навозной кучѣ роясь.
Видали ужъ красавца-свигиря;
И осенью давно запахло въ полѣ;
И пожелтѣлъ давно зеленый листъ,
И ласточки давно ужъ отлетѣли
За дальнія, роскошныя моря.
Кричитъ разумная хозяйка Берта:
«Такъ долго не годится быть Луизѣ!
Темнѣетъ день. Теперь не то, что лѣтомъ:
Ужъ сыро, мокро, и густой туманъ
Такъ холодомъ всего и пронимаетъ.
Зачѣмъ бродить? бѣда мнѣ съ этой дѣвкой:
Не выкинетъ она изъ мыслей Ганца!
А Богъ знаетъ, онъ живъ ли, или нѣтъ».
Не то совсѣмъ раздумываетъ Фанни,
За пальцами сидя въ своемъ углу.
Шестнадцать лѣтъ ей, и полна тоски
И тайныхъ думъ по идеальномъ другѣ,
Разсѣянно, невнятно говорить:
«И я бы такъ, и я-бъ его любила». —

Картина XVII.

Унывна осени пора;
Но день сегодняшний прекрасенъ:
На небѣ волны серебра,
И солнца ликъ блестящъ и ясенъ.
Одинъ дорогой почтовой

Бредеть, съ котомкой за спиной,
Печальныйъ путникъ изъ чужбины.
Уныль, и томень онъ, и дикъ,
Идетъ согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.
Полупотухшій бродитъ взоръ
По злчнымъ холмамъ, желтымъ нивамъ,
По разноцвѣтной цѣпи горъ.
Какъ бы въ забвеніи счастливомъ,
Его касается мечта;
Но мысль не тѣмъ ужъ занята:
Онъ въ думы крѣпкія погруженъ.
Ему покой теперь бы нуженъ.

Прошелъ онъ дальній, видно, путь;
Страдасть, больно, видно, грудь.
Душа страдаетъ жалко ноя;
Ему теперь не до покоя.

О чемъ же думы крѣпки тѣ?
Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою:
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистный, слабоумной;
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятъ.
Какъ гробы, холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенъ,
И презираютъ откровенъ;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденъ.
О, кто-бъ нетрепетно проникъ

Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!
Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣ ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая трава.

Склоняется на западъ день,
Вечерняя длиннѣетъ тѣнь;
И облаковъ блестящихъ, бѣлыхъ
Ярче алые края;
На листьяхъ темныхъ, пожелтѣлыхъ
Сверкаетъ золота струя.
И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга,
И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣдный.
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежнихъ, тѣхъ забавъ невинныхъ
И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старинныхъ
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ емудохнуть.
И мыслить онъ: что это значить?..
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

Д у м а.

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грѣзы пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный

Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учить.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твердь средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Когда-жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты. —
Не лучше-ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

Картина XVIII.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь міръ:
Блудутъ сонъ тихій человѣка,
Ниспосылаютъ добрымъ миръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же, звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы—радость, и, на васъ покоя
Свой грустный, стосковаый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, и васъ онъ призываетъ,
И вамъ онъ пени повѣряетъ.
Попрежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась;
Не спится ей; въ мечтахъ она
На ночь осенню заглядѣлась.

Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клависинъ.

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозить
Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвенны сладостномъ, у сада
Нашъ Ганцъ, закутавшись, стоитъ.
И что же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голосъ тотъ, со дня разлуки,
Что долго-долго не слыхалъ,
И пѣсню ту, что въ страсти жаркой,
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ,
Подъ строй души въ нагъвахъ яркой,
Ее, восторженный, сложилъ?
Черезъ садъ она звенить, несется
И въ упоеннѣ тихомъ льется:

Тебя зову! тебя зову!
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часть, не два сию,
Съ тебя очей я не свожу:
Дивуюся, не надивуюсь.

* *

Поешь ли ты—и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударить въ воздухъ ли пустынный —
Звукъ въ небѣ льется соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ;
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ;
Онѣ горять, онѣ въ огнѣ,
Твои покойныя движенья.

* *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.

И пробуждаюсь ли, ложусь.
Все о тебѣ молюсь, молюсь
Все о тебѣ, мой ангелъ милый.

* *

И вотъ почудилось ей:
Чудеснымъ заревомъ очей
Возлѣ нея блистаетъ кто-то,
И слышитъ вздохъ она кого-то,
И страхъ, и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...

«Ганцъ!»...

О, кто пойметъ

Всю эту радость чудной встрѣчи
И взоровъ пламенные рѣчи,
И этотъ чувствъ счастливый гнетъ!
О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рветъ и пышетъ,
Терзаетъ сердца глубину,
А самъ дрожишь, въ весельи млѣешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь;
Въ восторгѣ, въ кутѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный, свѣтлыхъ звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь слезы
Въ глаза подруги. своея
И мыслить: «Полно, это грёзы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она все та-жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;
А я, безумный, безтолковой,
Летѣлъ искать кручины новой!..»
И спалъ страданій тяжкій сонъ
Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ:
Такъ снова блещетъ міръ нашъ стройный;

Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости: рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши,
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ громомъ
Музыка яркая весь день;
Ворочаетъ веселье домомъ;
Гостепріимно блещетъ сѣнь.
И поселанки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,
Несутъ имъ розы огневая,
Ихъ убираютъ и шумятъ:
«Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни младыс,
Какъ тѣ фіалки полевая!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневая!»

И въ упоеньи, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ,
Оковы сбросивъ принужденья,
Вкушаетъ сердце наслажденья.
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ, —
Земной поклонникъ красоты.
Но что-жъ опять его туманить?
(Какъ непонятенъ челоуѣкъ!)
Прощаясь съ ними онъ навѣкъ.
Какъ бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Груститъ въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеніи школьникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья—
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,

Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлитъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,—
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронить.

Эпилогъ.

Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ нигѣмъ незнаемой глуши,
Въ моей невѣдомой святынѣ,
Такъ создаются отнынѣ
Мечтанья тихія души.
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?
Взволнуетъ ли кого-нибудь:
Живую юноши ли думу,
Иль дѣвы пламенную грудь?
Веду съ невольнымъ умиленьемъ
Я пѣсню тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Свою Германію пою.
Страна высокихъ помышлений!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій Геній,
Великій Гётте бережетъ,
И чуднымъ строемъ пѣсногѣній
Свѣваетъ облако заботъ.

ИТАЛІЯ.

Италія—роскошная страна!
По ней душа и стонетъ, и тоскуетъ;
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.

И всю страну объемлетъ вдохновенье;
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣтъ великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ
Душа кипитъ, и весь онъ—умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ;
И радужной въ сіяны красоты
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышитъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колыхетъ
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на мѣръ, задумалась и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговорить волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучать и льются.

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю-ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!...

КЛАССНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1.

О томъ, что требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словесности).

Что требуется отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно, (особливо) въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками и часто обращается въ позорную брань — (первое) слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. — Первая, главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе, но нужно, чтобы оно правилось умомъ зоркимъ, истинно-просвѣщеннымъ, могучимъ вполне отдѣлить прекрасное отъ неизящнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣмъ болѣе дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенной писатель не ищетъ безотчетной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы она была опредѣленна умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе; она должна быть благопристойна, чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не вкралось, черезъ то уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Слѣдственно отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ, послѣднее: нужно, чтобы перомъ рецензента, или критика правило истинное желаніе добра и пользы, оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы и быть всегда его неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокій, божескій характеръ души просвѣщеннаго мыслителя.

2.

Изложить законные обряды апелляціи, нанъ изъ нижшихъ инстанцій въ высшую и въ Департ. Сената.

(Изъ Русскаго права).

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію высшую — въ Гражданскую Палату въ томъ, что дѣло ихъ право и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива — это называется апелляціею. При внесеніи ея въ Гражд. Палату нужно внести и пошлину исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшить сама. Но прежде еще внесенія апелляціи онъ долженъ внести въ нижнюю инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволенъ и рѣшеніемъ Гражданской Палаты, тогда имѣетъ право апеллировать въ Сенатъ, внесши въ Гражд. Палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣстѣ съ апелляціею онъ представляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для сего. Сенатъ, взыскавши 12 пошлинныхъ, принявши апелляцію и свидѣтельство, судить въ собраніи Сената единогласно; когда же нѣтъ, собираетъ чрезвычайное общее собраніе, и рѣшится большинствомъ голосовъ, когда двѣ трети согласны. — Но если генераль-прокуроръ не согласенъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложеніе причинъ, послѣ чего онъ рѣшитъ уже самъ или обще съ Государс. Совѣтомъ.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПО- ВѢСТИ „СТРАШНЫЙ КАБАНЬ“.

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста голтвянскія надѣлало болѣе шуму, нежели пронесшіеся за два года предъ тѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно поднявшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя. Догадливые политики въ сѣрыхъ кобенякахъ и свитахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту, чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мірянъ, которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что, безъ всякаго сомнѣнія, вліяніе его будетъ накинута и на хозяйственную систему; по крайней мѣрѣ, уже, вѣрно, не отъ другого кого-либо будетъ зависѣть нарядженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ приказчикъ не будетъ теперь нулемъ. Одинъ только *мирошникъ* *), Солопій Чубко, дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ рѣшетеловскихъ смушковъ, если смыслить учи-

*) Мельникъ.

тель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дьячкомъ, громopodobный басъ, приведшій въ умиление всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣнiе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, за то любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицомъ въ грязь: одаренныя тѣмъ звонкимъ и пронзительнымъ языкомъ, который, по неисповѣдимымъ велѣнiямъ судьбы, у женщинъ почти вчетверо быстрѣе поворачивается, нежели у мужчинъ, онѣ гибко развертывали его въ опроверженiе и защиту достоинствъ учителя.

Трескотня и разногосица, прерываемая взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыкъ. А какъ почтеннѣйшiя обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицамъ то и дѣло, что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливца, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фонарь отливаетъ потухающiй свѣтъ свой на палевыя стѣны уснувшаго города. Болѣе всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ: очипки, черепя какъ градъ летѣли имъ на голову, и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужого, колотила собственнаго сожителя.

Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, *убоявшихся безднiя премудрости*, которыми ***ская семинарiя снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссiи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ, Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до богословiя и залетѣлъ бы не вѣсть куда, вѣроятно, еще далѣе, если бы не шалуны его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ усами и колючею его бородой. Съ годами, когда одни выходили совсѣмъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе — ему, наконецъ, не давали прохода: то бросали цѣпкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣщивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскуча быть безмолвнымъ

зрителемъ безпрестанно мѣнявшіагося вѣтренаго поколѣнія и дѣтской игрушкой, принужденъ былъ бросить семинарію и опредѣлиться *на ваканцію* *).

Перемѣщеніе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шалуновъ замѣстило, наконецъ, какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся, бывало, въ праздникъ въ своемъ свѣтлосинемъ сюртукѣ, — замѣйте: въ свѣтлосинемъ сюртукѣ, это немаловажно. Долгомъ поставляю надумать читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ, на благословенныхъ берегахъ Голтвы, удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидные, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны. Всѣхъ сюртуковъ, полагая въ то число и хламиду дячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громоздится и заслоняетъ прочихъ поселенцевъ богатой *бакши* **), такъ и сюртукъ нашего пріятели затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всего придавали ему прелести большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличные ребяташки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ груднымъ ребятамъ, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цѣця, цѣця!* ***). За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова посторонняго, ни движенія лишняго: весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вздвигалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно

*) Эти слова въ украинскихъ семинаріяхъ значатъ: пойти въ домашніе учителя.

**) Нива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

***) Хорошо! Хорошо!

сказать, были только наружныя достоинства, выдававшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключить, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ инныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лѣкарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучший красный цвѣтъ. Сверхъ того, онъ собственноручно приготавливалъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внука Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера металъ мотки и даже прятъ.

Удивительно ли, если съ такими дарованіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, если вся дворня была безъ ума отъ него, несмотря, что лицо его и окладомъ, и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримасы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени,—глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ. Но, можетъ-быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и *herba rabarbarum*, въ искусномъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ его и умѣнье одѣваться; впрочемъ, и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать. Маленькаго внука забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый Бровко, едва только завидитъ, бывало, его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему навстрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подъ величественнымъ фронтономъ. Одни только два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ *Азъ — Ангелъ, Архангелъ, Буки — Богъ, Божество, Богородица*, — боялись краснорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое, Иванъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей, будто на вогнутомъ стеклѣ, миньютюрное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицомъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ, вѣрно, вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, тронутымъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея копотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событій, знаменовавшихъ XVIII-е столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ, холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными страстями поэта,—тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бывшія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ, вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ. Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то-есть, до времени успокоенія, было непрерывною цѣпью занятій. До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ приказчикомъ, накормить куръ и доморощенныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До обѣда, который не бывалъ позже двѣнадцати часовъ, завертывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода крендели на меду и на яйцахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ нешостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, чтò питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до вечера мало ли чѣмъ заняться хозяйкѣ?—красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! Отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславія, и потому положилъ

онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣнчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать, и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покаместъ Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другого. Всѣ прочія лица стояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ такъ, какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ проникливаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждого, и тогда ему открывалось, словно въ муравьиномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту не останавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ и, какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе.

Непонятны только были причины, заставившія его сблизиться съ кухмистеромъ. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство — мы этого не беремъ рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней — и въ Мандрыкахъ воскресли Орестъ и Пиладъ новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистера надъ нашимъ педагогомъ, такъ что отъ природы скромный, застѣнчивый учитель, не бравшій ничего въ ротъ, кромѣ лѣкарственной настойки на буквицу и *herba rabarbarum*, невольно плелся за нимъ по шинкамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистеръ нашъ показывать только носъ свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положеніе его мѣстопробыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неровный кружокъ просторный господскій дворъ — кухню, сарай, амбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо-разросшемся садѣ, котораго гигантскіе обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или, вдругъ освободясь отъ грѣзъ, рѣзали вѣтвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листьямъ ходили непонятныя рѣчи, и мѣрныя величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедеѣвъ, вызывавшихъ на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза

нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жильцовъ сада, за то увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украина. Отсюда проридались они къ кухнѣ, за которою стались плантаціи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зелій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія: съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на лиловую, окутанную туманомъ, окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на мандрыковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешептываніе, низкіе поклоны показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; итакъ, ему очень было простиительно перетолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но, къ счастью или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, нанесившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящій стоикъ и, несмотря на то, что не дошелъ еще до *философіи*, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo, любви не существуетъ. Такія положенія, обратившіяся у него, наконецъ, въ правила, были тверды, слишкомъ тверды... *Homo praeponit, Deus disponit*, говаривалъ часто лекторъ ***ской семинаріи, отсчитывая удары линейкою лѣтнимъ своимъ слушателямъ; а потому и мы въ слѣдующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бывшій равнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

II.

УСПѢХЪ ПОСОЛѢСТВА.

(Кухмистеръ, несмотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату козака Харька Потылицы).

Окончивъ туалетъ свой, Ониско не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ будто нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), поминутно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. «Эхъ, если бы не учитель!» повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: «ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?..» И, въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосный лай прорѣзалъ облакавшую его тучу задумчивости, и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе итти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя записка, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло... и бѣлокурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харька представлялъ собою большой, на покато-сти къ пруду, квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто выбѣленную хату съ большими, неровной величины, окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины фундаментомъ (*присѣбою*), обремененнымъ, по обыкновенію малороссіянъ, бѣльемъ, мисками и какимъ-нибудь инвалидомъ-горпикомъ, которому, несмотря на раны и увѣче, не даютъ отставки и, въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы стояли съ растрепанными крышами хлѣвы и амбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно, изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ богатая турецкая шаль, развернулся огородъ козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показалаcя немного удивленною приходомъ Ониська. Полагая, что его, безъ всякаго сомнѣнiя, завлекла нужда къ ея отцу, отворила вполонину только ворота и проговорила съ нѣкоторою застѣнчивостiю: «*Батка нѣтъ дома, да врядъ ли и къ вечеру будетъ!*»

«*Нехай ему такъ легенько икнетcя, якъ зъ тѣну ввирветcя!* Что бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ?»

Блокурая красавица остановилась въ недоумѣнiи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружку этою странностiю, показалаcя на лицѣ ея и ожидала, казалось, изъясненiя.

Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совсѣмъ ясно и притомъ помянулъ отца ея немного шероховатыми словами; онъ продолжалъ: «Нелегкая понесла бы меня къ *баткѣ*, когда есть такая хорошенькая дочка».

«А, вотъ что!» проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ. «Милости просимъ!» и пошла впередъ его къ дверямъ хаты.

Дѣвушки въ Малороссiи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ-либо, и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя. «Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Онисько?» спросила она его, сядя на *присѣбѣ* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показать рядъ красивыхъ зубовъ.

«Какъ пѣшкомъ?—Что за нелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?» подумалъ кухмистеръ.—«Безъ всякаго сомнѣнiя, пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать нарочно панскаго *индого*, чтобы только перегадиться изъ одного двора въ другой!»

«Однакожь отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко».

Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

«Нѣтъ, плутовка! самъ лукавый не хитрѣ этой дѣвки!» повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и прiязнь, и дружбу ихъ.

«Однакожь, моя красавица, я бы согласился, чтобы у меня пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣжепросоль-

ными *опенками*, лишь бы только ты еще разъ этакъ за-смѣялась».

Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобъ не обнять ее. «Вотъ этого-то я ужъ и не люблю!» вскрикнула, покраснѣвъ, Катерина и принявъ на себя сердитый видъ. «Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямохонько пушу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ».

При семъ словѣ, сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: «я не въ состояніи буду этого сдѣлать».

«Полно же, полно! *не возомъ зайтиль тебя*. Есть изъ чего сердиться! какъ будто, Богъ знаетъ, какая бѣда—обнять красную дѣвушку».

«Смотри, Онисько: я не сержусь», сказала она, садясь немного отъ него подальше и принявъ снова веселый видъ. «Да чтó ты, послышалось мнѣ, упомянуть про учителя?»

Тутъ лицо кухмистера сдѣлало самую жалкую мину и, по крайней мѣрѣ, на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго. «Учитель... Иванъ Осиповичъ, то-есть... Тѣфу, дьявольщина! у меня, какъ будто послѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успѣваютъ выскочить изъ рта. Учитель... вотъ чтó я тебѣ скажу, *сердце!* Иванъ Осиповичъ *всклсплся* *) въ тебя такъ, что... ну, словомъ — разсказать нельзя. Кручинится да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *пани* купила у жида, и которая околѣла послѣ *запала*. Чтó дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ: пришелъ наудачу похлопотать за него».

«Хорошую же ты выбрать себѣ должность!» прервала Катерина съ нѣкоторою досадой. «Развѣ ты ему свать, или *родичъ* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изъ всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по-міру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостыни».

«Да это все такъ; однакожъ я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться»...

«Мнѣ любо? Слушай, Онисько: если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною, то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду такъ думаешь, то ты, вѣрно, уже наиблуднѣйшій изъ всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла;

*) То-есть, влюбился.

слава Богу, я еще при своемъ умѣ... Но ты не съ дуру это сказалъ: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, вѣрно, думалъ... Нѣтъ, ты недобрый человѣкъ!»

Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щекѣ, будто падающая звѣзда по теплomu вечернему небу.

«Чортъ поberi всѣхъ на свѣтѣ учителей!» думалъ про себя Ониско, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ попрежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ неприятымъ чувствомъ и наконецъ разсѣяла его.

«Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ!» вскричалъ онъ, наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою кругленькій станъ ея: «если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *Бровко*, когда я вынесу ему помои».

«Нашелъ, чему радоваться! поэтому ты станешь еще болѣе скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорить то же».

«Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь направо — такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ другая. Только дьяволъ поberi ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей третьепробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на конѣйку?»

«Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастная доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодные дѣти плачутъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ»...

Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою, погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызенія сердечнаго, вырѣзывались на лицѣ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было радостно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымать наружу всѣ разгулы

ные поступки, проходившіе передъ нимъ длиною, почти безконечною цѣпью.

«Въ самомъ дѣлѣ, на что я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *панямъ*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказалъ мнѣ спасибо добрый чело-вѣкъ? Все гулялъ, да гулялъ! Да гулялъ ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? На-пьемся, какъ собака, да и протрезвишься тоже, какъ со-бака, если не протрезвять тебя еще хуже. Нѣтъ! прахъ возьми... собачья моя жизнь!»

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою, и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса: «Не правда ли, Онисько, ты не станешь болѣе пить?»

«Не стану, мое *сердечко!* не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать».

Дѣвушка посмотрѣла на него умильно, и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглашался мирный и спокойный огорождъ Харькa.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ разнѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужа-сомъ увидѣлъ стоявшую на плетнѣ Симониxу.

«Славно! славно! Ай, да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! Ай, да мапдрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжетъ поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Такъ вотъ что дѣется! такъ вотъ какія шашни!»

Со слезами на глазахъ принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

«Тицунъ бы тебѣ подѣ языкъ, старая вѣдьма!» прогово-рилъ кухмистеръ: «тебѣ какое дѣло?»

«Мнѣ какое дѣло?» продолжала неугомонная шинкарка: «вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ,—и мнѣ нѣтъ дѣла! Изволятъ *жениться*, цѣлуются,—и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо?» вскричала она, быстро оборотаясь къ мимо проходившему мужику, который, не обра-щая ни на что вниманія, шелъ, помахивая батогомъ,

впереди такъ же медленно выступавшей коровы: «слышалъ ли ты? постой, на минуточку. Тутъ такая исторія. Харьковъ дочка...»

«Тьфу, дьяволь!» вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ стору и потерявъ послѣднее терпѣніе. «Самъ сатана перерядился въ эту бабу. Постой, Яга! развѣ не найду уже, чѣмъ отплатить тебѣ!».

Тутъ кухмистеръ напѣвъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже не рано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха, однакожь, не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ, Анна Ивановна никакъ не могла понять, отчего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ, что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ оставили его въ покоѣ: въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою.

«Нѣтъ, господинъ учитель!» твердилъ онъ, лежа съ своею деревянную лавку и подмачивая подъ голову свою куртку: «не видать вамъ Катерины, какъ ушей своихъ!» И, завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

ЖЕНЩИНА.

«Адское порожденіе! Зевсъ Олимпіецъ! О! ты неумолимъ въ своей ярости! Ты захотѣлъ насладъ бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницей и отравилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастье наше; тебѣ не желалось, чтобы человѣкъ источалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца; пусть лучше проклятiе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его... Ты создалъ женщину!»

Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученикъ его. Глаза его кидали пламя; по щекамъ бушевалъ пожаръ, и дрожащія губы г. р. сказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его съ негодованіемъ откидывала пурпуровыя волны богатой одежды, и разстегнутая пряжка небрежно висѣла на дѣвственной груди юноши.

«Что, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоуханныя уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невестственно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безконечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ! и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ: ты не знаешь женщины».

Огненные слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитомъ и закрывъ лицо руками, прислонился онъ къ мра-

морной колоннѣ, на которой роскошно покоилось богатое коринское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздох вырвался изъ груди юноши, какъ будто всѣ тайные нервы души, всѣ чувства и все, что находится внутри человѣка, издало у него скорбные звуки, и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи рассказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ.

Между тѣмъ вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще впечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышленіемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не растаютъ и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человѣкъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ чрезъ смѣлое отверстіе въ куполѣ на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокія чувства.

«Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ?» спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

«Умѣю ли любить я!» быстро подхватилъ юноша: «спроси у Зевса, умѣетъ ли онъ маніемъ бровей колебать землю. Спроси у Фидія, умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и воплотить жизнь въ мертвой глыбѣ. Когда въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перерождаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои—буря, дыханіе—огонь... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужъ не открыла ли премудрая Пифія это чудо между людьми?»

«Бѣдный юноша! Вотъ что люди называютъ любовью! Вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! Ты бы сжегъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо, ты бы возмутилъ бурю страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкиной. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собственныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время въ глубинѣ души твоей? Вы-

смотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотятъ люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго счастья, и довольно одной минутной горечи, чтобы заставить ихъ дѣтски разрушить все медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною измѣной. Но вопросы свою душу: что былъ ты, что была она въ то время, когда ты и жизнь, и счастье, и море восторговъ находилъ въ алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни, и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоценные камни царей персидскихъ, все золото Ливіи за тѣ небесныя мгновенья? И что противъ нихъ и первая почеть въ Аѳинахъ, и верховная власть въ народѣ! И существо, которое, какъ Прометей, все, что ни исхитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу,—ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ, когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь вылиться слезами, и умиленіемъ, и кроткимъ гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣтъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

«Устреми на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкинои; сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеньй постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣмъ и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и что же? имъ недоступно чувство изящнаго — безконечное море духовныхъ наслажденій. У нихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителивой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ безсмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Что женщина?—Языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому, свѣтлому челу мужа; но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ, и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія! она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ го-

рять ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ болѣешемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается—она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость—она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несатымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство — выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину. И если ненарокомъ ударять въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что они ловятъ въ безсмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ! оно исчезаетъ, и передъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся, и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душою художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлѣ!.. Что бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преобразались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра—и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь?—Отгизна души, прескрасное стремленіе чловѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эфирномъ лонѣ души женщины, когда отыщется въ ней своего отца—вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ—дотолѣ невыразимыя землею чувства и явленія—что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности...»

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрас-

номъ челѣ ся прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линейями на помость. Казалось, тонкій, свѣтлый эфиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъяснимой музыки, — казалось, этотъ эфиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу... — Нѣтъ! никогда сама Царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновеніе, когда такъ чудно возродилась изъ гнѣны дѣвственныхъ волнъ!..

Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Поэма Пушкина.

(Посвящается Петру Александровичу Плетневу).

Книжный магазинъ блестялъ въ бельэтажѣ ***ой улицы, лампы отбивали теплый свѣтъ на высоко-взгроможденныя стѣны изъ книгъ, живо и рѣзко озаряя заглавія голубыхъ, красныхъ, въ золотомъ обрѣзѣ, и запыленныхъ, и погребенныхъ, означенныхъ силою и безсиліемъ, человѣческихъ твореній. Толпа густилась и росла. Громъ мостовой и экипажей съ улицы отзывался дребезжаніемъ въ цѣльныхъ окнахъ и, казалось, лампы, книги, люди,—все окидывалось легкимъ трепетомъ, удвоившимъ пестроту картины. Сидѣльцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» отдавалось со всѣхъ сторонъ. «Чтѣ, батюшка, читали *Бориса Годунова*? Нѣтъ? Ну, ничего же вы не читали хорошаго», бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигурѣ. — «Каковъ Пушкинъ?» сказалъ, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарскій корнетъ своему сосѣду, нетерпѣливо разрѣзывавшему послѣдніе листы. — «Да, есть мѣста удивительныя!» — «Ну, вотъ, наконецъ, дождались и Годунова!» — «Какъ, *Борисъ Годуновъ* вышелъ? Скажите, чтѣ это такое «Борисъ Годуновъ»? Какъ вамъ кажется новое сочиненіе?» — «Единственно! Единственно! Еще бы нѣкоторой картины... О, Пушкинъ далеко шагнулъ!» — «Мастерство-то главное, мастерство; посмотрите, посмотрите, какъ онъ искусно того...» трещалъ толстенькій кубикъ съ веселыми глазами, поворачивая передъ глазами своими

руку съ пригнутыми немного пальцами, какъ будто бы въ ней лежало спѣлое прозрачное яблоко. «Да, съ большимъ, съ большимъ достоинствомъ!» твердилъ сухощавый знатокъ, отправляя разомъ полъ-унціи табаку въ свое римское табакохранилище: «конечно, есть мѣста, которыхъ строгая критика.... Ну, знаете.... еще молодость.... Впрочемъ, произведеніе едва ли не первоклассное!» — «Насчетъ этого позвольте-съ доложить, что за прочность», присовокупилъ съ довольнымъ видомъ книгопродавецъ: «ручается успѣшная-съ выручка денегъ...» — «А самое-то сочиненіе дѣйствительно ли чувствительно написано?» съ смиреннымъ видомъ заикнулся вошедшій сенатскій рябчикъ. «И, конечно, чувствительно!» подхватилъ книгопродавецъ, кинувъ убійственный взглядъ на его истертую шинель: «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляровъ въ два часа!» Между тѣмъ лица безпрестанно мѣнялись, выходя съ довольною миною и книжкою въ рукахъ. Въ это самое время Элладій подошелъ къ другу своему Полліору, разсѣянно глядѣвшему на жадную толпу покупателей. «Не правда ли, милый Полліоръ! не правда ли, что ни съ чѣмъ не можешь сравнить этого тихаго восторга, напояющаго душу при видѣ, какъ пламенно любимое нами великое твореніе неумолкну звучить и отдается сочувствіемъ во всѣхъ сердцахъ, и люди, кажется, отбѣжавшіе навѣки отъ собственнаго, скрытаго въ самихъ себѣ, непостижимаго для нихъ міра души, насильно возвращаются въ ея предѣлы?» Молчаливо и безмолвно пожалъ Полліоръ ему руку. Они вышли. Но ни томительный, какъ сліяніе радости и грусти, свѣтъ луны, такъ дивно вызывающій изъ глубины души серебряный сонмъ видѣній, когда ночное небо безплотно обнимется вдохновеніемъ и земля полна непонятной любви къ нему, ни тѣ живыя чувства, пробуждающіяся у насъ мгновенно, когда чудный городъ гремитъ и блещетъ, мосты дрожатъ, толпы людей и тѣней мелькаютъ по улицамъ и по палевымъ стѣнамъ домовъ-гигантовъ, которыхъ окна, какъ безчисленныя огненные очи, кидаютъ пламенные дороги на свѣжную мостовую, такъ странно сливающіяся съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, — ничто не въ состояніи было его вывести изъ какой-то торжественной задумчивости: какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранилось въ чертахъ его, какъ будто бы онъ слышалъ

Въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто бы Душа его терпѣла муки, невыразимыя, непостижимыя для земного... «Что же ты до сихъ поръ», спросилъ его Элладій, когда они вошли въ его уединенную комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой: «не повергъ отъ себя дани нашему великому творенію? не принесъ посильнаго выраженія—истолкователя чувствъ въ чашу общаго мнѣнія?»

«Ты понимаешь меня, Элладій, къ чему же ты предлагаешь мнѣ этотъ несвязный вопросъ? Чтò мнѣ принести? Кому нужна, кто пожелаетъ знать мои тайныя движенія? Часто, слушая, какъ всенародно судятъ и толкуютъ о поэтѣ, когда пренія ихъ воздымаютъ бурю и зашѣнившія уста горланять на торжищахъ, — думаю во глубинѣ души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумалъ стремительно ворваться въ площадь, гдѣ чернь кишитъ и суетится, исполняя обычныя свои требы, и возсылать, упавши на колѣни, жаркія молитвы къ небу? И чтò бы сказалъ я?—«Прекрасно! неподобно, единственно!» Но выразить ли эти слова хотя одну струю безграничнаго океана чувствъ? Безсильныя! Они отъ частаго повторенія людьми потеряли даже бѣдное собственное значеніе. Но еще безмысленнѣе, еще смѣшнѣе мнѣ кажутся люди, которые дарятъ поэтовъ, будто чинами, жалкими эпитетами, называютъ ихъ первоклассными, какъ будто поэты, какъ растенія или безжизненные минералы, требуютъ системы, чтобы удержаться въ головѣ! Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона... чтò тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирающіе внутренность земли нашей, безконечный воздухъ, объемлющій міры, ангелы, пылающія планеты превратились въ слова и буквы—и тогда бы я не выразилъ ими и десятой доли дивныхъ явленій, совершающихся въ то время въ лонѣ *невидимаго меня*. И чтò онѣ всѣ противъ души человѣка? противъ воплощенія Бога? Въ какіе звуки, въ какіе свѣтлые звуки превращается она, разрѣшаясь отъ всего, носящаго образъ выразимаго и конечнаго, сильнымъ порывомъ вонзаясь въ безобразную грудь его! Какъ горитъ, какъ сохнетъ бранный страдальческій составъ! Какъ дрожить,

какъ стонетъ безсильное земное, пока все не сольется въ духовное море, пока потопъ благодарныхъ слезъ не хлынетъ дождемъ въ размученную грудь, не прольетъ примиренія между двумя враждующими природами человѣка. — Какъ суетны люди, требующіе отчета впечатлѣній, произведенныхъ великимъ созданіемъ поэта, зная напередъ, что онъ не будетъ отвѣтомъ на безразсудное желаніе ихъ! Когда изъ безобразнаго земного черепа извлекаютъ результаты—ослѣпительный камень, когда изъ струнъ исторгаютъ звуки — какой же они результаты хотя въ извлечъ изъ звуковъ? Можетъ-быть, и исполнится это желаніе, только когда?—Когда человѣкъ исчезнетъ и душа на ветхихъ его развалинахъ воздвигнется въ величественномъ, необъятномъ зданіи».

«Итакъ, по-твоему», спросилъ его послѣ мгновеннаго молчанія Эладій: «люди не должны дѣлиться между собою впечатлѣніями и сообщать; какъ откровенія, хотя неполные отчеты чувствъ, можетъ-быть, убѣдившіе бы другихъ въ духовной изящности созданія?»

«Нѣтъ, Эладій, нѣтъ! Кто здѣсь требуетъ убѣжденія, тому будутъ безплодны всѣ твои попытки возмутить его душу. Разогни передъ нимъ великое твореніе. Читайте вмѣстѣ и, если дивныя его буквы не ударятъ разомъ въ тайныя струны сердецъ вашихъ, обративъ въ непостижимый трепетъ всѣ нервы, не брызнутъ отвѣтными слезами (на глаза) и души ваши почувствуютъ разъединеніе — закрой книгу и не трать пустыхъ словъ. Но, если встрѣтишь ты пламенно понимающее тебя чувство—прекрасную половину прекрасной души твоей—потребуете ли вы другъ отъ друга отчета? Къ чему бы послужилъ онъ вамъ, когда вы такъ чудно сливаетесь въ одно? И какая презрѣнная радость сравнится съ тѣмъ мгновеніемъ, когда твореніе разомъ читается въ васъ? Какъ понимаете вы его? «Боже!» часто говорю себѣ: «какое высокое, какое дивное наслажденіе даруешь ты человѣку, поселя въ одну душу отвѣтъ на жаркій вопросъ другой! Какъ эти души быстро отыскиваютъ другъ друга, несмотря ни на какія раздѣляющія ихъ бездны».

Будто прикованный, уничтоживъ окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэтъ! И когда передо мною медленно передви-

тается минувшее и серебряныя тѣни, въ трепетаніи и чудномъ блескѣ, тянутся безконечнымъ рядомъ изъ могилъ въ грозномъ и тихомъ величіи, когда вся отжившая жизнь отзывается во мнѣ и страсти переживаются сызнова въ душѣ моей,—чего бы не далъ тогда, чтобы только прочесть въ другомъ повтореніе всего себя?... Какими бы, казалось, драгоценностями не искупилъ этого блага? «Возьмите, возьмите отъ меня все», воскликнуть бы тогда съ поднятыми руками къ небесамъ: «и исполните мнѣ это понимающее меня существо! Всемогуцій! зачѣмъ далъ Ты мнѣ неполную душу? или пополни ее, или возьми къ Себѣ и остальную половину».

О, какъ великъ сей царственный страдалецъ! Столько блага, столько пользы, столько счастья міру — и никто не понималъ его... Надъ головой его гремѣть опредѣленіе... Минувшая жизнь, будто на печальный звонъ колокола, вся совокупляется вокругъ него! Умершее живетъ!.. И дивныя картины твои блещутъ и раздаются все необъятнѣе, все необъятнѣе, все необъятнѣе.... И въ груди моей снова муки!... Отвѣтныя струны души гремятъ... Звонъ серебрянаго неба съ его свѣтлыми херувимами стремится по жиламъ... О, дайте же, дайте мнѣ еще, еще этихъ мукъ, и я выльюсь ими весь въ лоно Творца, не оставя презрѣнному тѣлу ни одной ихъ божественной капли...

Великій! надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!.. — Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, рабства и мелкаго самолюбія не заронилось въ мою душу. — Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если бремень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется миллионами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы безсмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню... Но нѣтъ! оно какъ Творецъ, какъ благость! Ему ли пламенѣть казнью? Оно обниметъ снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу

и слезою примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обротившагося преступника!...

ХРОМОЙ ЧОРТЬ.

Малороссіяне той вѣры, что (въ пеклѣ=) въ адѣ хитрѣе всѣхъ и умнѣе хромой [кривой] чортъ. Думаю, всякому малороссіянину извѣстенъ анекдотъ про солдата, попавшагося, за грѣхъ, по смерти въ пекло и насолившаго такъ грѣшко чертямъ (обитателямъ его), что они не находили никакихъ средствъ выгнать его. Вотъ гурьбою обратились къ кривому чорту, жалуясь: «що проклятый москаль усе пыше по стинамъ хрести та монастыри, такъ що доброму челоувѣку ни ягъ не можно жить у пекли». Хромой чортъ на другой день надѣлъ барабанъ, ударилъ подъ пекломъ зорю — солдатъ, услышавши объ этомъ и схвативши амуницію, въ одно мгновеніе выбѣжалъ вонъ, и такимъ образомъ избавились черти отъ такого неугомоннаго гостя.

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА.

Свѣтлый, полный, — раздольное море жизни, — міръ древнихъ грековъ не властенъ былъ дать направленіе поэзіи Козлова. Когда весь блескъ, все разнообразіе постоянно-свѣтлой, въ безчисленныхъ формахъ проявляющейся жизни природы слилось для него въ одну ужасную единицу — въ мракъ, могла ли душа жить прежними ясными явленьями? — Какъ будто въ изступленіи, какъ будто подавляемая горестью, съ порывомъ, съ немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься надъ собственнымъ несчастьемъ, она искала другой встрѣчи и въ изумленіи остановилась предъ Байрономъ, такъ чудно обхватившимъ гигантскою мрачною душою всю жизнь міра и такъ дерзостно посмѣявшемуся (sic) надъ нею, можетъ-быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе. Душѣ нашего поэта желалось обвиться около этой гордо-одинокой души, испо-

лински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутаго, собственный, ею же созданный, нестройный и чудный міръ, и, обвившись около нея, горько улыбнуться уже несуществующей для нея прежней Илиадѣ жизни. Кроткое христіанское величіе вѣры, такъ доступное человѣку въ то страшное мгновеніе перерожденія его, проникло и облекло чистымъ сіяніемъ своимъ все, полученное имъ въ сообществѣ съ душою этого исполнителя, съ которымъ мѣяться не имѣлъ онъ достаточныхъ силъ, и сообщило ему индивидуальность, безъ которой онъ былъ бы только безсильнымъ подражателемъ. Но даже и въ тихомъ порывѣ религіозной души своей, когда благословляетъ онъ тяжкій крестъ несчастій, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслажденіе души собственными муками. Онъ сильно даетъ чувствовать всѣ великія, горькія траты свои, часто собираетъ въ одинъ моментъ все исчезнувшее, живо представляетъ его во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, чтобы показать вмѣстѣ (съ тѣмъ), чего стоитъ ему позабыть (о немъ) и удалить мысль о немъ. Глядя на радужные цвѣты и краски, которыми кипитъ и блещутъ его роскошныя картины природы, тотчасъ узнаешь съ грустью, что они уже утрачены для него навѣки: зрителю никогда бы не показались бы (sic!) они въ такомъ яркомъ и даже увеличенномъ блескѣ. Они могутъ быть достояніемъ только такого человѣка, который давно уже не любовался ими, но вѣрно и сильно сохранилъ объ нихъ воспоминаніе, которое росло и увеличивалось въ горячемъ воображеніи и блистало даже въ неразлучномъ съ нимъ мракѣ. Но и въ сихъ созданіяхъ, въ которыхъ, кажется, онъ стремится позабыть все грустное, касающееся собственной души, и ловить невидимыми очами видимую природу — и здѣсь, и подъ цвѣтами, горитъ тихая печаль. Онъ весь въ себѣ. Весь нераздѣльный міръ своей носить въ душѣ и не властенъ оторваться отъ него. Иногда стремленіе его центробѣжно и будто хочетъ разлиться во внѣшнемъ, но для того только, чтобы снова съ болѣею силою устремиться къ своему центру — самому себѣ, какъ будто угадывая, что тамъ только его жизнь, что тамъ только найдетъ отвѣтъ себѣ. Если онъ долго останавливается на внѣшнемъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ уже лишаетъ его индивидуальности: онъ проявляетъ уже въ немъ самого себя, видитъ и развѣиваетъ въ немъ міръ соб-

ственной души. Мнѣ кажутся и донынѣ странными замѣчанія и упрёки многихъ Козлову, что въ поэмахъ у него вѣчное тожество и однообразіе жизни, что лица его не имѣютъ полной романической отдѣлки и не живутъ собственною жизнью, что «Безумная» нимало не похожа на русскую крестьянку, — словомъ, требуютъ отъ Козлова того, чего только въ правѣ мы требовать отъ Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразія внѣшняя жизнь не существуетъ, что весь міръ его сосредоточился въ немъ самомъ и его одного силёнъ онъ слѣдить въ многоразличныхъ измѣненіяхъ, а лица и герои у него только образы, условные знаки, въ которые облакаетъ онъ явленія души своей, что обнять во всей полнотѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь — удѣлъ генія всемірнаго и что наконецъ Козловъ относится относится къ Пушкину такъ, какъ часть къ цѣлому. Поэтъ понимаетъ все достоинство послѣдняго. Оно лестнѣе жаркой душѣ его и кадилъ, и безотчетныхъ хвалъ. И для кого не блистательна, кому не завидна участь: быть частью необъятнаго Пушкина!! *)

*) Новый прелестный стихотвореніе Козлова: «Субботній вечеръ», переводъ и мелкія съ трогательнымъ «Посвященіемъ» — прекраснымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на гробъ

Той красотѣ, которой много
Россійскій жертвовалъ Парнаесъ,
Когда туманною дорогою
Брела поэзія у насъ.

Находится въ такихъ-то книжныхъ лавкахъ. Продается по такой-то цѣнѣ.

НѢСКОЛЬКО ГЛАВЪ

ИЗЪ

НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВѢСТИ.

ГЛАВА I.

Быль апрѣль 1645 года, время, когда природа въ Малороссіи похожа на первый день своего творенія; самая нѣжная зелень убирала очнувшіяся деревья и степи. Этотъ день былъ передъ самымъ Воскресеньемъ Христовымъ. Онъ уже прошелъ, потому что молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый дѣвственный воздухъ, разносившій дыханіе весны, вѣялъ сильнѣе. Сквозь жидкую сѣть вишневыхъ листьевъ мелькали въ огнѣ окна деревянной церкви села Комишны. Старая, истерзанная временемъ, покрытая мохомъ церковь будто обновилась; вокругъ ея, какъ рои пчелъ, толпились козаки изъ ближнихъ и дальнихъ хуторовъ, изъ которыхъ едва десятая часть помѣстилась въ церкви. Было душно; но что-то говорило свѣтлымъ торжествомъ. Авторъ просить читателей вообразить себѣ эту картину XVII-го столѣтія. Мужественныя, худощавыя, съ рѣзкими чертами, лица и бритыя головы, опустившіеся внизъ усы, падавшіе на грудь, широкія плечи, атлетическая сила, при каждомъ почти заткнутой за поясъ пистолетъ и сабля показывали уже, въ какую эпоху собрались козаки. Странно было глядѣть на это море головъ, почти не волновавшееся. Благотворное чувство обнимало зрителя. Все здѣсь собравшееся было характеръ и воля; но и то, и другое было тихо и безмолвно. Свѣтъ паникадила, отбрасываясь на всѣхъ, придавалъ еще сильнѣе выраженіе лицамъ. Это была картина великаго художника, вся полная движенія, жизни, дѣйствія

и между тѣмъ неподвижная. Почти незамѣтно прибавилось одно новос лицо къ молящимся. Оно возвышалось надъ другими почти цѣлою головою; какой-то крѣпкій, смѣлый окладъ, какая-то легкая безпечность выказывалась на немъ. Оно было спокойно и вмѣстѣ такъ живо, что, взглянувши, ожидалъ бы непременно услышать отъ него слово, чтобы увидѣть его измѣнившимся, какъ будто бы оно непременно должно было все заговорить конвульсіями. Но между тѣмъ какъ всѣ мало-по-малу начали обращаться на него, вся масса двинулась изъ храма, для торжественнаго хода вокругъ церкви, и замѣчательная фizioномія смѣшалась съ другими, выходя по церковной лѣстницѣ. У самаго крыльца стояли нѣсколько жидовъ, содержавшіе, по волѣ польскаго правительства, откупъ, и спорили между собою, намѣчая мѣломъ пасхи, приносимыя для освященія христіанами. Нужно было видѣть, какъ на лицѣ каждаго выходившаго дрогнули скулы. Это постановленіе правительства было уже давно объявлено; народъ съ ропотомъ, но покорился силѣ. Оппозиціонисты были испровержены. Къ этому, кажется, всѣ уже привыкли, зная, что это такъ; но, несмотря на это, при видѣ этого постановленія, приводимаго въ исполненіе, онъ такъ изумился, какъ будто бы это была новость. Такъ преступникъ, знающій о своемъ осужденіи на смерть, еще движется, еще думаетъ о своихъ дѣлахъ; но прочитанный приговоръ разомъ разрушаетъ въ немъ жизнь. Послѣ переменъ въ лицѣ, рука каждаго невольно опустилась къ кинжалу или къ пистолетамъ. Но ходъ окончился; всѣ спокойно вошли въ церковь, при пѣніи: *«Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!»* Между тѣмъ совершенно наступило утро. Выстрѣлы изъ пистолетовъ и мушкетовъ потрясали деревянныя стѣны церкви. На всѣхъ лицахъ красіяла радость: у однихъ при мысли о пасхѣ, у дѣвушекъ при цѣлованьи съ козаками, [у тѣхъ] при попойкѣ, какъ вдругъ страшный шумъ извнѣ заставилъ многихъ выйти. Передъ разрушившеюся церковью собрались въ кучу, изъ которой раздавались брань и крикъ жидовъ. Три жиды отбирали у дряхлаго, посѣдѣвшаго, какъ лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что онъ не вноситъ за нихъ денегъ. За старика вступилось двое, стоявшихъ около него; къ нимъ пристали еще, и, наконецъ, цѣлая толпа готовилась задавить жидовъ, если бы тотъ же самый широкоплечій, высокаго росту, чья фizio-

номія такъ поразила находившихся въ церкви, не остановилъ однимъ своимъ мощнымъ взглядомъ. «Чего вы, хлопцы, сдуру бѣснуетесь? У васъ, видно, нѣтъ ни на волосъ божьяго страха. Люди стоятъ въ церкви и молятся, а вы тутъ, чортъ знаетъ, что дѣлаете. Гайда по мѣстамъ!» Послушно всѣ, какъ овцы, разбрелись по своимъ мѣстамъ, разсуждая: что это за чудо такое, откуда оно взялось и съ какой стати вязывается онъ, куда его не просятъ, и отчего онъ хочетъ, чтобы слушались. Но это каждый только думалъ, а не сказалъ вслухъ. Взглядъ и голосъ незнакомца какъ будто имѣли волшебство: такъ были повелительны. Одинъ жидъ стоялъ только, не отходя, и какъ скоро оправился отъ перваго страха незванною помощію, началъ было снова приступать, какъ тотъ же самый и схватилъ его могучею рукою за воротъ такъ, что бѣдный потомокъ Израилевъ съежился и присѣлъ на колѣни. «Ты чего хочешь, свиносе ухо? Такъ тебѣ еще мало, что душа осталась въ галанцахъ? Ступай же, тебѣ говорю, поганая жидовина, пока не оборвалъ тебѣ пейсики». Послѣ того толкнулъ онъ его, и жидъ разстался на землѣ, какъ лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бѣжать; спустя нѣсколько времени, возвратился съ начальникомъ польскихъ уланъ. Это былъ довольно рослый полякъ, съ глупо-дерзкою фізіономіею, которая всегда почти отличаетъ полицейскихъ служителей. — «Что это? Какъ это?... Гунство, теремтете? Зачѣмъ драка, холопство проклятое? Лысый бѣсъ въ кашу съ смальцемъ! Развѣ? Что вы? Что тутъ драка? Порвалъ бы васъ собака!...» Блюстителъ порядка не зная бы, куда обратиться и на кого излить потокъ своихъ наставленій, приправляемыхъ бранью, если бы жидъ не подвелъ его къ старику-козаку, котораго волосы, вздуваемые вѣтромъ, какъ снѣжный иней серебрились. «Что ты, глупый холопъ, вздумалъ? Что ты драку началъ, драку? Пасе мазенято, гунство! Знаешь ты, что жидъ? Гунство проклятое!... Знаешь, что борода поповская не стоитъ подошвы?.. Чортъ бы тебя схватилъ въ банѣ за пупъ!... У него еломецъ краше, чѣмъ ваша *холопска вѣра*...» Тутъ онъ схватилъ за волосы старца и выдернулъ клокъ серебряныхъ волосъ его...

Глухое стenanіе испустилъ старый козакъ.

«Бей еще! Самъ я виноватъ, что дожилъ до такихъ лѣтъ, что и счетъ уже имъ потерялъ. Сто лѣтъ, а можетъ и больше,

тому назадъ, меня драли за чубъ, когда я былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять бьютъ. Видно, снова воротились лѣта мои... Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Бей же меня!...» При сихъ словахъ двадцатилѣтній старецъ наклонилъ свою бѣлую голову на руки, сложенные крестомъ на палкѣ, и, подпершись ею, долго стоялъ въ живописномъ положеніи. Въ словахъ старца было невѣроятно трогательное. Замѣтно было, что многіе хватились рукою за сабли и пистолеты, но видъ столькихъ усатыхъ улановъ на лошадяхъ и нѣсколько словъ, сказанныхъ незнакомцемъ, заставили всѣхъ принять положеніе молещниковъ и креститься.

«Что ты врешь, глупый мужикъ, теремтете! Что[бы] я на тебѣ руки поганилъ, гунство проклятое! Лысый бѣсъ рогатый тебѣ въ кашу! Гершко! возьми отъ него пасху! Пусть его однимъ овсянымъ сухаремъ разговѣтся! Вишь, гунство проклятое!» говорилъ блюститель правосудія, подвигаясь къ ряду дѣвичьему и уцепивъ одну изъ нихъ за руку. «Что за драка? Охъ, славная дѣвка! Вишь, драку!... Ай-да Параска! Ай-да Пидорка! Вишь, глупый мужикъ... порвалъ бы его собака!... Ай, ай, ай! Сколько тутъ жиру!...» Блюститель порядка, вѣрно, себѣ позволилъ нескромность, потому что одна изъ дѣвушекъ вскрикнула во все горло. Въ это время пасхи были освящены, и обѣдня кончилась, и многіе уже стали расходиться. Нѣсколько только народу обступило козака, такъ заинтересовавшаго толпу, который между тѣмъ подходилъ къ исправлявшему званіе алгіазила.

«Славный у тебя усъ, панъ!» проговорилъ онъ, подступивъ къ нему близко.

«Хорошій! У тебя, холопа, не будетъ такого», произнесъ онъ, расправляя его рукою.

«Славный! Только не туда ты, панъ, крутишь его. Вотъ куда пужно крутить!» Мощный козакъ дернулъ сильною рукою такъ, что половина уса осталась у него.

Старый волокита закричѣлъ и заревѣлъ отъ боли. Лицо его сдѣлалось цвѣта вареной свеклы. «Рубите его, рубите, лайдака!» кричалъ онъ, но почувствовалъ себя въ рукахъ высокаго козака, и, увидя насмѣшливыя лица всѣхъ, сталъ искать глазами своихъ воиновъ. Малеванный шутъ струсилъ...

«Какъ же тебѣ, панъ, не совѣстно бить такого старика!

А если бы твоего стараго отца кто-нибудь сталъ безчестить такъ поносно при всѣхъ, какъ ты обезчестилъ старѣйшаго изъ всѣхъ насъ,—что тогда? Весело тебѣ было бы терпѣть это? Ступай, панъ! Если бы ты не у короля въ службѣ былъ, я бы тебя не выпустилъ живого».

Впущенный плѣнникъ побѣждалъ, отряхиваясь. За нимъ слѣдомъ повалилъ народъ. Между тѣмъ козакъ....., отвязавши коня, привязаннаго къ церковной оградѣ, готовился сѣсть, какъ былъ остановленъ средняго роста воиномъ, послѣднимъ человѣкомъ, который долго не отводилъ отъ него вниманія и заглядывалъ ему въ глаза съ такимъ любопытствомъ, какъ иногда собака, когда видитъ ядущаго хлѣбъ. «Добродію! вѣдь я васъ знаю.» — «Можетъ-быть, и правда.» — «Ей-Богу, знаю. Не скажу: такъ точно знаю. Ей-Богу, знаю! Чи вы Острица, чи вы Омельченко?» — «Можетъ, и онъ». — «Ну, такъ! Я стою въ церкви и говорю: вотъ то, что стоитъ возлѣ его, то Острица. Ей-ей, Острица. Да можетъ-быть, и нѣтъ. Можетъ-быть, и не Острица. Нѣтъ, Острица. Ей, тебѣ такъ показалось! Ну, какъ нѣтъ? Острица да и Острица. Какъ только послушалъ голосъ, ну, тогда и рукою махнулъ. Вотъ такъ точнехонько покойный батюшка—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ!—такъ же разумно, бывало, каждое слово отмѣтитъ».

Острица внимательно началъ въ него всматриваться и нашель, точно, что-то знакомое. Небольшое продолговатое лицо его было уже прорыто морщинами. Носъ, загнутый внизъ, придавалъ ему нѣсколько горбатое сложеніе и неподвижность члснамъ; но зато узенькіе сѣрые глаза продирались довольно увертливо сквозь чашу насунувшихся бровей, которыя, вѣрно, придали бы лицу суровый видъ, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое въ губахъ, не давали ему противнаго выраженія. Подъ кобелякомъ, надѣтымъ въ рукава, виденъ былъ овчинный кожухъ, хотя воздухъ былъ довольно тепелъ и день былъ жарокъ.

«Я вѣрю и не вѣрю, что вижу опять васъ. А что, добродію,—не во гнѣвъ будь сказано, —прошу извинить, только хотѣлъ бы узнать, что сдѣлалось съ тѣми, которые пошли съ вами? Что Дигтай, Кузубія? Воротились ли они съ вами, или тамъ остались, или воронъ, можетъ, гдѣ-нибудь додаетъ козацки косточки?»

«Дигтяй твой сидить на колу у турецкаго султана, а Кузубія гуляетъ съ рыбами на днѣ Сиваша и тянетъ гни-дую воду вмѣсто горѣлки... Но... ну, послѣ объ этомъ поговоримъ. Я тебя тоже узналъ. Здравствуй, старый Пудько! Христосъ воскресел...»

«Воистину воскресел!» говорилъ, цѣлуясь, Пудько. «Какъ на то, и крашанки нѣтъ! Жинка давала, побоялся взять: народу такое множество... передалъ бы на кисель. Такъ, добродію, какъ будто сердце знало...»

«Ты, ты попржнему торгуешь всякою дрянью?»

«А что-жъ дѣлать? Нужно торговать. Еще слава Богу, что продалъ табакъ. Прошлаго году отецъ съ полвоза накупилъ кремней, дрови, пороху, сѣры, ну и всего, что до мизеріи относится. Напросился на дорогѣ жидокъ одинъ. «Свези, человиче, на Хыякивску ярмарку, — дамъ три рубля». Свезъ его какъ добраго, и надулъ проклятый жидокъ, ей Богу, надулъ! Хотъ бы четвертку горѣлки далъ, гаснидъ лысый. Знаете, что у меня чуть было ляхи не отняли всего скота? Кобылу взяли подъ верхъ вербуна. Теперь у меня только и конины, что гнѣдко», примолвилъ онъ, садясь на гнѣдого коня и видя, что Острица поворотилъ коня ѣхать. «Эхъ, добродію! Если бы теперь кто сказалъ: «А ну, старый, гайда на войну бить ляховъ!» — все бы продалъ, и жинку, и дѣтей бы покинулъ, пошелъ бы въ компанейство». При этомъ Пудько выпрямился и поскакалъ за Острицею, который пришпорилъ сильнѣе коня своего. «Скажите, добродію, пане сотнику», говорилъ онъ, поровнявшись съ нимъ: «можетъ, вы теперь уже и не сотникъ, въ другой ротъ какой запчитесь? Скажите, до какой это поры дожили, что уже и храмы Божіи взяло на откупъ жишовство? Какъ же это, добродію, не обидно? Каково было снести всякому христіанину, что горѣлка находится у враговъ христіанства? А теперь и храмы Божіи! Тутъ, добродію, нужно намъ взять вправо, ибо мимо валу нѣтъ уже проѣзду. Да, и забылъ, что онъ при васъ былъ подкочанъ. Говорятъ, какъ свѣчка полетѣлъ подъ самое небо. Боже ты мой! сколько народу перемерло! Такъ и Дигтяй, вы говорите, теперь сидить на колу? И Кузубія потонулъ? А какой важный, какой сильный народъ былъ! Сколько, подумаешь, пропадаетъ козачества! Вы слышите, какъ поступиваютъ хлопцы изъ мушкетовъ, что земля дрожить? Мы

сейчасъ будемъ ѣхать мимо площади, гдѣ веселится народъ. Если вы въ хуторъ свой ѣдете, добродію, то и я съ вами. Лучше тамъ разговлюсь святою пасхою, чѣмъ дома съ бабами. Пусть жинка и дочка остаются сами. Вѣрно, добродію, что произошло межъ народомъ, потому что всѣ столпились въ кучу и бросили всякое гулянье».

Въ самомъ дѣлѣ, на открывшейся въ это время изъ-за хать площади народъ сросся въ одну кучу. Качели, стрѣльба и игры были оставлены. Острианица, взглянувши, тотчасъ увидѣлъ причину: на шестѣ былъ повѣшенъ, вверхъ ногами, жидъ, тотъ самый, котораго онъ освободилъ изъ рукъ разгнѣваннаго народа. На ту же самую висѣлицу тащили храбреца съ оборваннымъ усомъ. Острианица ужаснулся, увидѣвъ это. «Нужно поспѣшить», говорилъ онъ, прищипоривъ коня. «Народъ не знаетъ самъ, что дѣлается. Дурни! Это на ихъ же головы рушится».—«Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народъ! Развѣ этакъ по-козацки дѣлается?» произнесъ онъ, возвысивъ голосъ.

«Что смотришь его!» слышался говоръ между молодежью. «Въ другой разъ хочеть у насъ вытащить изъ рукъ».

«Послушайте, у кого есть свой разумъ».

«Онъ правду говоритъ», говорило нѣсколько умѣренныхъ.

«Молоды вы еще; я вамъ расскажу, какъ дѣлають по-козацки. Когда одинъ да выйдетъ противъ трехъ, то бравый козакъ; противъ десяти — еще лучше; одинъ противъ одного — не штука; когда-жъ три на одного нападутъ, то всѣ не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется; для святого праздника не скажу срамнаго слова. Какъ же хотите теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитнаго, какъ будто на какую крѣпость страшную? Спрашиваю васъ, братцы», продолжалъ Острианица, замѣтивъ вниманіе: «какъ называть тѣхъ?»

«А чѣмъ называть его?» заговорили многіе вполголоса. «Что-жъ есть хуже бабы, или того, что онъ постыдился сказать? мы не знаемъ».

«Э, не къ тому рѣчь, паноче, своротилъ», произнесло въ голосъ нѣсколько парубковъ. «Что-жъ? Развѣ мы должны позволить, чтобъ всякая падала топтала насъ ногами?»

«Глупы вы еще: не великъ, видно, усь у васъ», продолжалъ Острианица. При этомъ многіе ухватились за усы и

стали покручивать ихъ, какъ бы въ опроверженіе сказаннаго имъ. «Слушайте, я расскажу вамъ одну присказку. Одинъ школяръ учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово Божье. Вѣрно, онъ былъ придурковать, а можетъ-быть и лѣнь тому мѣшала. Дьякъ его поколотилъ дубинкою разъ, а постѣ въ другой, а тамъ и въ третій. «Крѣпко бьется проклятая дубина», сказалъ школяръ, принесъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски. «Постой же ты!» сказалъ дьякъ, да и вырубилъ дубину, толщиною въ оглоблю, и такъ погладилъ ему бока, что и теперь еще болятъ. Кто-жъ тутъ виноватъ: дубина развѣ?»

«Нѣтъ, нѣтъ», кричала толпа: «тутъ виноватъ, виноватъ король!..»

Радуюсь, что наконецъ удалось успокоить народъ и спасти шляхтича, Острица выѣхалъ изъ мѣстечка и пришпорилъ коня сильнѣе, и услышалъ, что его нагоняетъ Пудько. Какъ-то тягостно ему было видѣть возлѣ себя другого. Множество скопившихся чувствъ нудило его къ раздумью. Свѣжій, тихій весенній воздухъ и притомъ нѣжно одѣвающіяся деревья какъ-то расположили въ такое состояніе, когда всякій товарищъ бываетъ скученъ въ глазахъ вѣчно уопытной природы. И потому Острица выдумалъ предлогъ отослать впередъ Пудьку въ хуторъ и ожидать его тамъ, а самъ, сказавъ, что ему еще нужно заѣхать къ одному пану, поворотилъ съ дороги.

Этимъ распоряженіемъ Пудько, кажется, не былъ недоволенъ, или, можетъ, только принялъ на себя такой видъ, потому что чрезъ это нимало не измѣнялъ любимой привычкѣ своей говорить. Вся разница, что, вмѣсто Острицы, онъ все это пересказывалъ своему гнѣдкѣ... «О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнѣдко! Онъ тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на лиховъ, онъ славную имъ далъ перспойку. Дали-бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье. А правда? не важно жидъ болтается на висѣлицѣ? А пана напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостаетъ одной клепки въ головѣ; ну, да что жъ дѣлать? Онъ отъ короля поставленъ. Можетъ, ты еще спросишь, за что-жъ жидъ повѣсили? вѣдь и онъ отъ короля поставленъ? Гм!... вѣдь ты дуракъ, гнѣдко! Онъ зато врагъ Христовъ, нашего Бога святаго». Тутъ онъ ударилъ хлыстомъ своего скромнаго

слушателя: убаюкиваемый его розказнями, развѣсилъ уши и началъ ступать уже шагомъ. «Оно не такъ далеко и хуторъ, а все лучше раньше поспѣть. Уже давно пора, хочется разговѣться святою пасхою. Говори, молъ: мнѣ не пасхи, мнѣ овса подавай. Потерпи немножко: у папа славный овесъ, и пшеницы дамъ въ волю, и сивухою попотчиваютъ. Я давно хотѣлъ у тебя спросить, гнѣдко, что лучше для тебя, пшеница или овесъ? Молчишь. Ну, и будешь же вѣкъ молчать, потому что Богъ повелѣлъ только человѣку, да еще одной маленькой пташкѣ...»

При этомъ онъ опять хлеснулъ гнѣдка, замѣтивъ, что онъ заслушался и сталъ выступать попрежнему... Но, вмѣсто того, чтобы слушать разсужденія нашихъ путешественниковъ на сѣдлѣ и подъ сѣдломъ, обратимся къ Остраницѣ, давно скакавшему по проселочной дорогѣ.

ГЛАВА II.

Какъ только рыцарь потерялъ изъ виду своего сотоварища, тотчасъ остановилъ рысь коня своего и поѣхалъ шагомъ. Солнце показывало полдень. День былъ ясный, какъ душа младенца. Изрѣдка два или три небольшихъ облака, повиснувъ, еще болѣе увеличивали собою яркость небесной лазури. Лучи солнечные были осязательно-живительны; вѣтру не было, но щеки чувствовали какое-то тонкое вліяніе свѣжести. Птицы чилюкали и перепархивали по недавно разрытымъ нивамъ, на которыхъ стройно, какъ будто лѣсъ житныхъ иглъ, восходилъ молодой посѣвъ. Дорога входила въ рытвины и была съ обѣихъ сторонъ сжата крутыми глинистыми стѣнами. Безъ сомнѣнія, очень давно была прорыта эта дорога въ горѣ, потому что по обѣимъ сторонамъ обрыва поросла орѣшникомъ, на самой же горѣ подымались по обѣимъ сторонамъ высокіе, какъ стрѣла, осокори. Иногда перемеживала ихъ лоза, вся въ отпрыскахъ, иногда дубъ толстый, которому сто лѣтъ, и весь убранный павиликой, плющомъ, величаво расширялъ свою [верхушку] надъ ними и казался еще выше отъ обросшаго кустами подмостка. Мѣстами дикая яблоня протягивалась искривленными своими кудрявыми вѣтвями на противоположную сторону и образовала надъ головою сводъ, и сыпала на голову путешественника серебророзовые цвѣты свои, между тѣмъ какъ изъ деревъ часто выглядывалъ обрывъ, весь въ цвѣтахъ и

самыхъ нѣжныхъ первенцахъ весны. Уже дорога становилась шире, и наконецъ открылась равнина, раздольная, ограниченная, какъ рамами, синеватыми вдали горами и лѣсами, сквозь которые искрами серебра блестя прерванная нить рѣки и подъ нею стлались хутора. Здѣсь путешественникъ нашъ остановился, всталъ съ коня и, какъ будто въ усталости или въ желаніи собраться съ мыслями, сталъ поваживать по лбу. Долго стоялъ онъ въ такомъ положеніи, наконецъ, какъ бы рѣшившись на что, сѣлъ на коня и, уже не останавливаясь болѣе, поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ на косогорѣ синѣли сады и, по мѣрѣ приближенія, становились бѣлѣе разбросанныя хаты. Посреди хутора, надъ прудомъ, находилась, вся закрытая вишневыми и сливными деревьями, свѣтлица. Очеретяная ея крыша, мѣстами поросшая зеленью, на которой ярко отливалась желтая свѣжая заплатка, съ бѣлою трубою, покрытою китайскою черною крышею, была очень хороша. Въ ту минуту солнце стало кидать лучи уже вечерніе, и тогда нѣжный серебророзовый колеръ цвѣтущихъ деревъ становился пурпурнымъ. Путешественникъ слѣзъ съ коня и, держа его за поводъ, пошелъ пѣшкомъ черезъ плотину, стараясь итти какъ можно тише. Полощущаяся угки покрывали прудъ; черезъ плотину дѣвочка лѣтъ семи гнала гусей.

«Дома пани?» спросилъ путешественникъ.

«Дома», отвѣчала дѣвочка, разинувъ ротъ и ставъ совершенно въ машинальное положеніе.

«А пани?»

«И пани дома».

«А панночка?» Это слово произнесъ путешественникъ какъ-то тише и съ какимъ-то страхомъ.

«И панночка дома».

«Умная дѣвочка! Я дамъ тебѣ пряникъ. А какъ сдѣлаешь то, что я скажу, дамъ и другой, еще и золотый».

«Дай!» говорила простодушно дѣвочка, протягивая руку.

«Дамъ, только пойдѣ напередъ къ панночкѣ и скажи, чтобъ она на минуту вышла; скажи, что одна баба старая дожидается ея. Слышишь? Ну, скажешь ли ты такъ?»

«Скажу».

«Какъ же ты скажешь ей?»

«Не знаю».

Рыцарь засмѣялся и повторилъ ей снова тѣ самыя слова;

и, наконецъ, увѣрившись, что она совершенно поняла, отпустилъ ее впередъ, а самъ, въ ожиданіи, сѣлъ подъ вербою.

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ мелькнула между деревьями бѣлая сорочка, и дѣвушка лѣтъ осьмнадцати стала спускаться къ греблѣ. Шелковая плахта и кашемировая заплата туго обхватывали стая ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты. Стройнаа роскошь совершенно нѣжныхъ [членовъ] не была скрыта. Широкіе рукава, шитые краснымъ шелкомъ и всѣ въ мережкахъ, спускались съ плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, какъ спѣющее яблоко, тогда какъ на груди подъ сорочкою упруго трепетали молодыя перси. Сходя на плотину, она подняла дотолѣ опущенную голову, и черныя очі и брови мелькнули какъ молнія. Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно приближавшееся къ греческому: ничего въ ней не было законно, прекрасно-правильно; ни одна черта лица, ничто не соответствовало съ положенными правилами красоты. Но въ этомъ своенравномъ, нѣсколько смугловатомъ лицѣ что-то было такое, что вдругъ поражало. Всякій взглядъ ея полонилъ сердце, душа занималась, и дыханіе отрывисто становилось.

«Откуда ты, человѣкъ добрый?» спросила она, увидѣвъ козака.

«А изъ Запорожья, панночка; зашелъ сюда, по просьбѣ одного пана, коли милости вашей извѣстно, — Острианицы».

Дѣвушка вспыхнула. «А ты видѣлъ его?»

«Видѣлъ. Слушай...»

«Нѣтъ, говори по правдѣ! Еще разъ: видѣлъ?»

«Видѣлъ».

«Забожись!»

«Ей Богу!»

«Ну, теперь я вѣрю», повторила она, немного успокоившись. «Гдѣ-жъ ты его видѣлъ? Что, онъ не позабылъ меня?»

«Тебя позабыть, моя Ганночка, мое серденько, дорогой ты кристаллъ мой, голубочко моя! Развѣ хочется мнѣ быть растоптану татарскимъ конемъ?...» Тутъ онъ схватилъ ее за руку и посадилъ подлѣ себя. Удивленіе дѣвушки такъ было велико, что она краснѣла и блѣднѣла, не произнося ни одного слова.

«Какъ ты сюда прилетѣлъ?» говорила она шопотомъ.

«Тебя поймають. Еще никто не позабылъ про тебя. Ляхи еще не вышли изъ Украины».

«Не бойся, моя голубочка: я не одинъ, не поймають. Со мною соберется кой-кто изъ нашихъ. Слушай, Галя: любишь ли ты меня?»

«Люблю», отвѣчала она и склонила къ нему на грудь разгорѣвшееся лицо.

«Когда любишь, слушай же, что я скажу тебѣ: убѣжимъ отсюда! Мы поѣдемъ въ Польшу къ королю. Онъ, вѣрно, дастъ мнѣ землю. Не то, поѣдемъ хоть въ Галицію, или хоть къ султану; и онъ дастъ мнѣ землю. Мы съ тобою не разлучимся тогда и заживемъ такъ же хорошо, еще лучше, чѣмъ тутъ на хуторахъ нашихъ. Золота у меня много, ходитъ есть въ чемъ,—суконъ, спанечекъ, чего захочешь только».

«Нѣтъ, нѣтъ, козакъ», говорила она, кивая головою съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ: «не пойду съ тобою. Пусть у тебя и золото, и сукна, и едамашки. Хотя я тебя больше люблю, чѣмъ всѣ сокровища, но не пойду. Какъ я оставлю престарѣлую бѣдную мать мою? Кто приглядитъ за нею? «Глядите, люди», скажетъ она: «какъ бросила меня родная дочка моя!» Слезы покатались по ея щекамъ.

«Мы не надолго ее оставимъ», говорилъ Острица: «только годъ одинъ пробудемъ на Перекопѣ или на Запорожьи, а тогда я выхлопочу грамоту отъ короля и шляхетства, и мы воротимся снова сюда. Тогда не скажетъ ничего и отецъ твой».

Галя качала головою все съ тою же грустью и слезами на глазахъ.

«Тогда мы оба станемъ присматривать за матерью. И у меня тоже есть старая мать, гораздо старѣе твоей. Но я не сижу съ ней вмѣстѣ. Придетъ время, женюсь, тогда и не то будетъ со мною».

«Нѣтъ, полно. Ты не то, ты—козакъ; тебѣ подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чемъ тебѣ не думать. Если-бъ я была козакомъ, и я бы закурила люльку, сѣла на коня—и все мнѣ» (при этомъ она махнула граціозно рукой) «трынь-грав! Но что будешь дѣлать? я козачка. У Бога не вымолишь, чтобъ перемѣнить долю... Еще бы я кинула, можетъ-быть, когда бы она была на рукахъ у добрыхъ людей, хоть даже одна; но ты знаешь, каковъ отецъ мой. Онъ прибьетъ ее; жизнь ея, бѣдненькой моей

матери, будетъ горше полыни. Она и то говоритъ: «Видно скоро поставятъ надо мною крестъ, потому что мнѣ все снится то, что она замужъ выходитъ, то, что рѣдятъ ее въ богатое платье, но все съ черными пятнами».

«Можетъ-быть, тебѣ оттого такъ жаль своей матери, что ты не любишь меня», говорилъ Острица, поворотивъ голову на сторону.

«И не люблю тебя? Гляди: я, какъ хмелинонька около дуба, выюсь къ тебѣ», говорила она, обвиняя его руками. «Я безъ тебя не живу».

«Можетъ-быть, вмѣсто меня, какой-нибудь другой съ шпорами, съ золотою кистью?.. что добраго! можетъ-быть и ляхъ?»

«Тарасъ, Тарасъ! пощади, помилуй! Мало я плакала по тебѣ? Зачѣмъ ты укоряешь меня такъ?» сказала она, почти упавъ на колѣнахъ и въ слезахъ.

«О, вашъ родъ таковъ», продолжалъ все такъ же Острица. «Вы, когда захотите, подымете такой вой, какъ десять волчицъ, и слезъ, когда захотите, напускаете въ волю, хоть ведра подставляй, а какъ на дѣлѣ...»

«Ну, чего-жъ тебѣ хочется? Скажи, что тебѣ нужно, чтобъ я сдѣлала?»

«Вдешь со мною или нѣтъ?»

«Ѣду, Ѣду!»

«Ну, вставай, полно плакать; встань моя голубочка, Галочка!» говорилъ онъ, принимая ее на руки и осыпая поцѣлуями. «Ты теперь моя! Теперь я знаю, что тебя никто не отниметъ. Не плачь, моя... За это согласенъ я, чтобъ ты осталась съ матерью до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ наше горе. Что дѣлаетъ отецъ твой? Отецъ твой?»

«Онъ спалъ въ саду подъ грушею. Теперь, я слышу, ведутъ ему коня. Вѣрно, онъ проснулся. Прощай! Совѣтую тебѣ ѣхать скорѣе и лучше не попадаться ему теперь: онъ на тебя сердитъ». При этомъ Ганна вскочила и побѣжала въ свѣтлицу...

Острица медленно сѣлся на коня и, выѣхавши, обочивался нѣсколько разъ назадъ, какъ [бы] желая вспомнить, не позабылъ ли онъ чего, и уже поздно, почти около полуночи, достигнулъ онъ своего хутора.

ГЛАВА III.

Небо звѣдилось, но одѣяніе ночи было такъ темно, что рыцарь едва могъ только примѣтить хаты, почти подѣхавъ къ самому хутору. Въ другое время путешественникъ нашъ вѣрно бы досадовалъ на темноту, мѣшавшую взглянуть на знакомыя хаты, сады, огороды, нивы, съ которыми сплелось его дѣтство. Но теперь столько его занимали происшествія дня, что онъ не обращалъ вниманія, не чувствовалъ, почти не замѣтилъ, какъ заливавшійся со всѣхъ сторонъ собаки прыгали передъ лошадыю его такъ высоко, что, казалось, хотѣли се укусить за морду. Такъ человѣкъ, котораго будятъ, открываетъ на мгновеніе глаза и тотчасъ ихъ смежаетъ: онъ еще не разлучился со сномъ, лѣнивою рукою беретъ онъ за халатъ, но это движеніе для того только, чтобы обмануть разбудившаго его, будто онъ хочетъ встать; а между тѣмъ онъ еще весь въ бреду и во снѣ, щеки его горятъ, можно читать цѣлый водопадъ сновидѣній, и утро дышитъ свѣжестью, и лучи солнца еще такъ живы и прохладны, какъ горный ключъ. Конь самъ собою ускорилъ шагъ, угадавъ родимое стойло, и только однѣ привѣтливыя вѣтви вишенъ, которыя перекидывались черезъ плетень, стѣснявпій узкую улицу, хлестая его по лицу, заставляли его иногда браться рукою. Но это движеніе было машинально. Тогда только, когда конь остановился подъ воротами, онъ очнулся. Низенькія, рѣшетчатые ворота открылись. Кто такой?... Наконецъ, ворота открылись. Острица вѣхалъ во дворъ, но, къ изумленію своему, чуть не наѣхалъ на трехъ улановъ, спящихъ въ мундирахъ.

Это выгнало всѣ мечты изъ головы его. Онъ терялся въ догадкахъ, откуда взялись польскіе уланы. Неужели успѣли уже узнать о его пріѣздѣ? И кто бы могъ открыть это? Если бы, точно, узнали, то какъ можно въ такомъ скоромъ времени совершить эту экспедицію? И гдѣ же дѣлись его запорожцы, которые должны были еще утромъ поспѣть въ его хуторъ? Все это повергло его въ такое недоумѣніе, что не зналъ, на что рѣшиться: ѣхать ли опрометью назадъ, или остаться и узнать причину такой странности? Онъ былъ тронутъ тѣмъ самымъ, который отперъ ему ворота. Первымъ движеніемъ его было схватиться за саблю, но, увидѣвши, что это запорожецъ, онъ опустилъ руку.

«Но пойдете, добродію, въ свѣтлицу: здѣсь не въ обычаѣ говорить, и слишкомъ многолюдно», отвѣчалъ послѣдній.

Въ снѣгахъ вышла старая ключница, бывшая нянькою нашего героя, съ кагашцемъ въ рукахъ. Осмотрѣвши съ головы до ногъ, она начала ворчать: «Чего васъ чортъ носитъ сюда? Все только пугаютъ меня. Я думала, что нашъ панъ пріѣхалъ. Что вамъ нужно? Еще мало горѣлки выпили!»

«Дурна баба! разсмотри хорошенько: вѣдь это панъ вашъ».

Горпина снова начала осматривать съ ногъ до головы, наконецъ вскрикнула: «Да это ты, мой голубчикъ! Да это-жъ ты, моя матусенька! Да это-жъ ты, мой соколъ! Какъ ты перемѣнился весь! какъ же ты загорѣлъ! какъ же ты обросъ! Да у тебя, я думаю, и головка не мыта, и сорочки никто не далъ перемѣнить». Тутъ Горпина рыдала навзрыдъ и подняла такой вой, что лай собакъ, который было началъ стихать, удвоился.

«Сумасшедшая баба!» говорилъ запорожецъ, отступивши и плюнувши ей прямо въ глаза. «Чего сдуру ты заревѣла? Народъ весь разбудишь».

«Довольно, Горпина», прервалъ Острианица. «Вотъ тебѣ, гляди на меня! Ну, насмотрѣлась?»

«Насмотрѣлась, моя матинько родная! Какъ не наглядѣться! Еще когда ты маленькимъ быть, носила я на рукахъ тебя, и какъ вырасталъ, все не спускала глазъ, Боже мой! А теперь вотъ опять вижу тебя! Охо, хо!» И старуха принялась рыдать

«Слушай, Горпино!» сказалъ Острианица, примѣтивъ, что ключница для праздника наградила себя порядочною кружкой водки. «Лучше ты принеси закусить чего-нибудь и напередъ подай святой пасхи, потому что я, грѣшный, цѣлый день сегодня не ѣлъ ничего и даже не попробовалъ пасхи».

«Да ты-жъ вотъ ото и пасхи не отвѣдывалъ, бѣдная моя головонька! Несчастная горемыка я на этомъ свѣтѣ! Охо, хо!» Тутъ потоки слезъ, разрѣшившись, хлынули цѣлымъ водопадомъ, и, подперши щеку рукою, снова была готова завывать, если-бъ не увидѣла надъ собою замахнувшейся руки запорожца.

«Добродію! позволю кіємъ уgomонить проклятую бабу! Чтѣ это за соромный народъ! Пришла-жъ ѡхота Господу Богу породить этакое племя! Или ему недосугъ тогда былъ или Богъ его знаетъ, чтѣ ему тогда было...»

Остраница вошелъ между тѣмъ въ свѣтлицу и, снявши съ себя кобенякъ, бросился на коверъ. Дорога, голодъ и встрѣчи привели его въ такую усталость, что онъ растянулся на немъ въ совершенной безчувственности, не обращая ни на что глазъ своихъ, а потому наше дѣло представить описаніе свѣтлицы, замѣчательной тѣмъ, что постройка ея принадлежала еще дѣду. Это была просторная, болѣе продолговатая, комната и вмѣстѣ съ тѣмъ низенькая, какъ обыкновенно строилось въ тотъ вѣкъ. Ничто въ ней не говорило о прочности, какъ будто, кажется, строитель былъ твердо увѣренъ, что ея существованіе должно быть эфемерно; но, однакъ, поправками, придѣлками ветхое строеніе простояло около 50 лѣтъ. Стѣны были очень тонки, вымазаны глиною и выбѣлены снаружи и внутри такъ ярко, что глаза едва могли выносить этотъ блескъ. Весь полъ въ комнатѣ былъ тоже вымазанъ глиною, но такъ былъ чисто выметенъ, что на немъ можно было лечь, не опасаясь запылить платья. Въ углу комнаты, у дверей, находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты; сторона ея, обращенная къ окнамъ, была покрыта бѣлыми изразцами, на которыхъ синею краскою были нарисованы подобія человѣческимъ лицамъ, съ желтыми глазами и губами; другая сторона состояла изъ зеленыхъ гладкихъ изразцовъ. Окна были невелики, круглы; матовыя стекла, пропускавъ свѣтъ, не давали видѣть ничего происходящаго на дворѣ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ дѣда Остраницы, воевавшего съ знаменитымъ Баторіемъ. Онъ былъ изображенъ почти во весь ростъ, въ кольчугѣ, съ парю [пистолетовъ], заткнутыхъ за поясъ; нижняя часть ногъ до колѣнъ не была только видна. Потемнѣвшія краски едва позволяли видѣть суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мягкое, казалось, было совершенно не извѣстно. Надъ дверьми висѣла тоже небольшая картина, масляными красками, изображающая беззаботнаго запорожца съ боченкомъ водки, съ надписью: *«Козакъ душа правдивая, сорочки не має»*, которую и донинѣ можно иногда встрѣтить въ Малороссіи. Противъ дверей — нѣсколько иконъ, убран-

ныхъ калиною и зелеными цвѣтами, а подѣ ними на длинной деревянной доскѣ нарисованы сцены изъ Священнаго Писанія: тутъ былъ Авраамъ, прицѣливающійся изъ постола въ Исаака; Святой Даміанъ, сидящій на колу, и другія подобныя. Податѣ висѣло нѣсколько турецкихъ саблей, ружье и разной величины пистолеты; неподвижный подѣ образами столъ, накрытый чистою скатертью, шитою по краямъ краснымъ шелкомъ и потемнѣвшимъ серебромъ; два страннаго вида складныхъ стула. Въ этомъ состояло убранство комнаты... Острианица между тѣмъ теперь только замѣтила, что столъ былъ уставленъ деревянными блюдами съ яйцами, масломъ и бараниною. Первымъ его дѣломъ было приблизиться къ столу и утолить голодъ, который теперь началъ сильнѣе докучать ему.

Въ это время вошла старая ключница съ пасхой, съ сметаной, сыромъ... «Вотъ тебѣ, паночиньку мой, и розговѣны! Вотъ тебѣ и сметанка!» говорила [она]. «Куда-жъ, какъ онъ проголодался, бѣдная дытына! Вотъ какъ не подавится, бѣдненькій! А я-то думала, а я хлопотала, а я бѣгала, какъ бы ему, моему сердечному... А вотъ Господь сподобилъ, опять вижу тебя. Охо, хо, хо!»

Горпина опять было хотѣла всплакнуть, но запорожецъ Пудько, который началъ было подремывать, сидя возлѣ насыщавшаго свой голодъ рыцаря, устремилъ на нее глаза и проговорилъ: «Ну, ну, ну! попробуй только заревѣть!..»

Это остановило памѣрсніе Горпины... «Кушай, кушай, сынку мой! ѣшь на здоровье, ѣшь, я не мѣшаю тебѣ! Голубчикъ мой! Мы съ тобою только разъ христосовались. Похристосуемся, мое серденько, похристосуемся!..»

«Еще и христосоваться!» проговорилъ Пудько сквозь сонъ и схватилъ, вмѣсто пуги, Горпинину ногу. «Пошла, проклятая баба!»

«Ступай, Горпино! полно тебѣ!» проговорилъ, поднявшись, Острианица. «А не то я, несмотря на то, что ты стара и что нянчила меня, сниму со стѣны вотъ этотъ батогъ; видишь ты этотъ батогъ?»

Горпина, которая привыкла бояться повелительнаго голоса своего пана, немедленно повиновалась.

«Ну, Пудько, гдѣ-жъ Тарасъ? Чтѣ онъ дѣлаетъ? Чтѣ я его не вижу?»

«А что-жъ ему дѣлать? Извѣстно, что дѣлаетъ: спать гдѣ-нибудь».

«Ну, такъ пойдѣмъ же и мы спать, только не въ душевой хатѣ, а на вольной землѣ, подѣ небомъ».

Запорожецъ натянулъ на себя кобеньякъ и пошелъ вслѣдъ за Острицею изъ свѣтлицы, въ которой чуть было не упалъ, зацѣпившись за что-то, лежавшее у порога, но голосу которое не дало,—завернувшееся въ кожаную туловище. Острица узналъ Курника, но замѣтно было, что онъ хватилъ не меньше другихъ, потому что въ его словахъ была страшная противоположность тому, что онъ говорилъ въ дверяхъ. Даже самый образъ выраженія былъ не тотъ; множество словъ вмѣшивалось такихъ, которыхъ странно и смѣшно было отъ него слышать. Замѣтно было, что на него много сдѣлали влiянiя запорожцы. «Эхъ, славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, торо, гайда, гопъ, гопъ, гопъ! Эка славная конница у запорожцевъ! Торо, торо, гопъ, гопъ, гопъ! Экая конница! Послушай, любезный, скажи мнѣ: какая у тебя конница? У меня конница запорожская. Откуда ты мужичокъ? Зачѣмъ ты пришелъ? Не могу, у меня конница запорожская! Торо, торо, торо! гопъ, гопъ, гопъ!» и тому подобно. Острица попробовалъ было подойти къ атаману, котораго указалъ ему Пудько и который лежалъ, подмостивши себѣ подѣ голову боченокъ, но услышалъ отъ него одни совершенно безсвязныя слова, изъ чего онъ заключилъ, что всѣ гуляли, какъ слѣдуетъ, и рѣшился оставить ихъ въ покоѣ и присоединиться къ другимъ, которыхъ храпѣнiе составляло самую фантастическую музыку. Скоро всѣ уснули.

ГЛАВА IV.

Однакожъ, Острица долго не могъ заснуть; напрасно переворачивался онъ съ боку на бокъ и пробовалъ всѣ положенiя: сонъ убѣгалъ его, а думы незваныя приходили и силою ложились въ его мозгу. И такъ, его прiѣздъ понапрасну; и столько приготовленiй, столько заботъ — все попустому! Она не хочетъ ѣхать съ нимъ. Такъ вотъ это та любовь, та горячая, безграничная любовь! Ей жаль матери: для матери готова она забыть свою любовь. Способна ли она для страсти, когда можетъ еще думать при ней объ другомъ, объ отцѣ или матери? Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ лю-

бовъ настоящая, такая, какъ слѣдуетъ, тамъ нѣтъ ни брата, ни отца.—«Нѣтъ, я хочу», говорилъ онъ, разбрасывая руками: «чтобъ она или меня одного, или никого не любила. Цѣлуй, прижимай меня! Пусть жаръ дыханія твоего пахнетъ мнѣ на щеки! Обнимая дрожащія груди твои, прижму тебя къ моимъ грудямъ... И еще при этомъ думать объ другомъ!.. О, какъ чудно, какъ странно создана женщина! Какъ приводитъ она въ бѣшенство! Весь горишь, пламень въ сердцѣ, душно, тоска, агонія.. а сама она, можетъ, и не знаетъ, что творить въ насъ; она себѣ такъ, какъ ни въ чемъ не бывало: глядитъ безпечно и не знаетъ, что за муку произвела!»

Но между тѣмъ луна, плывшая среди необозримаго синею роскошнаго неба, и свѣжій воздухъ весенней ночи на время успокоили его мысли. Онъ излился въ длинномъ монологѣ, изъ котораго, можетъ-быть, узнають [читатели] сколько-нибудь жизнь героя. «И какъ же ей, въ самомъ дѣлѣ, оставить бѣдную мать, которая когда-то ее лелѣла и которую теперь она лелѣетъ, для которой нѣтъ ничего и не будетъ уже ничего въ мірѣ, когда не будетъ ея дочери? Она одна для нея радость, пища, жизнь, защита отъ отца. Нѣтъ, права она. И странная судьба моя! Отца я не видалъ: его убили на войнѣ, когда меня еще на свѣтѣ не было. Матери я видѣлъ только посинѣлый и разрѣзанный трупъ. Она, говорятъ, утонула. Ее вытянули мертвую и изъ утробы ея вырѣзали меня, безчувственного, неживого. Какъ мнѣ спасли жизнь — самъ не знаю. Кто спасъ? Зачѣмъ спасъ? Лучше бы пропалъ, не живши! Чужіе прирѣли. Еще малъ и глупъ, я уже наѣздничалъ съ запорожцами. Опять случай: меня полонили татары. Не годится жить межъ ними христіанину, пить кобылье молоко, ѣсть конину. Однакожъ я былъ веселъ душой; ну, вырвусь же когда-нибудь на волю! И вотъ пріѣхалъ я на родину, сирота-сиротою. Не встрѣтилъ никого знакомаго. Хотя бы собака была такая, которая знала меня въ дѣтствѣ. Никого, никого! Однакожъ, хотя грустная, а все-таки радость была—и печально, и радостно! Больно было глядѣть, какъ посмѣвался католикъ православному народу, и вмѣстѣ весело. Подожди, ляше, увидишь, какъ растопчетъ тебя вольный рыцарскій народъ! Что же? Вотъ тебѣ и похвалился! Увидѣлъ хорошую дивчину—и все позабылъ, все къ чорту.

Охъ, очи, черныя очи! Захотѣлъ Богъ погубить людей за беззаконья, и послалъ вась. Собиралось компанейство отмстить за ругательства надъ Христовой вѣрой и за безчестье народу. Я ни объ чемъ не думалъ, меня почти силою уже заставили схватиться за саблю. Въ недобрый часъ затѣялась эта битва. Чтѣ-то дѣлають теперь въ Польшѣ коронный гетманъ, сеймъ и полковники? Грѣхъ лежать на печкѣ. Еще бы можно было поправить; вражья потеря вѣрно-бъ была сильнѣе, когда бы ударилъ изъ засады я. Бѣжать всѣ запорожцы, увидавъ, что и Галькинь отецъ держать вражью сторону. А все вы, черныя брови, вы всему виной! И вотъ я снова пріѣхалъ сюда съ ватагою товарищей; но не правда, и мечь, и жажда искупить себѣ славу силой и кровью завели меня, все вы, все вы, черныя брови! Дивно диво—любовь! Ни объ чемъ не думаешь, ничего на свѣтѣ не хочешь, только сидѣть бы возлѣ ней, уставивши на нее очи, прижавши ближе къ себѣ, такъ, чтобы пылающія щеки коснулись щеки, и все бы глядѣть. Боже! какъ хороша она была, смѣясь! Вотъ она глядитъ на меня. Серденько мое, Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душка моя, крошка моя! Чтѣ-то теперь дѣлаешь ты? Вѣрно, лежишь и думаешь обо мнѣ! Нѣтъ, не могу, не въ силахъ оставить тебя, не оставлю ни за чтѣ... Какъ же придумать?... Голова моя горитъ, а не знаю, чтѣ дѣлать! Поѣду къ королю, упрошу Ивана Острицу: онъ добудетъ мнѣ грамоту и королевское прощенье, и тогда, тогда... Богъ знаетъ, чтѣ тогда будетъ! Только все лучше, я буду близъ нея жить...»

Такъ раздумывалъ и почти разговаривалъ самъ съ собою Острица; уже онъ обнималъ въ мысляхъ и свою Галю; вмѣстѣ уже воображалъ себя съ нею въ одной свѣтлицѣ; они хозяйничаютъ въ этомъ земномъ раѣ... Но настоящее опять вторглось въ это обворожительное будущее, и герой нашъ въ досадѣ снова разбрасывалъ руками; кобеникъ слетѣлъ съ плечъ его. Его терзала мысль, какимъ образомъ объявить запорожскому атаману, что теперь уже онъ оставляетъ свое предприятие и, стало-быть, помощь его больше не нужна.

ГЛАВА V.

Какъ только проснулся Острица, то увидѣлъ весь дворъ, наполненный народомъ: усы, байбараки, женскіе

парчевые кораблики, бѣлыя намитки, синіе кунтуши; однимъ словомъ, дворъ представлялъ игрушечную лавку, или блюдо винегрета, или, еще лучше, пестрый турецкій платокъ. Со всею этою кучею народа [онъ] долженъ былъ перецѣловать и принять неимовѣрное множество яицъ, подносимыхъ въ шалкахъ, въ платкахъ, утокъ, гусей и прочаго — обыкновенную дань, которую подносили поселяне своему господину, который, съ своей стороны, долженъ былъ отблагодарить угощеніемъ. Подносимое принято; и такъ какъ яйца, будучи сложены въ кучу, казались пирамидою ядеръ, выставленныхъ на крѣпости, [то] противъ этого хозяинъ выкатилъ двѣ страшныя бочки горѣлки для всѣхъ гостей, и хуторянцы сдѣлали самое страшное вторженіе. Поглаживая усы, толпа нетерпѣливо ждала вступить въ бой съ этимъ драгоцѣннымъ непріятелемъ. И между тѣмъ, какъ одна толпа бросилась на столы, трещавшіе подъ баранами, жареными поросятами съ хлѣбомъ, а другая къ пустившему хмѣльный водопадъ, боясь послушаться власти атамана, который наконецъ гостей принималъ, держа въ рукахъ плеть. Онъ хлесталъ ею одного изъ подчиненныхъ своихъ, который стоялъ неподвижно, но только почесываясь и стараясь удерживать свои стѣнанія при каждомъ ударѣ. Атаманъ приговаривалъ такимъ дружескимъ образомъ, что если бы не было въ рукахъ плети, то можно подумать, что онъ ласкаетъ родного сына. «Вотъ это тебѣ, голубчикъ, за то, чтобъ ты зналъ, какъ почитать старшихъ! Вотъ тебѣ, любезный, еще на придачу! А вотъ еще одинъ разъ! Вотъ тебѣ еще другой! Да, голубчикъ, не дѣлай такъ! А вотъ это какъ тебѣ кажется? А этотъ вкусенъ? Признайся, вкусенъ? Когда по вкусу, такъ вотъ еще! Чтѣ за славная плеть! Чудная плеть! Чтѣ, какъ вотъ это? Нашлись же такіе искушники, что такъ хитро сплели! Чтѣ, танцуешь? Тебѣ, видно, весело? То-то, я зналъ, что будетъ весело. Я затѣмъ тебя и благословляю такъ...» Тутъ атаманъ, наконецъ, увидѣвъ, что молодой преступникъ, несмотря на все стараніе устоять на мѣстѣ, готовъ былъ закричать, остановился. «Ну, теперь подойди, да поклонись же, да ниже поклонись!» Принявшій удары, съ опущенными глазами, изъ которыхъ ручьемъ полились слезы, приблизился и отвѣсилъ поклонъ въ ноги. «Говори, любезный: благодарю, атаманъ, за науку!»

«Благодарю, атаманъ, за науку».

«Теперь ступай! Гайда! Задай перцу баранамъ и си-
вухѣ!»

«Христось воскресъ, атаманъ! Мы съ тобою еще не хри-
стосовались».

«Воистину воскресъ!» отвѣчалъ атаманъ.

«Нѣтъ ли у тебя въ запасѣ губки? Охота забираетъ
люльку затянуть». При этомъ вложилъ въ зубы вытянутую
изъ кармана трубку.

«Какъ не быть! Это занятіе, когда матерія не клеится».

«Я хотѣлъ сказать тебѣ дѣло», примолвилъ Острица
съ нѣкоторою робостью.

«Гмъ!» отвѣчалъ атаманъ, вырубывая огонь.

«Мое дѣло не клеится».

«Не клеится?» промолвилъ, раскуривая трубку: «по-
гано!»

«Врядъ ли намъ что-нибудь достанется здѣсь».

«Не достанется?.. Погано!»

«Придется намъ возвратиться ни съ чѣмъ».

«Гмъ!..»

«Что-жъ ты скажешь?» спросилъ Острица, удивленный
такимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

«Когда воротиться», отвѣчалъ запорожецъ, сплевывая:
«такъ и воротиться».

Острицу ободрило такое равнодушіе. — «Только я не
пойду съ вами; я поѣду на время въ Варшаву».

«Гмъ!» отвѣчалъ атаманъ.

«Ты, можетъ-быть, сердить на меня, что я такъ обма-
нулъ и поддѣлъ васъ? Божусь, что я самъ обманутъ!»

При этомъ словѣ грянула музыка, и, вмѣстѣ съ нею, гря-
нуло топанье танцующихъ. Атаманъ, съ трубкою въ зубахъ,
ринулся въ кучу танцующей компаніи, очистилъ около себя
кругъ и пустился выбивать ногами и навириядку.

ГЛАВА VI.

«Что онъ себѣ думаетъ, этотъ дурень Острица?» гово-
рилъ старый Пудько. «Щенокъ! Еще и родниться задумалъ
со мною! Поганый нечестивецъ! Поди къ матери своей,
чтобъ доносила напередъ! И достало духу у него сказать это!
Дурень, дурень!» говорилъ онъ, дергая рукою, какъ будто
дралъ кого-нибудь за волоса. «Молодъ козакъ, усь еще не

прошибся!» Старый Кузубя не могъ вынести, когда видѣлъ, что младшій равняется съ старшими. «Знать должесть, что кто задумалъ мстить, тотъ у того не жди уже милости. Скорѣе солнце посинѣетъ, вмѣсто дождя посыплются раки съ неба, чѣмъ я позабуду прошлое. Пропадутъ, но не забуду! Не хочу! Не хочу! Жинко! Жинко!» Этимъ восклицаніемъ обыкновенно оканчивалъ онъ свою рѣчь, когда бывалъ сердитъ, и Боже сохрани жинкѣ не явиться тотъ же часъ! На эту рѣчь, едва передвигая ноги, пришло, или, лучше сказать, приползло изсохнувшее, едва живущее существо. Видъ ея не вдругъ [поражалъ]. Нужно было вглядѣться въ этотъ несчастный остатокъ человѣка, въ это олицетворенное страданіе, чтобы ощутить въ душѣ неизъяснимо-тоскливое чувство. Представьте себѣ длинное, все въ морщинахъ, почти безчувственное лицо; глаза черные какъ уголь, нѣкогда—огонь, буря, страсть, нынѣ неподвижные; губы какого-то мертваго цвѣта, но, однакожь, онѣ были когда-то свѣжи, какъ румянецъ на спѣющемъ яблокѣ. И кто бы подумалъ, что эти, слившіяся въ сухія руины, черты были когда-то чертовски очаровательны, что движеніе этихъ, нѣкогда гордыхъ и величественныхъ, бровей дарило счастье, необитаемое на землѣ? И все прошло, прошло незамѣтно; образовалось, наконецъ, лишь безчувственное терпѣніе и безграницное повиновеніе.

О Т Р Ы В К И

изъ

НАЧАТЫХЪ ПОВѢСТЕЙ.

I.

Я давно уже ничего не рассказывалъ вамъ. Признаться сказать, оно очень пріятно, если кто станетъ что-нибудь рассказывать. Если же выберется человѣчекъ небольшого роста, съ сиповатымъ баскомъ, да и говорить ни слишкомъ громко, ни слишкомъ тихо, а такъ совершенно, какъ котъ мурчитъ надъ ухомъ, то это такое наслажденіе, что ни перомъ не описать, ни другимъ чѣмъ-нибудь не сдѣлать. Это мнѣ лучше правится, нежели проливной дождикъ, когда сидишь въ сѣняхъ на полу передъ дверью на улицу, поджавши подъ себя ноги, а онъ, голубчикъ, треплетъ во весь духъ солому на крышѣ, и деревенскія бабы бѣгутъ босыми ногами, мило покрывшись своей руб.... по голову и схвативши подъ руку черевики. Вы никогда не слышали про моего дѣда? Чтѣ это былъ за человѣкъ! съ какими достоинствами! Я вамъ скажу, что такихъ людей я теперь нигдѣ не отыскивалъ.

II.

СТРАШНАЯ РУКА.

Повѣсть

изъ книги подъ названіемъ «Лунный свѣтъ въ разбитомъ окошкѣ чердака на Васильевскомъ Островѣ, въ 16 линіи».

I.

Было далеко за полночь. Одинъ фонарь только озарялъ капризно улицу и бросалъ какой-то страшный блескъ на каменные дома и оставлялъ во мракѣ деревянныя; изъ сѣрыхъ превращались совершенно въ черныя.

II.

Фонарь умиралъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевского Острова. Одни только бѣлые каменные дома кое-гдѣ вызначивались. Деревянные чернѣли и сливались съ густою массою мрака, тиготѣвшаго надъ ними. Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда все чувствуетъ 12 часовъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безмысленныя кошки, одни спѣвываются и бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что они не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулочка, который распростеръ къ нему свои мрачныя объятія.

Но проходившій въ это время пѣшеходъ ничего подобнаго не имѣлъ въ мысляхъ. Онъ былъ не изъ обыкновенныхъ въ Петербургѣ пѣшеходовъ. Онъ былъ не чиновникъ, не русская борода, не офицеръ и не нѣмецкій ремесленникъ, — существо внѣ гражданства столицы. Это былъ прїѣхавшій изъ Дерпта студентъ на факультеты, готовый на всѣ должности, но еще покамістъ ничего, кромѣ студентъ, занявшій полъ-угла въ Мѣщанской, у сапожника-нѣмца. Но обо всемъ этомъ послѣ. Студентъ, который въ этомъ чинномъ городѣ былъ тише воды, безъ шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался подъ домами, отбрасывая отъ себя самую огромную тѣнь, головою теряющуюся во мракѣ.

Все, казалось, умерло! нигдѣ огня. Ставни были закрыты. Наконецъ, подходя къ Большому проспекту, особенно останавливать вниманіе на одномъ домѣ. Тонкая щель въ ставнѣ, свѣтившаяся огненною чертою, невольно привлекла и заманила заглянуть. Прильнувъ къ ставнѣ и приставивъ глазъ къ тому мѣсту, гдѣ щель была пошире, и задумался. Лампа блистала въ голубой комнатѣ. Вся она была завалена разбросанными птуками матерій. Газъ, почти невидимый, безцвѣтный, воздушно висѣлъ на ручкахъ креселъ и тонкими струями, какъ льющійся водопадъ, падалъ на полъ. Палевые цвѣты, на бѣлой шелковой, блиставшей блескомъ серебра матеріи, свѣтились изъ-подъ газа. Около дюжины шалей, легкихъ и мягкихъ, какъ пухъ, съ цвѣтами, совершенно живыми, смятыя, были брошены на полу. Кушаки, золотыя цѣпи висѣли на избитыхъ до потолка облакахъ батиста. Но

болѣе всего занимала студента стоявшая въ углу комнаты [стройная] женская фигура... все для студента, въ чудесно очаровательномъ, въ ослѣпительно божественномъ платьѣ— въ самомъ прекраснѣйшемъ бѣломъ. Какъ дышитъ это платье!.. Сколько поэзіи для студента въ женскомъ платьѣ!.. Но бѣлый цвѣтъ—съ нимъ нѣтъ сравненія. Женщина выше въ бѣломъ [платьѣ]. Она—царица, видѣніе, все, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствуетъ это и потому въ..... минуты преобразается въ бѣлую. Какія искры пролетаютъ по жиламъ, когда блеснетъ среди мрака бѣлое платье! Я говорю—среди мрака, потому что все тогда кажется мракомъ. Всѣ чувства переселяются тогда въ запахъ, несущійся отъ него, и въ едва слышимый, но музыкальный шумъ, производимый имъ. Это самое высшее и самое сладострастнѣйшее сладострастіе. И потому студентъ нашъ, котораго всякая горничная [дѣвчонка] на улицѣ кидала въ ознобъ, который не зналъ прибрать имени женщинѣ,—пожиралъ глазами чудесное видѣніе, которое, стоя съ наклономъ на сторону головы, охваченное досадною тѣнью, наконецъ, поворотило прямо противъ него ослѣпительную бѣлизну лица и шеи съ китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, съ бездною души подъ крпизно и обворожительно подымавшимся бархатомъ бровей были невыносимы для студента.

Онъ задрожалъ, и тогда только увидѣлъ другую фигуру, въ черномъ фракѣ, съ самымъ страннымъ профилемъ. Лицо, въ которомъ нельзя было замѣтить ни одного угла, но вмѣстѣ съ симъ оно не означалось легкими, округленными чертами. Лобъ не опускался прямо къ носу, но былъ совершенно покатъ, какъ ледяная гора для катанья. Носъ былъ продолженіемъ его—великъ и тупъ. Губа только верхняя выдвинулась далѣе. Подбородка совсѣмъ не было. Отъ носа шла діагональная линія до самой шеи. Это былъ треугольникъ, вершина котораго находилась въ носѣ: лица, которыя болѣе всего выражаютъ глупость.

III.

Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задержнула почти

совершенно все, что прежде видѣть глазъ, и только одни передніе дома мелькали будто сквозь тонкій газъ; тускло мелькали вывѣски; еще тусклѣе надъ ними балконъ, выше его еще этажъ, наконецъ, крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличалъ ее немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи...

Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, что[бы] посмотреть на сапоги ваши, на штаны, на фракъ, или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ. Теперь раздолье мнѣ закрутиться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣнье Невского проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ вбѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. А! вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ, подпавши платью, далѣе чего нельзя поднять, не нарушивъ послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестникомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ, какъ... выпуклостей ноги. О, это таковскій народъ! Они большіи бестіи, эти чиновники, ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ дождь, снѣгъ, ведро, всегда эта амфибія на улицѣ. Его воротникъ, какъ хамелеонъ, мѣняетъ свой цвѣтъ каждую минуту отъ температуры; но онъ самъ неизмѣненъ, какъ его канцелярскій порядокъ.

Навстрѣчу русская борода, купецъ, въ синемъ, нѣмецкой работы, сюртукѣ, съ талією на спинѣ или, лучше, на шеѣ. Съ какою купеческою ловкостью держитъ онъ зонтикъ надъ своею половиною! Какъ тяжело пытитъ эта масса мяса, обвернутая въ капоть и чепчикъ! Ее скорѣе можно причислить къ моллюскамъ, нежели къ позвоночнымъ животнымъ. Сильнѣе, дождикъ, ради Бога, сильнѣе кропи его сюртукъ нѣмецкаго покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиковъ и подушекъ! Боже, какую адскую струю они оставили послѣ себя въ воздухѣ изъ капусты и луку!

Кропи ихъ, дождь, за все: за наглое безстыдство плутовской бороды, за жадность къ деньгамъ, за бороду, полную насѣкомыхъ, и сыромятную жизнь сожительницы... Какой вздоръ! ихъ не пройметъ оплеуха квартальнаго надзирателя, — что же можетъ сдѣлать дождь?

Но какъ бы то ни было, только такого дождя давно не было. Онъ увеличился и переѣхалъ косвенное свое направление, сдѣлался прямой, [съ] шумомъ хлынулъ въ крышны мостовую, какъ [бы] желая вдавить еще ниже этотъ болотный городъ. Окна въ кондитерскихъ захлопнулись. Головы съ усами и трубкою, долѣе всѣхъ глядѣвшія, спрятались; даже сѣрый рыцарь съ алебардою и завязанною щекою убѣжалъ въ будку...

IV.

«Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло», говорилъ почти отрокъ 17 лѣтъ.

«Тебѣ полковника?»... произнесъ съ разстановкою сторожевой козакъ передъ большою ставкою, разсматривая и переминая на своей ладони, съ какой-то недовѣрчивостью, грубый крошеный табакъ, это странное растеніе, которое съ такою изумительною быстротою разнесла во всѣ концы міра новооткрытая часть свѣта. Трубка давно у него была въ зубахъ. «На что тебѣ полковникъ?»

При этомъ взглянулъ на просителя. Это былъ почти отрокъ, готовящійся быть юношею, лѣтъ 16, уже съ мужественными чертами лица, воспитаннаго солнцемъ и здоровымъ воздухомъ, въ полотняномъ крашеномъ кунтушѣ и шароварахъ.

«Съ тобою не станеть говорить полковникъ», примолвилъ [козакъ], поглядѣвъ на него почти презрительно и закинувъ назадъ алый рукавъ съ золотымъ шнуркомъ.

«Отчего же онъ не станеть со мною говорить?»

«Кто-жъ съ тобою станеть говорить? ты еще недавно молоко сосалъ. Если-бъ у тебя былъ хоть суконный кунтушъ да пипаль, тогда бы... Вѣдь ты, вѣрно, поповичъ или школяръ? Знаешь ли ты этотъ инструментъ?» примолвилъ [козакъ] съ видомъ самодовольной гордости, указавъ на трубку.

«Ты думаешь...»

Но молодой воинъ остановился, увидѣвши, что козакъ вдругъ онѣмѣлъ, потупилъ глаза въ землю и снятъ шапку, до того заломленную на бекрень.

Двое пожилыхъ мужчинъ, — одинъ въ короткомъ плащѣ съ рукавами, выстеганными золотомъ, съ узорно вычеканенными пистолетами, другой въ шитомъ кафтанѣ съ серебряною привязанною къ поясу чернышницею, — прошли мимо и вошли въ ставку. Дрожа и блѣднѣя, шмыгнувъ за ними молодой человѣкъ и вошелъ въ ставку.

Молодой человѣкъ ударилъ поклонъ въ самую землю отъ страха, увидѣвши, какъ вошедшіе передъ нимъ богатые кафтаны поклопились въ поясъ и почтительно потупили глаза къ земле съ тѣмъ безграничнымъ повиновениемъ, которое такъ странно вмѣщалось вмѣстѣ съ необузданностью, чѣмъ особенно славилась козацкія войска.

На разостланномъ коврѣ сидѣлъ полковникъ. Ему, казалось, на видъ было лѣтъ 50. Волоса у него стали сѣдѣть, сизые усы величаво опускались внизъ. Длинный синій рубецъ на щекѣ и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой рѣзкой характерной черты, но, просто, оно выражало съ спокойствіемъ увѣренность козака. Глядя на него, можно было тотчасъ узнать, что у него рука желѣзная и мощно можетъ управлять... На немъ были широкіе, синіе съ серебромъ шаровары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Нѣсколько пистолетовъ и ружей стояло, и висѣли по угламъ ставки уздечки; въ углу кулъ соломы. Полковникъ самъ, своею рукой, чинилъ свое сѣдло, когда вошли къ нему писарь и есаулъ.

«Здравствуйте, панове, мои вѣрные, мои добрые товарищи! Вотъ вамъ приказъ: не пускать далеко на попасъ, потому что татарва теперь рыскаетъ по степямъ. Итти, какъ можно подальше, избирайте траву повыше, и шапки даже не снимайте. Да чтобъ козаки не стрѣляли по дорогамъ дрофѣ и гусей, потому что и порохъ избавятъ даромъ, да что за мясоѣдъ такой козаку?.. Сухари да вода — то козацкая ѣда. А вы, мой любимый кумъ и мой любезный пріятель! (при этомъ онъ оборотился къ писарю) сдѣлайте сей же часъ перекличку и запишите всѣхъ, которые на лицо. Да смотрите оба, что[бы] все было какъ слѣдуетъ; а то я вамъ скажу, вчера я видѣлъ, какъ козакъ кланялся что-[то] слишкомъ часто [на] конѣ. Я хотѣлъ было его, да жаль было заряда: у меня пистолетъ былъ заряденъ хорошимъ порохомъ»...

V.

Я знаю одного чрезвычайно замѣчательнаго человека. Фамилія его была Рудокоповъ и дѣйствительно отвѣчала его занятіямъ, потому что казалось — къ чему ни притрогивался онъ, все то обращалось въ деньги. Я его еще помню, когда онъ имѣлъ только 20 душъ крестьянъ да сотню десятинъ земли и ничего больше, когда онъ еще принадлежалъ

ОТРЫВОКЪ

и з ъ

УТРАЧЕННОЙ ДРАМЫ.

Конецъ IV-го дѣйствія.

[Валуевъ]. А! забрало наконецъ! Какое это непостижимое явленіе! Подлецъ послѣдней степени, мошенникъ, заклеименный печатью позора, для котораго одна награда — висѣлица, — и этотъ человѣкъ, попробуй кто-нибудь коснуться его чести, назвать его подлецомъ: — «Какъ вы смѣете, милостивый государь, поносить честь мою? Я требую удовлетворенія за вашу обиду. Вы нанесли мнѣ такую обиду, которую... омыть кровью». Бездѣльники! И онъ стоитъ за честь свою, за честь, которая составлена изъ безчестія.

Баскаковъ. Я не въ силахъ болѣе перенести этого! На этомъ мѣстѣ, здѣсь же, мы деремся.

[Валуевъ]. Что? А, *(становится спиною къ дверямъ)* дуэль! Поединокъ! Неправда! Нѣтъ, братецъ! Этакихъ подлецовъ не вызываю на поединокъ. Для тебя нѣтъ этого удовлетворенія. Этого для моей чести уже было бы слишкомъ, чтобы я дрался съ каторжникомъ, котораго ведутъ въ Сибирь. Дуэль? Нѣтъ, тебя просто убить, какъ собаку. Бѣдное животное, благородное животное! прости, что я унижилъ, сравнивши съ этимъ гнуснымъ твореніемъ.

Валуевъ *(въ бѣшенствѣ подбѣгаетъ къ окну)*. Эй, Никаморъ! подай пистолетъ мнѣ.

Баскаковъ. Что, тебѣ хочется пистолета? вотъ онъ. Я бы тебя могъ сію минуту убить; но дивись моему великодушію: двѣ минуты я даю тебѣ еще приготовиться. Въ это

время ты можешь еще произнести къ Богу одно такое слово, за которое, можетъ быть, уменьшатся твои муки, когда унесетъ твою душу ея владѣлецъ—дьяволъ.

(Валуевъ бросается на него, желая вырвать пистолетъ. Нѣсколько минутъ они борются.)

Валуевъ. Я вырву таки у тебя его.

[Баснаковъ]. Нѣтъ, не вырвешь: у честнаго человѣка крѣпче рука, нежели у подлеца.

(Борются еще нѣсколько секундъ; наконецъ Баснакову удаётся навести пистолетъ противъ груди. Раздается выстрѣлъ. Валуевъ падаетъ. Подымается со всѣхъ сторонъ лай собакъ. Стучатъ въ двери.) Голосъ въ замочную скважину: Баринъ, отворите-сь.

[Баснаковъ]. Зачѣмъ?

[Голосъ]. Кто изъ васъ выстрѣлил изъ ружья?

[Баснаковъ]. Лжешь! здѣсь никто не стрѣлялъ. Лежить, протянулся; даже не вздохнулъ, не помолился, ни послѣдней не молвилъ на смертномъ одрѣ своемъ—смерть, отвѣчающая его жизни. Однакожъ онъ жилъ; онъ имѣлъ такія же права жить, какъ и я, какъ и всякій другой. Онъ былъ гнусенъ, но былъ человѣкъ. А человѣкъ развѣ имѣетъ право судить человѣка? Развѣ кромѣ меня нѣтъ Высшаго Суда? Развѣ я былъ назначенъ его палачемъ? Убійство! Честный ли человѣкъ онъ былъ, подлецъ ли, но я все-таки убійца. Убійца не имѣетъ права жить на свѣтѣ. *(Застрыгивается).*

(Слышенъ собачій лай. Выламываютъ двери. Входитъ станціонный смотритель и ямщики).

Станціонный смотритель. Вишь, дуэль была.

Ямщикъ *(разсматриваетъ тѣла).* Еще этотъ хрипитъ, а тотъ уже давно душу выпустилъ.

Станціонный смотритель. Что-жь тутъ долго.....? Возьми-ка, Гришка, гнѣдого коня да ступай верхомъ за капитаномъ-исправникомъ.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ V.

Комната 1-го дѣйствія.

Ольгинъ (*входя*). Боже, какъ у меня сердце бьется! Я ее опять увижу! (буду говорить съ ней!) (*Входитъ Петръ*). А, здравствуй, старикъ! Что, я могу видѣть барыню?

[Петръ]. Какъ объ васъ прикажете доложить?

[Ольгинъ]. Скажи, что управитель — тотъ самый, что ей рекомендованъ. (*Петръ уходитъ*.) Какъ все уединенно! Я едва могу узнать прежнюю комнату. Вѣрно, у ней не принимаютъ никого: даже ворота закрыты.

[Петръ]. Барыня просила ее немножко подождать; она скоро выйдетъ къ вамъ.

[Ольгинъ]. Послушай, старикъ: что, вы всегда живете такъ, какъ теперь? Отчего у васъ закрыты ворота? Развѣ никто не заѣзжаетъ къ вамъ?

[Петръ]. Вотъ то-то и есть, сударь, что мы живемъ, Богъ знаетъ какъ. Ужъ по-моему иди въ монастырь, коли хочешь такъ жить. Гостей, объявить вамъ вотъ по чистосердечной совѣсти, никого! Какъ добрый нашъ... жилъ съ нами, не такъ было! Что за рѣдкостные люди были, если бы вы знали! Ну, что-жъ будешь дѣлать! Не захотѣли жить вмѣстѣ да полно. А отчего? За дрянъ, за пустякъ, чего-то разсердились одинъ на другого. Барыня какъ-то нагрубила барину; ну, не вытерпѣлъ — человекъ молодой — и уѣхалъ. А по мнѣ, право, изъ пустяковъ. Вѣдь ужъ извѣстное дѣло — бабы, ну, такъ чего же тутъ? Вотъ, конечно, вамъ лучше примѣрно сказать, моя старуха. Былъ я три года въ отлучкѣ. Приѣзжаю — навстрѣчу идетъ она, съ радости не зная, что дѣлать, и ребенка ведетъ за руку. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «А откуда, жена, ребенка взяла?» — «Богъ далъ», говорить. — «Ахъ ты рожа! — Богъ далъ! Я тебѣ дамъ!» Ну, отломалъ-таки сильно бока. Что-жъ? Послѣ простилъ все, сталъ попрежнему жить. Что-жъ, вѣдь послѣ оказалось, что я самъ-то вѣдь былъ причиною рожденія ребенка: похожъ на меня, какъ двѣ капли воды; такой же совѣтъ, какъ я, голубчикъ ты мой! (*Плачетъ*). Вотъ ужъ два года тебя не знаю, и вѣсти нѣтъ. Что-то ты, мой сердечный? живъ ли ты?

[Ольгинъ]. Чѣмъ, однакоже, занимается барыня?

[Петръ]. Какъ, чѣмъ занимается? Извѣстно, дѣло женское. Я вамъ скажу, сударь, что дѣла хозяйственныя идутъ у насъ, Богъ знаетъ какъ. Вотъ вы сами увидите. Вы спросите, отчего; а Богъ знаетъ отчего? (Это дѣло совсѣмъ не женское). Если бы вы увидѣли, какъ она изволилъ управлять, такъ это курамъ смѣшно. Вообразите, что сама переходитъ по всѣмъ избамъ, и чуть только гдѣ нашла больного, и пошла потѣха: сама (то-есть, я вамъ скажу) на-тащить мазей, тряпокъ, начнетъ перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста: боярское ли это дѣло? Какое же постѣ этого будетъ къ ней уваженіе мужиковъ? Нѣтъ, ужъ коли хочешь управлять, то ты сама ужъ сиди на одномъ мѣстѣ; а если что — пошли приказчика: ужъ это его дѣло; онъ уже обдѣлаетъ, какъ ему слѣдуетъ. Мужика не балуй! Мужика въ ухо! народъ простой, вынесетъ. А этимъ-то и держится порядокъ. При баринѣ не такъ было. Ахъ, если бы вы знали, сударь, что это былъ за рѣдкостный человѣкъ! Ну, да и она рѣдкостная барыня. Если хотите, я вамъ покажу комнату барина, хотя барыня никого туда не впускаетъ и запирается сама по нѣсколькимъ часамъ; и что она тамъ...

ЖЕНИХИ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I-е.

Комната.

[ЯВЛЕНІЕ 1-е].

Авдотья Гавриловна (*одна*).

[Авдотья Гавриловна]. Чтò это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ да и нѣтъ жениховъ! Вымерли, какъ будто отъ чумы. Бывало прежде, благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ! Ей Богу, никакого уваженія къ женскому полу! Я послала Марѳу Ѳомииншну, не сыщеть ли хоть на ярманкѣ: быть бы только дворянинъ да порядочной фамиліи. Да вотъ и ся что-то нѣтъ до сихъ поръ. Ухъ! и страшно, какъ подумаешь: «ну, вотъ пріѣдетъ женихъ». У меня такъ сердце и бьется! Да ничего, пусть пріѣзжаетъ: не будетъ страшно.

[ЯВЛЕНІЕ 2-е].

[Авдотья Гавриловна и Марѳа Ѳомииншна].

Марѳа. Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна!

[Авдотья Гавриловна]. Ахъ! чтò ты это, мать, куда такъ долго запропастилась?

[Марѳа]. Охъ, позволь, матушка, съ духомъ собраться! За твоими порученьями такъ изъѣздила, такъ изъѣздила, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза кони били:

такіе звѣри! Засѣдатель — обывательскихъ: таратайка моя вся такъ и рассыпалась. Ну, да за то ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ припасла! Вотъ, камъ орѣхи каменные, всѣ на подборъ: одинъ другого лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предупредить.

[Авдотья Гавриловна]. Сегодня! Ухъ!

[Марѳа]. И, не пугайся, мать моя. Дѣло житейское: посмотрю, — больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не подравятся — ну, и уѣдутъ.

[Авдотья Гавриловна]. А сколько ихъ, душенька ты моя?

[Марѳа]. Да штукъ шесть, кажется, будетъ.

[Авдотья Гавриловна]. Ухъ, какъ много!

[Марѳа]. Ну, что-жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется, другой придется.

[Авдотья Гавриловна]. Расскажи же, моя голубушка: какіе они?

[Марѳа]. А славные, хорошіе такіе всѣ, акуратные. Напримѣръ, первый — Дорофей Балтазаровичъ Жевакинъ. Такой славный! На флотѣ служилъ, и такой учтивый! Какъ разъ по тебѣ придется. «Мнѣ», говоритъ, «нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ я не люблю». А Иванъ-то Петровичъ? То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый! Какъ закричить на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней крѣпостного, движимаго, рухляди?» — «Столько-то и столько-то, отецъ». — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, влѣпилъ такое словцо, что щепристойно тебѣ и сказать. Я такъ вмигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ!

[Авдотья Гавриловна]. Ну, а еще кто?

[Марѳа]. Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ delicate! Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный! «Мнѣ», говоритъ, «нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая, а чтобы хороша собой, воспитанная и чтобы по-французски умѣла говорить». Да, онъ такой! А самъ такой сублинный, ножки узенькія, тоненькія!

[Авдотья Гавриловна]. О, нѣтъ, Марѳа Ѳоминашна! Знаю я этихъ сублинныхъ. Нѣтъ, ты подавай мнѣ того, который поплотнѣе

[Мареа]. А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича — ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, нечего сказать, баринъ такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ. Такой славный!

[Авдотья Гавриловна]. А сколько лѣтъ ему?

[Мареа]. А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ.

[Авдотья Гавриловна]. Еще кто?

[Мареа]. Акинфъ Степановичъ Пятелѣвъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ: такой скромный и тихій!

[Авдотья Гавриловна]. Да онъ выпить, я думаю, гораздъ?

[Мареа]. А пить, не прекословлю: пить. Что-жъ дѣлать? пить—на то титулярный совѣтникъ. За то... такой тихій, какъ шелкъ!

[Авдотья Гавриловна]. Нѣтъ, Мареа Ѳоминишна, я не хочу, чтобъ мой мужъ пилъ.

[Мареа]. Твоя воля, мать моя. Не хочешь того, возьми другихъ. Впрочемъ, что-жъ, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадаетъ такой день, что совсѣмъ трезвый бываетъ.

[Авдотья Гавриловна]. Ѳекла *) Ѳоминишна, посмотри-ка въ окно: что собаки лай-то подняли?

[Мареа]. Ахъ, сударыня, да это онъ!

[Авдотья Гавриловна]. Кто онъ?

[Мареа]. Женихъ—Иванъ Петровичъ Яичница.

[Авдотья Гавриловна]. Ахъ, Боже! Вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка Ѳекла Савишна, посиди тутъ да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

[Мареа и Яичница].

Яичница (*входитъ и останавливается у дверей*). А! а! Ты уже здѣсь. Экъ легка какъ! Стой, стой, не уходи! А что-жъ барышня?

[Мареа]. Ушла принарядиться, лучше жениху показаться.

*) Ѳекла вмѣсто прежняго: Мареа. Въ первоначальныхъ наброскахъ Гоголя имена дѣйствующихъ лицъ почти всегда не установлены твердо.

[Яичница]. Ну, *(садится въ кресла)* расскажи, старуха: что и какъ?

[Марѳа]. Что-жъ тебѣ, отецъ мой, рассказывать?

[Яичница]. Ну, расскажи про приданое: что именно?—Ты мнѣ сказала, что двадцать душъ рабочихъ. А что же бабъ? Сколько всѣхъ бабъ?

[Марѳа]. А много, отецъ: штукъ до двадцати пяти.

[Яичница]. И все уже взрослые, или малолѣтнія?

[Марѳа]. Да всякихъ есть: и великорослыя, и малорослыя.

[Яичница]. А рухляди-то?

[Марѳа]. Рухляди-то, я изволила вамъ докладывать: двѣ лисьихъ шубы да заячьихъ, кацавейка горностаевая...

[Яичница]. Ну, дайте!

[Марѳа]. Перинъ пуховыхъ большихъ четыре да малыхъ двѣ.

[Яичница]. Да, можетъ-быть, перьемъ набиты, а не пухомъ?

[Марѳа]. Нѣтъ, пухомъ, ей Богу! Съ тѣмъ возьмите, что пухомъ—самый первый сортъ!

[Яичница]. Ну, а скотъ и тамъ прочее?

[Марѳа]. Рогатой скотины штукъ 15, четыре коровы дойныхъ.

[Яичница]. Ну, и свиньи есть?

[Марѳа]. Есть, батюшка, и свиньи: четыре чухонскихъ съ поросятами—такія славныя!

[Яичница]. А другія-то хозяйственные заведенія, какъ напримѣръ: рыбы въ прудахъ... пчелы?

[Марѳа]. Все есть, батюшка, у насъ. Я вамъ говорю, что останетесь довольны.

[Яичница]. Слушай, старуха: Боже тебя сохрани, если ты чего прибавила! Больно поколочу тебя.

[Марѳа]. Ничего, отецъ, не прибавила; все правда.

[Яичница]. Птицы же домашней: куръ, гусей и прочаго?

[Марѳа]. Сотня, отецъ мой; всего по сотнѣ. Ахти! опять чей-то возокъ дребезжитъ! *(Глядитъ въ окно.)* А, Никаноръ Ивановичъ, здравствуйте! Пожалуйте скорѣ сюда!

[Яичница]. Какой тамъ Никаноръ? Пстой, я посмотрю. *(Подбѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

[Тѣ же и Никаноръ Ивановичъ].

[Никаноръ Ивановичъ] (*сходитъ, раскланивается*). Здравствуйте, Ѳекла Ѳоминишна! Какъ поживаете?

Ѳекла Ѳоминишна *) (*кланяясь*). Слава Богу! Слава Богу! Живемъ, живемъ. А невѣста пошла принаряжаться, чтобы получше принять васъ.

[Яичница]. Позвольте узнать вашъ чинъ и отчество, государь!

[Никаноръ Ивановичъ]. Никаноръ Ивановъ сынъ Онучкинъ, отставной поручикъ 24-го егерскаго полку.

[Яичница]. Ну, иной и мушкетерскій не уступитъ егерскому. А пріѣхали по своей охотѣ или по надобности?

[Никаноръ Ивановичъ]. Нѣтъ, такъ, прогуляться.

[Яичница]. Гм!.. вретъ!

[Никаноръ Ивановичъ]. А вы позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

[Яичница]. Я дворянинъ, помѣщикъ — Иванъ Петровъ Яичница, портупей-юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка.

[Никаноръ Ивановичъ]. Имѣете ли надобность, или собственно по пріятности провожденія времени?

[Яичница]. Да такъ, пріѣхалъ прогуляться. (*Въ сторону*). Что, отвѣдалъ? Нѣтъ, голубчикъ, васъ сейчасъ можно узнать: этакъ не наряжаются, какъ ты, для прогулки. Жениться, подлецъ, хочеть!

[ЯВЛЕНИЕ 5-е].

[Тѣ же и Авдотья Гавриловна].

[Авдотья Гавриловна]. Извините меня, дорогіе гости, что немного позамѣшкалась.

[Яичница]. Ничего, сударыня. (*Подходя къ рукамъ*). Мы слышали, что вы извоили принаряжаться.

[Авдотья Гавриловна]. А, это уже Ѳекла извоила провратъ! Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркою.

[Яичница]. О, хозяйка! Я, сударыня, честь имѣю доложить, есть дворянинъ, и помѣщикъ, и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка — Иванъ Петровичъ Яичница. Лично,

*) То-есть сваха — Марья.

будучи подвинуть добродѣтелями вашего пола, прїѣхалъ изъяснить готовность съ своей стороны...

[Авдотья Гавриловна]. Милости просимъ.

[Яичница]. Вы не смотрите, сударыня, что у меня плѣшь на головѣ: это отъ лихорадки; это вырастетъ, это ничего. (*Въ сторону*). Не слишкомъ, однакожь, казиста.

[Никаноръ Ивановичъ]. А я, сударыня, Никаноръ Ивановъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42 егерскаго полку. (*Въ сторону*). Что-то, однакожь, есть... такое... не то...

[Яичница]. Впрочемъ, сударыня, что мушкетерскій, что егерскій—это совершенно все равно.

[Авдотья Гавриловна]. Не прогнѣвайтесь, почтенные гости, если не по чинамъ угощу. Если бы я знала о вашемъ прїѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашею, но вмѣсто того за столомъ будетъ только щи да кулебяка, да грибы жареные, да дроченное. Право, мнѣ ужъ и совѣстно.

[Яичница]. Ничего, сударыня, не беспокойтесь: всѣмъ будемъ довольны.

[Онучкинъ]. Ничего.

[Яичница]. Вы благое дѣло вздумали, сударыня, что рѣшились упрочить судьбу свою. И подлинно, если разсудить хорошенько, то состояніе дѣвичье есть самое непріятное. Жена безъ мужа—все телѣга безъ колесъ: ѣздить безъ колесъ, какъ вамъ извѣстно, никакъ нельзя. Да и самое положеніе ея притомъ: всякій можетъ обидѣть, всякій можетъ обидѣть.

[Онучкинъ]. Да, совершенно безъ всякой защиты.

[Яичница]. А мужа непременно должно имѣть: это, сударыня, законъ велить.

[Онучкинъ]. Притомъ въ супружескомъ состояніи столько удовольствій, пріятнаго препровожденія времени съ женою образованною, утонченною...

[Яичница]. Да, сударыня (подпору вамъ непременно нужно имѣть *). Только нужно выбирать супруга степеннаго, де-белаго, опору твердую, а этакихъ не смотрите — худощавенькихъ и длинныхъ: такой сейчасъ переломится.

[Онучкинъ]. Мужъ долженъ [быть] образованный.

*) Слова, поставленные нами въ косыхъ скобкахъ (), были въ послѣдствіи зачеркнуты.

[Яичница]. Да, да, образованный и потолще собою.

[Онучкинъ]. Утонченный...

[Яичница]. Да, утонченный и собою поплотнѣе.

[Онучкинъ]. Который былъ бы любезенъ въ обществѣ и въ пріятномъ обращеніи.

[Яичница]. Да, въ обращеніи и въ обществѣ... и чтобы притомъ имѣлъ солидность и достаточную толщину...

Өекла. Сударыня, еще ѣдетъ одинъ!

[Авдотья Гавриловна]. Вотъ тебѣ на! Ахъ, Боже мой! (*Бѣжитъ*).

[Яичница]. Куда вы, сударыня?

[Авдотья Гавриловна]. Нужно, очень нужно. (*Уходитъ*).

[ЯВЛЕНІЕ 6-е].

[Яичница и Онучкинъ].

[Онучкинъ]. Невѣста впрочемъ довольно развязная, носъ только очень длиненъ.

[Яичница]. Ну, нельзя сказать, чтобы очень... Нѣтъ, хорошая, красавица.

[Онучкинъ]. Не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. А что-жъ такое?

[Онучкинъ]. Вотъ, позвольте, я вамъ покажу. Брови должны быть у хорошей красавицы узенькія (*проводитъ пальцемъ по его бровямъ*), дугою, и тутъ, между ними, немножко, самый небольшой промежутокъ...

[Яичница] (*стоитъ и мигаетъ глазами*). Да, я съ вами согласенъ: у ней и носъ-то не такъ казистъ. Однако... впрочемъ...

[Онучкинъ]. Произношеніе у ней... ужъ, нѣтъ... не то... совсѣмъ не то...

[Яичница]. Произношеніе у ней хорошее: она выговариваетъ довольно твердо.

[Онучкинъ]. Ну... совершенно не то... не то... Я тотчасъ узналъ: она не знаетъ по-французски...

[Яичница]. По-французски? А чортъ ли въ этомъ, что знаетъ по-французски?

[Онучкинъ]. Нѣтъ, хорошо воспитанная жена должна знать непременно по-французски.

[Яичница]. Нѣтъ, я не возьму этого въ толкъ. Что вы

знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать по-французски?

[Онушкинъ]. Чтò вы говорите: я знаю по-французски! Меня несчастная судьба не допустила воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ скотина, мерзавецъ: онъ не подумалъ объ томъ, чтобы меня выучить французскому. Я былъ тогда ребенокъ—меня бы легко можно было выучить: стоило бы только разъ по пяти на день, а, можетъ-быть, и того даже меньше, посѣть хорошенько, и я бы зналъ, я бы все зналъ...

[Яичница]. Ну, да теперь же вѣдь вамъ уже нельзя разговаривать по-французски?

[Онушкинъ]. Да, я согласенъ. Но жена — другое дѣло: нужно, чтобы она непременно говорила по-французски, а безъ того уже у ней ни то (*показываетъ рукою*)... ни это... ужъ все не то.

[Яичница]. Позвольте, я съ вами не могу согласиться. (*Про себя*). Да впрочемъ чего я спорю? Вѣдь для меня же лучше, что она не нравится. (*Вслухъ*). Вы правду говорите.

[Онушкинъ]. Ну, и красота ея—не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. Кой чортъ красота! У ней ность, я вамъ говорю, въ три аршина. Этакая машиница! За это впрочемъ я такъ поколочу старуху: она, вѣдьма, мнѣ объ этомъ ни слова не сказала. Но оставимъ красоту въ сторонѣ. Вы посмотрите-ка на приданое: вѣдь двадцать душъ! Да вѣдь какихъ! Это не то, что одинъ трехлѣтній, другой беззубый. Нѣтъ, милостивый государь! Двадцать душъ однихъ рабочихъ,—рабочихъ годныхъ хоть куда! (*Въ сторону*). Да съ чего это однакожъ я ему сдуру рассказываю? Это, пожалуй, онъ, выслушавши, да и женится. (*Вслухъ*). Между ними однакоже много калѣкъ; а если разсмотрѣть хорошенько, такъ и всѣ почти калѣки: или слѣпые, или кривые и подобная дрянь. (*Въ сторону*). Да, дрянь! Нѣтъ, не дрянь!

[Фекла] (*проходя мимо*). Чтò, батюшки, Еліазара Еліазаровича не было?

[Иванъ Петровичъ]. Стой, стой, старуха!

[Фекла]. Чего изволишь, мой родимый?

[Яичница]. Чтò ты, старуха, — тебѣ въ горло, — не сказала мнѣ прежде, что у невѣсты ность въ сажень длиною?

[Фекла]. Ахъ, перекрестись, отецъ мой! Какую ты околесицу несешь!...

[Онучкинъ]. Да вы и мнѣ изволили сказать, Оекла Ооминишна, что невѣста знать по-французски, а между тѣмъ, сколько я могу судить, кажется, что нѣтъ.

[Оекла]. Знать, родимый, и по-пѣмецкому, и по-всякому: какіе хочешь манеры—все знаетъ.

[ЯВЛЕНІЕ 7-е].

[Тѣ же и Жевакинъ].

Жевакинъ (*входитъ*). А, здравствуй, Оекла Ооминишна! Какъ поживаешь? Здорова-ли, а? Пожалуйста, душенька, почисть меня немножко вотъ здѣсь. Я сидѣлъ на телѣгѣ, ковра-то не было, такъ, я думаю, сѣнца-то довольно ко мнѣ пристало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку, (*новорачивается*) вотъ здѣсь! Такъ. Спасибо, душенька! Вотъ еще посмотри сзади: тамъ, кажется, немножко... а? Нѣтъ? Ну, ничего. По воротнику вонъ, кажется, какъ будто паукъ лазить? А на подборяхъ-то сзади нѣтъ ли грязи? Спасибо, родимая! Пожалуйста, еще посмотри хорошенько. (*Гладитъ рукавъ фрака*). Суконцо-то вѣдь аглицкое. Я купилъ его въ Сициліи, когда была наша эскадра. Вѣдь каково носится! Въ 97-мъ году я, будучи мичманомъ, сшилъ съ него мундиръ; въ 1801-мъ, въ блаженное царствованіе Павла Петровича, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, и сукно было совсѣмъ новехонькое; въ 814-мъ году сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немножко протерлось; въ 815-мъ вышелъ въ отставку, передѣлалъ изъ него фракъ, и вотъ скоро десять лѣтъ ношу—и почти что, новый. Благодарю, душенька... мм! раскрасоточка! (*Дѣлаетъ ручку. Осматривается, подходитъ къ зеркалу, оправляется, выдвигаетъ воротнички къ манижкѣ, ерошитъ волосы рукою, съ гримасами поглядываетъ на одного, потомъ на другого*).

[Онучкинъ]. Скажите, пожалуйста: вы изволили упомянуть о Сициліи. Хорошая эта земля—Сицилія?

[Жевакинъ]. А прекрасная. Мы 34 дня тамъ пробыли. Видѣ прекрасный. Это все, вообразите себѣ, вокругъ это все такія горы; внизу вездѣ такіе домики; тутъ этакъ деревцо или кипарисное, или гранатное, или другое какое-нибудь. И тутъ этакія итальяночки, такіе розанчики—такъ вотъ и хочется сорвать поцѣлуй.

[Онучкинъ]. И образованныя?

[Жевакинъ]. Отличнѣйше образованныя. Бывало, такъ идешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ: этакъ здѣсь эпoletы, мундиръ тамъ, золотое шитье, и этакія красотишки черномазенькія... У нихъ вѣдь у домиковъ балкончики и крыши, вотъ какъ полъ — совершенно плоскія. Такъ это бывало тамъ сидитъ какой-нибудь розанчикъ.... ну... чтобы не ударить лицомъ въ грязь, ну, раскланяешься, и она этакъ (*кланяется и размахиваетъ рукою*). Ну, натурально, этакъ одѣта: здѣсь у ней тафтица, тамъ прочія дамскія украшенія, шнуровочка... такъ это все...

[Онучкинъ]. А языкъ-то? На какомъ языкѣ онѣ говорятъ?

[Жевакинъ]. Языкъ? Ну, языкъ, разумѣется, французскій.

[Онучкинъ]. И барышни всѣ по-французски говорятъ?

[Жевакинъ]. Всѣ, безъ исключенія. Вы, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ скажу: но вотъ я готовъ сей же часъ клясться, чѣмъ угодно: мы жили 34 дня и во всѣ тридцать четыре дня ни одного слова не слышали отъ нихъ по-русски.

[Онучкинъ]. Что вы говорите?

[Жевакинъ]. Я васъ увѣряю серьезно. Да чего! Ужъ я не говорю о дворянахъ и о прочихъ синьорахъ или ихъ офицерахъ; но возьмите нарочно простого тамошняго мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь — попробуйте, ему скажите: «Дай, братецъ, хлѣба!» не пойметъ, ей-Богу, не пойметъ! А нужно для этого непременно сказать ему по-французски.

[Яичница]. А позвольте узнать... вотъ вы упомянули про мужиковъ тамошнихъ... что, тамошніе мужики такъ же, какъ и наши, землю пашутъ и на оброкъ состоятъ, или нѣтъ?

[Жевакинъ]. Не могу вамъ сказать—не замѣтилъ; пашутъ или нѣтъ, не знаю. Но насчетъ нюханья табаку, я вамъ скажу, что не только нюхаютъ, но даже и за губу кладутъ, такъ, какъ и моряки. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и этакъ гондолы. Ну, тутъ, натурально, ѣдетъ этакъ итальяночка, такой розанчикъ и такъ одѣта: тутъ на ней этакая маншечка... Съ нами были и англичане — ну, народъ такой же... *), какъ и наши моряки. И сначала, точно, было очень странно; ну, не понимаешь другъ друга! Послѣ того, этакъ какъ хорошенько обзнакомились, такъ и начали совершенно свободно понимать другъ

*) Одно слово не разобрано.

друга. Покажешь этакъ на бутылку или стаканъ, ну, тотчасъ и знаетъ, что это значить—выпить. Приставишь этакъ кулакъ ко рту и сдѣлаешь губами: «пафъ, пафъ», значить—хочешь трубку выкурить. Я вамъ скажу, что сначала казалось трудно, а потомъ—языкъ довольно легкій. Даже матросы наши впослѣдствіи такъ выучились по-французски, что, бывало, только дастъ бутылку да скажетъ.....*), тотчасъ его понимаютъ. А, гм! это сама невѣста.

[ЯВЛЕНИЕ 8-е].

[Тѣ же и Авдотья Гавриловна].

[Авдотья Андреевна **)] (*входитъ*).

[Жевакинъ]. Сударыня, я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обожаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце...

[Авдотья Гавриловна]. Мнѣ очень пріятно видѣть такого пріятнаго гостя. Я извиняюсь только, что полъ не вымыть: Фетинья-дѣвка, перелѣзая черезъ плетень, перекувыркнулась...

[Фекла]. Сударыня, сударыня! (*Шопотомъ*). Еще одни пріѣхали.

[Авдотья Гавриловна]. Ахъ, Боже мой! пойти заказать хоть вотрушки.

[Жевакинъ]. Чтò вы, сударыня?

[Авдотья Гавриловна]. Нужда, большая нужда. (*Уходитъ*).

[ЯВЛЕНИЕ 9-е].

[Яичница, Онучкинъ и Жевакинъ].

[Яичница] (*ударивъ по плечу Жевакина*). Любезнѣйшій! кажется, изъ одного горшка хотимъ щи хлебать?

[Жевакинъ]. Какъ изъ одного?

[Яичница]. То-есть, вы, какъ я замѣчаю, поддѣзжаете къ хозяйкѣ дома.

[Жевакинъ]. А, признаюсь, она мнѣ очень нравится. Этой розанчикъ, букетецъ въ устахъ, и здѣсь на груди этакъ

*) Одно слово не разобрано.

**) Такъ въ рукописи, вмѣсто прежняго: «Авдотья Гавриловна».

платочекъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю.

[Яичница]. И вамъ нужна еще лѣзть туда же! Да посмотрите на себя, какая у васъ гнусная фигура! Право, наводитъ уныніе.

[Жевакинъ] (*поворачивается*). Нѣтъ, фигура хороша.

[Яичница]. Можно ли, чтобы у морского офицера была хорошая фигура?

[Жевакинъ] (*вытягивается*). Какъ такъ?

[Яичница]. Да конечно; это всякому извѣстно.

[Жевакинъ]. Чтò такое извѣстно?

[Яичница]. Вотъ новости! Извѣстно, чтò такое морякъ: старый кочанъ капусты.

[Жевакинъ]. Позвольте. Мнѣ, можетъ-быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличные выраженія?

[Яичница]. Какія выраженія? Просто, старый, трухлый, никуда не годящійся кочанъ, который выбрасываютъ въ помойную яму.

[Жевакинъ] (*вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на голову волосы, кривляется и дергаетъ плечами*). Позвольте: честь моя обижена въ лицѣ всего морского общества—я вамъ предлагаю дуэль.

[Яичница]. Я не прочь отъ дуэли.

[Жевакинъ]. Я, по обычаю моряковъ, держусь обыкновенія драться на кортикахъ.

[Яичница]. Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колятъ.

[Жевакинъ] (*вытягиваетъ лицо*). Такъ на чемъ же?

[Яичница]. Я дерусь на кулаки (*засучиваетъ руки*).

[Жевакинъ]. Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашаюсь. (*Онучкину*). Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли?

[Онучкинъ]. Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ егерскомъ полку, къ несчастью, въ бытность мою, мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуетъ—на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, уже не пойдетъ на кулаки, нѣтъ!

[Яичница]. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я

давно былъ въ военной-то и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смотру, да притомъ оружіе Богъ знаетъ гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ.

[ЯВЛЕНІЕ 10-е].

Тѣ же и Пантелѣевъ (*раскланивается со всѣми*).

[Жевакинъ]. Вотъ я къ вамъ, сударь, обращаюсь. (*Пантелѣевъ наклоняетъ голову слушать*). Вы лицо стороннее; по крайней мѣрѣ, я васъ въ первый разъ вижу. Я получилъ смертельную обиду, то-есть, которую признаетъ всякій офицеръ...

[Яичница] (*отворачиваетъ въ сторону Пантелѣева*). Послушайте: все пустяки. Я не нанесъ никакой обиды; называлъ только именемъ, какимъ слѣдуетъ.

[Жевакинъ] (*схватываетъ Пантелѣева за руку на свою сторону*). Я спрашиваю васъ — скажите по совѣсти, вотъ такъ, какъ передъ Богомъ: похожъ морской офицеръ на тюленя?

[Яичница]. Вотъ большая важность — морской офицеръ! Чтѣ-жъ тутъ за невидаль? Есть на чтѣ глядѣть! Не только на тюленя, просто на протухлый кочанъ капусты.

[Жевакинъ]. Га! А!... Кочанъ капусты! А! Лейтенантъ на кочанъ капусты. (*Дергаетъ за руку, позабывшись, Пантелѣева*). Я спрашиваю васъ, сударь: развѣ такъ можно снести?

[Яичница] (*схватываетъ за другую руку*). Чортъ возьми! я говорю это прямо и плюю на всѣхъ моряковъ и на ихъ честь.

[Жевакинъ]. Пустите! (*держая со всѣхъ силъ за руку*). Чортъ возьми! вы видите, сударь, лейтенантъ..... *) старымъ кочаномъ капусты. Я не снесу этой обиды.

[Яичница] (*дергаетъ*). Я согласенъ [на кулаки. И въ самомъ дѣлѣ меня беретъ задоръ.... Я не хочу ни на чемъ, кромѣ кулаковъ.]

[Жевакинъ] (*держая руку Пантелѣева къ себѣ*). Я не снесу этого.

[Яичница] (*дергаетъ Жевакина*). Я не хочу никакихъ другихъ инструментовъ.

*) Не разобрано одно слово.

[ЯВЛЕНИЕ 11-е].

[Тѣ же и Авдотья Гавриловна].

[Жевакинъ] (*оправляется и подходитъ*). Позвольте узнать, сударыня: мое исканіе не будетъ противно вамъ? Смѣю ли льстить себя пріятною надеждою, что любовь удостоится быть принятою вами?

[Яичница]. Э! Да онъ уже лѣзетъ прямо.

[Авдотья Гавриловна]. Напротивъ, мнѣ весьма пріятно.

[Яичница] (*слегка отталкивая его*). Сударыня, я предлагаю вамъ свою любовь и руку: угодно ли принять ихъ?

[Авдотья Гавриловна]. Мнѣ весьма пріятно.

[Жевакинъ] (*въ сторону*). Ну, дѣло хорошо.

[Онучкинъ]. Я съ своей стороны никакъ не смѣю льстить себя надеждою, чтобы мои исканія удостоились....

[Авдотья Гавриловна]. Напротивъ, мнѣ очень пріятно....

[Пантелѣевъ]. Я, сударыня, отъ сего генваря 3-го [ищу] вашей ру....ру....ру....ки....и....се.....е....рдца...

[Авдотья Гавриловна]. Мнѣ очень пріятно отвѣчать вашимъ исканіямъ.

[Яичница]. Да который же изъ насъ всѣхъ пріятнѣе? Сударыня, этакъ нельзя. Вѣдь насъ четыре человека: нужно вамъ объявить, кого лучше любите.

[Авдотья Гавриловна]. Вы мнѣ всѣ очень нравитесь, и я васъ всѣхъ люблю.

[Яичница]. Да вѣдь это совсѣмъ не то. Что-жъ если мы всѣ четверо женимся на васъ? Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое выйдетъ!

[Жевакинъ]. Да, сударыня, вы просто объявите, кому изъ насъ, такъ сказать, ваше сердце, ваши..... *) болѣе относятся..... Кто такова эта счастливая особа, кому достанется вашъ..... *) всѣ украшенія достанутся?

[Яичница] (*съ стороны*). Онъ какъ разъ влѣзетъ ей въ душу. (*Вслухъ*). Просто скажите: кого выбираете вы?

[Авдотья Гавриловна]. Вы всѣ очень хорошіе молодые люди и мнѣ весьма нравитесь.

[Яичница]. Но кого же вы предпочитаете прочимъ?...

*) Не разобрано одно слово.

1834.

Великая, торжественная минута. Боже, какъ слились и столпились около ней волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта. Это та роковая, неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждой... Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее; надо мною сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей (хранитель, ангелъ), мой геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или... О, будь блистательно! будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834-й [годъ]? Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня—о, разбуди меня тогда! не дай имъ овладѣть мною! Пусть твои многоговорящія цифры, какъ неумолкающіе часы, какъ совѣсть, стоятъ передо мною: чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой! чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ!

Таинственный, неизъяснимый 1834! Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,—этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ [бы] гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ.—Тамъ ли? — О!.. Я не знаю, какъ назвать тебя, мой геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такіа чудныя, необъяснимыя донинѣ зарождавшій во мнѣ думы, такъ я необъятныя и упоительныя лѣлѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ

твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу..! О, поцѣлуй и благослови меня!

~~~~~  
**Объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ.**

До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компіляцій (впрочемъ, полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, болѣею частію неполныхъ и не указавшихъ донинѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить, сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-по-малу вся страна получила новыя, замѣнивъ прежнихъ, права и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россією. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіяся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ-быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣе прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловые бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.

~~~~~

Дружеское шутливое пари.

«Мы, нижеподписавшіеся, Николай Гоголь-Яновскій и Иванъ Пащенко, сирота, сынъ Григорьевъ, закладъ держали о имѣющемся родиться отъ Николая Прокоповича и супруги его, Маріи, чадѣ, утверждая — первый, что оное чадо будетъ мужеска пола, второй же, Иванъ Пащенко, — что оно имѣетъ быть женскаго пола. А закладъ оный состоялъ въ томъ, что проигравшій угощаетъ обѣдомъ какъ онаго выигравшаго, такъ равномѣрно и четырехъ персонъ, по приличію избранныхъ, со включеніемъ, кромѣ ординарныхъ винъ, бутылки шампанскаго и предоставленіемъ полного права выигравшему потребовать себѣ варенья, какого ему будетъ угодно по вкусу и по надобности.

Въ увѣреніе истиннаго соблюденія сего контракта подписались:

Николай Гоголь-Яновскій.

Сирота Иванъ Пащенко.

Свидѣтели: *А. Данилевскій.*

Прокоповичъ.

II.

АРАБЕСКИ

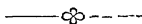
РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Собраніе это составляютъ піесы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ много молодого. Признаюсь, нѣкоторыхъ піесъ я бы, можетъ-быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности. Притомъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи: когда я читалъ отпечатанные листы, меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, происшедшіе отъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обстоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извинятъ меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ и МУЗЫКА.

Благодарность Зиждителю міріадъ за благость и состраданіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ нѣня катился бы по своему пути. Дружнѣ, союзнѣ сдвинемъ наши желанія и—первый кубокъ за здравіе скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она — мгновенное явленіе. Она — оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнію; она—ясный призракъ того свѣтлаго греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду: въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колоннъ, на площадь, кипящую живымъ, своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій чашу пиришества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной міеологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи — серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключилась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины, — этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышащая въ прозрачномъ

мраморъ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ и невольно остановитъ атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ,—такъ чувство красоты пластической, спокойной пересиливаетъ въ ней стремление духа! Она никогда не выражала долгаго глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образовавшимся міромъ, выразила его—и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ея высокія явленія христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладострастной наружности. Онѣ поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества и превратило въ исполнское. Его порывомъ онѣ развились и исторгнулись изъ границъ чувственнаго міра. Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣтлѣ сіяй, покалъ мой, въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яр-

кая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя, слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галлерей, гдѣ изъ старинныхъ позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоять, сложивши накрестъ руки, безмолвный зритель; и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія,—взоръ его дышитъ наслажденіемъ не здѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи,—нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Взгляните на нее, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновеннѣе и долготъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстрого мгновенія, какое выражаетъ мраморъ; она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственнаго, она похищаетъ явленія изъ другого, безграничнаго міра, для названія которыхъ нѣтъ словъ. Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣяемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Страданіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человека, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человека въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человека, съ природою — въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе шипи, третій покаянъ мой! Ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая плѣна,—ты сверкаешь въ честь музыки. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ! Она вся — порывъ; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человека отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не страдаетъ, — онъ самъ превращается

въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнію, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, разлилась и дышитъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественный и восторженный подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни модельщиковъ стремить она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружить и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи острокопечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка — страсть и смятеніе души. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку — въ болѣзненный вопль, какъ бы душою овладѣло только одно желаніе вырваться изъ тѣла. Она—наша! она—принадлежность новаго міра! Она осталась намъ, когда оставили насъ и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы такъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наступаетъ на насъ и давитъ вся дробь прихотей и наслажденій, надъ выдумками которыхъ ломаетъ голову нашъ XIX вѣкъ. Все составляетъ заговоръ противъ насъ; вся эта соблазнительная цѣпь утонченныхъ изобрѣтеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасти нашу бѣдную душу, убѣжать отъ этихъ страшныхъ обольстителей и — бросились въ музыку. О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильныя души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ и гони, хотя на мгновеніе, этотъ холодно-ужасный эгоизмъ, сисящійся овладѣть нашимъ міромъ! Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствуетъ, хотя на мигъ, угрызеніе совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои расчеты, безстыдство и наглость невольно выронитъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не

оставляй насъ, божество наше! Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе своею глубокою мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человѣку, Онъ уже вдвинулъ мысль о зодчествѣ. Простыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранитную гору, высокимъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ Онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту—и весь древній міръ обратился въ оиміамъ красотъ. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ беспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суетвѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, далъ Онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ Онъ могущественную музыку—стремительно обращать насъ къ Нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?

1831.

О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣки. Всѣ событія міра, приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою, какъ въ пучину, — какъ въ мятежный водоворотъ, и, закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходятъ свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразование всего міра; они составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устройствѣ человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразование? какія удержались въ немъ старыя стихіи? что прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, стройное зданіе вѣковъ новыхъ? — это такіе вопросы, которымъ равные по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быстрый прогрессивный ходъ, — все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и вни-

мательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна новая исторія, и слушатели ея похожи на посѣтителей фабрики, которые удивляются быстрой отдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчокъ всему: такая исторія похожа на статую художника, не изучившаго анатоміи человѣка.

Отчего же, несмотря на всю важность этихъ необыкновенныхъ вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и отдѣлаться отъ нихъ, и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что средней исторіи назначили самое низшее мѣсто. Бремя ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, и оттого-то оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось для насъ темнымъ, раскрытое не вполне, оцѣненное не по справедливости, представленное не въ геніальномъ величій. Невѣжественнымъ можно назвать развѣ только одно начало, но это невѣжественное время уже имѣетъ въ себѣ то, что должно родить въ насъ величайшее любопытство. Самый процессъ слиянія двухъ жизней, древняго міра и новаго, это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эти дряхлыя, умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ солеными волнами; эти дикія, мощныя стихіи новаго, упорно не допускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но, наконецъ, невольно принимающія его; это стараніе, съ какимъ европейскіе дикари кроютъ по своему римское просвѣщеніе; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ; ни порядка; самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысящелѣтней силы ея,—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всесвѣтной римской имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались исторіею

среднихъ вѣковъ, это—мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу происшествій нестройныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и бессмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной нити, которая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаотичнымъ; но разсматривайте внимательно и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я, однакоже, не отрицаю, что, для самаго умѣня найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія, происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и бессмысленнымъ. Все, что было и происходило, все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ совершенное безстрастіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ заткана уткомъ; какъ въ лучистомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, который онъ отличаетъ, будучи обращенъ къ солнцу — она исчезаетъ только съ утратою извѣстій. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи, сквозь всю кучу происшествій, невидимую нитью тянется постепенное возрастаніе папской власти и развивается феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно отдѣльно и блескомъ своимъ затемняли уединеннаго, еще скромнаго римскаго первосвященника; дѣйствовалъ сильный государь или его вассалъ, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандъ только отдернулъ занавѣсъ и показалъ власть, уже давно пріобрѣтенную папами.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живого дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой странной яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментъ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ

различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзба, греческій карнизъ, готическое окно—все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только вѣншній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на тѣ изъ событій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжетъ средней исторіи есть папа. Онъ—могущественный обладатель этихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движетъ всѣми силами ихъ и, какъ громовержецъ, однимъ мановеніемъ своимъ правитъ ихъ судьбою. Словомъ, вся средняя исторія есть исторія папы. —Его непреодолимое желаніе властвовать, его постоянныя средства, исполненныя проникаемости и мудрости, — слѣдствія старческаго возраста,—его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущественнаго духовенства — ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха, наложившихъ свои желѣзные оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе креста—представляютъ явленіе единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда.—Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы—и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ-быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдамъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ; она бы долѣе была въ хаосѣ, она бы не слилась, желѣзною силою энтузіазма, въ одну стѣну, устранившую свою крѣпостью восточныхъ завоевателей, и, можетъ-быть, безъ этого великаго явленія, Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво воз-

неслась бы надъ нею, вмѣсто креста. — Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ какъ будто нарочно дана была для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнуть возраста повелѣвать другими; чтобы сообщить имъ энергію, безъ которой жизнь народовъ безцвѣтна и безсильна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться, несмотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержать гибнущія силы свои. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же, что подмостки и лѣсъ для постройки зданія: вначалѣ они выше и кажутся значительнѣе самого строенія; но какъ только строеніе достигло настоящей высоты, они, какъ ненужные, принимаются прочь.

Съ мыслию о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ — необыкновенномъ событіи, которое стоитъ, какъ исполинъ, въ срединѣ другихъ, тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ страстей, ни одно собственное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда: всѣ проникнуты одною мыслию — освободить гробъ Божественнаго Спасителя! Народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; короли, графы — въ простыхъ власяницахъ; монахи, препоясанные оружіемъ, становятся въ ряды воиновъ; епископы, пустынники, съ крестами въ рукахъ, предводятъ несмытными толпами — и всѣ текутъ освободить свою вѣру. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-то великаго въ этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были порожденіе тогдашняго духа и времени. Предпріятіе это — дѣло юноши, но такого юноши, которому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія

крестовыхъ походовъ! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидѣть свѣтъ, который часто заслоняло отъ нея духовенство, и вся масса для этого извергается въ другую часть свѣта, гдѣ потухающее аравійское просвѣщеніе силится передать ей свой пламень, и --- вся Европа вояжируетъ по Азій. Не въ правѣ ли мы изумляться? Обыкновенно, какой-нибудь выходецъ изъ земли образованной одинъ приноситъ просвѣщеніе и первыя свѣдѣнія въ неизвѣстную страну и постепенно образуетъ дикарей; но образованіе это тянется медленно, неровно. Здѣсь же, напротивъ, народы сами, всю свою массу, приходятъ за образованіемъ и, несмотря на долгое пребываніе, не сливаются со своими учителями, ничего не перенимаютъ у нихъ роскошнаго и развратнаго, удерживаютъ свою самобытность, при всемъ заимствованіи множества азіатскихъ обыкновсній, и возвращаются въ Европу европейцами, а не азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ слѣдствіяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія, наполняющія среднюю исторію. Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей среднимъ вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ — порожденіе юншества прекраснаго, исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надсждъ, часто безразсуднаго, но плѣнительнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ то блестящее время, когда появились аравитяне—краса народовъ восточныхъ. И одному только человѣку и созданной имъ религіи,—роскошной, какъ ночь и вечера Востока, пламенной, какъ природа близкая къ Индійскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азій,—обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ! Съ непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ Средиземнаго моря. И воображеніе ихъ, умъ и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба, развиваются въ виду изумленнаго Запада, отшечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечетяхъ, садахъ, фонтанахъ, и такъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и

перлами восточной поэзіи. Вѣкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, этотъ необыкновенный народъ, такъ что въ раздумьи спрашиваешь себя: точно ли онъ жилъ и существовалъ, или онъ—самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено противоположности появленіе норманновъ—народа, котораго гнѣвный Сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горсть людей дерзкихъ, за которыми какъ будто гонятся по пятамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговья горы Скандинавіи, наводятъ паническій страхъ на обширныя государства! По Сѣверному океану плывутъ ихъ движущіяся королевства подъ начальствомъ морскихъ своихъ королей, — и все падаетъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурей, морями, страшною бѣдностію Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распространеніе монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи, которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ, освѣтилась вдругъ въ самомъ страшномъ величіи. Эти степи, которымъ нѣтъ конца, озера и пустыни исполнскаго размаха, гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы собою увеличить еще болѣе окружающее пространство; степи, шумящія хлѣбомъ, никѣмъ не сѣянными и не собираемымъ, травой, почти равняющеюся ростомъ съ деревьями, — степи, гдѣ пасутся табуны и стада, которыхъ отъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ настоящаго количества, — эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, давшего обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ монголовъ завоевать міръ, и—многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ, миліонъ народа выстрѣливается монгольскими стрѣлами, государь тунгусскій гибнетъ съ сотнями тысячъ подданныхъ на замерзшемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, табуны кишатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ отразилась колоссальность Азіи. Такого быстрого распространенія тоже не видала ни древняя, ни новая исторія.

Я уже ничего не говорю о важной торговлѣ Венеціи, этого небольшого лоскутка земли, которую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ государства, выжимая золото

со всего міра, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ моря, и дворцами при Адриатическомъ морѣ, далеко превосходили многихъ монарховъ. Этого явленія я не считаю единственнымъ и необыкновеннымъ. Оно повторяется въ исторіи міра часто, хотя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, когда въ ней все еще темны и неопредѣленны границы государствъ; когда еще государь звучитъ однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто того миллионы владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый — маленькій императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекается въ неприступныя замки съ башнями и зубцами, и твердыя крѣпости ушибаютъ ея поверхность; когда воспитанная взаимнымъ страхомъ и битвами сила рыцарей дѣлается почти львиною и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо, тяжести котораго еще не выносилъ человѣкъ, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить ихъ и сдѣлать такъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ латы. Но какъ удивительно они были укрощены, и такимъ явленіемъ, которое представляетъ противоположную противоположность съ ихъ нравами! это — всеобщее безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ. Женщина среднихъ вѣковъ является божествомъ: для ней турниры, для ней ломаются копья, ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы; для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая впослѣдствіи въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того, чтобы ослабить всеобщій духъ и напряженіе, какъ то обыкновенно дѣлается въ періодахъ исторіи, когда

роскошь разѣдаетъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость, лѣсть и способность устремиться на всѣ утонченные пороки, — вмѣсто этого, они только укрѣпили и разжили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали отдалять рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни, подогрѣвать желаніе наслажденій и уменьшать энтузіазмъ религіозный, — какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотоѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда исторія не представляла обществъ, связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существованія, что всегда составляло цѣль обществъ! Уничтожить все, что составляетъ желаніе человѣка, и жить для всего человѣчества; жить, чтобы быть грозными хранителями міра, чтобы носить въ себѣ одно — защиту вѣры Христовой; все принести ей въ жертву и отказаться отъ всего, что отзывается выгодною жизни! Не чудесно ли это явленіе? Эта энергія и сила для него могла быть только вычерпнута изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарскіе стали уклоняться отъ своей цѣли и обращать глаза на другія, какъ только начали заражаться желаніемъ добычи и корысти, и роскошь заставляла ихъ живѣе привязываться къ собственной жизни, и они стали походить сами на тѣхъ, за которыми наложили на себя сами же смотрѣніе, — какъ возникаютъ уже страшныя тайныя суды, неумолимые, неотразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣстью передъ вѣтреннымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаютъ и не отмѣняютъ произнесеннаго ими приговора. Незнаемые, невидимые, какъ судьба, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того, которому, посреди необъятныхъ своихъ земель и сотни покорныхъ вассаловъ, и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мірѣ власть выше его. И если эти подземные суды разъ про-

износили обвиняющее слово — все кончено. Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняет къ себѣ приближеніе, напрасно его золото замѣпляетъ уста и заставляетъ всѣхъ прославлять его — неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра, крадется мимо пышной толпы придворныхъ и разитъ его изъ-за плеча друга. Не составляетъ ли это чудесности почти сказочной? Только тамъ такъ неотразимо, такъ сверхъестественно. такъ неправильно дѣйствуетъ человѣкъ, оторванный отъ общества, лишенный покровъ законной власти, не знающій, что такое слово: «невозможность».

А самый образъ занятій, царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ, — это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ, это желаніе выпытать и узнать таинственную силу въ природѣ, эта алчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки, на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства, безъ котораго науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже простодушная вѣра ихъ въ духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними имѣютъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія алхиміею, считавшеюся ключомъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцомъ учености среднихъ вѣковъ, въ которой заключилось дѣтское желаніе открыть совершеннѣйшій металлъ, который бы доставилъ человѣку все! Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣки, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валяющійся, считаемый не обитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, — и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой, и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреодолимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи — первоначальная стихія всего европейскаго духа — которое напрасно преслѣдуетъ инкви-

зиція, проникая во всѣ тайныя мышленія человѣка: оно вырывается мимо и, облеченное страхомъ, еще съ бѣльшимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ человѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантий свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственны ли всѣ эти явленія? Не дають ли они права назвать средніе вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, — юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшие прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ—поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемена слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе. Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ совершенные контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнію цѣлаго человѣчества, то средніе вѣка будутъ то же, что время воспитанія человѣка въ школѣ. Дни его текутъ незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра, объ нихъ никто не знаетъ; но за то они всѣ — слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время средних вѣковъ! Великая имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь древній міръ съ полужызыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ—всеобщимъ взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власть папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеся по волнамъ необъятнаго океана мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у европейцевъ, вмѣсто безсильнаго оружія, огонь; печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ міра,—и все это результаты средних вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвести всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои успія, всего себя. И оттого-то, можетъ-быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіяся мелькающимъ въ облакахъ шпиремъ.

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА *).

Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ пирятинскій повѣтъ отъ лубенскаго. Общихъ ѣзжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи, но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный, слегка протоптанный подковою коня, слѣдъ означалъ ея уклоненія. Достаточно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлеговъ. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ, на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ, вывѣдывать и выпрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ поводъ и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье, и только изрѣдка попадавшіеся кочки и пни срубленныхъ деревъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его товарища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыя снова обычнымъ ожерельемъ низались въ головѣ его. Въ первый разъ еще случилось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя степи Украйны! И кто этотъ Глечикъ?... Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшаго себя полковникомъ миргородскаго пол-

*) Изъ романа подъ заглавіемъ: «Гетьманъ». Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

ку?... Ему не объявлено было ничего удовлетворительнаго ни о характерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія онъ имѣеть сношенія, и съ кѣмъ... Къ чему же эта осторожность, какую нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ перелетать такую даль, чтобы только доставить ему свѣдѣнія о событіяхъ, волновавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ быть полезенъ такой отдаленный союзникъ?... Мысленно досадовалъ онъ на себя, что не вывѣдалъ обстоятельно объ этомъ отъ Бригитты: ей, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь были извѣстны причины такого страннаго посольства. Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-помалу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ. Въ это время путникъ нашъ, послѣ долгаго степного странствія, вѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣтая безжалостною осенью деревья сквозили какъ рѣшето и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знать о присутствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій вѣтеръ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Путникъ поневолѣ задумался и остановилъ коня своего въ нерѣшимости, что предпринять, потому что дорога совершенно исчезла и передъ нимъ торчалъ одинъ только лѣсъ да неизвѣстность; какъ вдругъ громкій голосъ: «цобъ, цобъ!» поразилъ слухъ его; тяжело нагруженный возъ закрипѣлъ, и пара воловъ показалась изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чтобы вполне почувствовать радость такой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебряный свѣтъ, перепутанный тѣнью отъ деревъ, палъ рѣшеткою на землю, освѣтивъ далеко окрестность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжаго пожилого селянина. Сѣдые, закрученные внизъ, усы его гордо покоились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно отгѣняла какая-то азіатская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карихъ глазъ, и въ огнѣ томъ высвѣчивались попеременно то хитрость, то

простодушіе. На головѣ у него была черная козацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коротенькій нагольный тулупъ, затянутый яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку, накинута былъ обыкновенный кобенякъ изъ толстаго смураго сукна, который и понынѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пицаль и изогнутая татарская сабля,— оружіе, которое въ тогдашнія смутныя времена всякій козакъ, ратникъ и селянинъ почиталъ необходимою всегда имѣть при себѣ.

«Помогай, Боже!» сказалъ онъ, остановивъ воловъ и обнаживъ увѣнчанную только на верхушкѣ кистью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратнымъ людямъ. Надобно припомнить, что Лапчинскій, во избѣжаніе неспріятностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жителей, не терпѣвшихъ всего, что только носило названіе ляха или принадлежало ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе козацкаго десятичника.

Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе.

«Не знаешь ли, землякъ», молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: «далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?»

«Не сумѣю, добродію, сказать вдругъ; повремените немножко!»—Тутъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. — «До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ сказать?... оно не такъ, чтобы близко. Надобно знать, что козаки наши немного было перетрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. Спохватились сдуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ-быть, выберется и короткій путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, какъ подумаешь, то кажется, что и близко. Вотъ другое дѣло, если-бъ были поставлены столбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ».

Не должно удивляться противорѣчіямъ, испестрявшимъ

монологъ нашего поселеннаго. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіянинъ и донынѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять поправить себя, а иногда съ умысломъ запутаетъ своего слушателя такъ, что тотъ, къ изумленію своему, видитъ, что до такого-то мѣста и далеко, и близко.

«Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь держать путь?» спросилъ странникъ, вперивъ испытующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмотрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ.

«А вы, добродію, хотите теперь ѣхать?»

«Почему же не теперь?»

«Богъ съ вами! теперь и нашъ братъ, здѣшній, уже, сильно подумавши развѣ, поѣдетъ. Знаешь, мосыпане, вѣдь намъ стѣитъ только проѣхать такое время, въ какое добрый мужикъ успеетъ вымолотить полкопны жита, чтобы слышать собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочить въ теплой хатѣ, а завтра хоть и съ Богомъ!»

Отъ такого предложенія нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидалъ.

«А куда», спросилъ дорогою поселенинъ нашъ своего будущаго гостя: «лежитъ путь вамъ, мосыпане?»

«Ѣду-то я далеко, на ту сторону Ворскла, къ миргородскому полковнику Глечу. Что, землякъ, не знаешь ли и ты его?»

«Какъ не знать этой старой собаки! А изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ?»

«Изъ великой станицы, что подъ Лохвицею».

«Какъ же это, добродію, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была подъ Лохвицею?» Тутъ вонзился онъ въ него острый взоръ свой, который, казалось, хотѣлъ выпытать его душу. «И то сказать! гдѣ же мужику знать все про войсковыя дѣла; до нашего захоlustья еще и слухи не дошли объ этомъ».

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать осторожности въ разсказахъ и съ простымъ селяниномъ, и потому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: «То-есть, вотъ видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то станицѣ я не былъ, а встрѣтившійся

подъ Лохвицею запорожскій сотникъ Шляйко, узнавъ, что я їду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ миргородскому полковнику. Летѣлъ онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ, можетъ-быть, имѣлъ причины не довѣрять мнѣ... то-есть... онъ... ты, думаю, понимаешь меня».

«Что вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ пойметъ то, что толкуютъ паны? Ей Богу, нѣтъ; гдѣ намъ понять! У насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, что такое; больше на капусту похоже, чѣмъ на голову».

«О, да ты штука!» подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ.

Онъ во все это время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую поступь своего гордаго коня съ лѣнливою выступкою тяжелыхъ воловъ, впереди которыхъ съ флегматическою важностью шелъ селянинъ, помахивая батогомъ и потягивая коротенькую люльку *). Дымъ отъ нея обнималъ облаками смуглое лицо его, которое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ огонькомъ, казалось лицомъ какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временамъ изъ непробуднаго болотнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Это заставляло Лапчинскаго чаще всматриваться ему въ глаза, чтобъ удостовѣриться, точно ли то былъ его товарищъ.

Но селянинъ нашъ самъ отгонялъ всякое насчетъ его сомнѣніе, не давая минуты задуматься своему гостю. — «Слыхали-ль вы, добродію, про таковое диво?» говорилъ онъ, не выпуская изъ рта своей трубки: «видишь-ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣетъ передъ нами?»

И путникъ, къ удивленію своему, точно, увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти этой сторонѣ Малороссіи, на разстояніи, можетъ-быть, по сту верстъ во всѣ стороны, взоръ не отыскивалъ этой суровой жилицы Сѣвера? Невольно вперилъ онъ на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженнаго лѣса сохраняла, казалось, жизнь. Но жизнь-ли это? Это была мумія, которую съ изумленіемъ отыскиваютъ между голыми скелетами,

*) Трубку.

одну, не сокрушенную тлѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черты, та же прекрасная форма человѣка объемлетъ ее; но, Боже, въ какомъ видѣ! Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, которымъ суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

«Это еще не большое диво, что сосна, а вотъ что диво. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чуть-ли не на вотъ этомъ мѣстѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода-ли онъ былъ, сотникъ-ли какой, или просто панъ, этого я не умѣю сказать; знаю только, что онъ былъ ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ отъ вина да отъ пѣсенъ, и далече прохватывала дрожь крещенаго человѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу крики. Хлопцы изъ двора его то и дѣло что наѣздничали по хуторамъ да обирали бѣдныхъ жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говорить, что такое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію,—такъ нельзя, потому что двора одной у нихъ было, можетъ, съ полторы сотни, да и на каждого бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вотъ и вызвался одинъ дяконъ,—какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей-Богу, добродію, не знаю,—вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы теперь не ночь и не засыпало листьемъ, то я, можетъ-статься, показалъ бы вамъ останки этого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору,—такъ, видно, самъ Богъ уже хотѣлъ,—былъ у нихъ какой-то окаанный праздникъ. Дяконъ шелъ уже на пропало, сказалъ: «Господи, благослови!» и, сколько доставало духу, толкнулся въ ворота, запертыя толпившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бреччали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные паны и дворя изъ всей силы отдирали краковякъ. Какъ только завидѣли дякона, такъ, добродію, и закричали: «Зачѣмъ сюда принесло попа?» А панъ говорить: «Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми христіанами, краковякъ, да подгоняйте его хорошенько батожьемъ!» Дяконъ, исполнившись, видно, Святаго Духа, началъ представлять нечестивымъ весь грѣхъ беззаконнаго житья ихъ, и какія на томъ свѣтѣ будутъ имъ муки, и какъ будутъ они плясать

въ пеклѣ *), только не по своей волѣ, а подгоняемые горячими вилами чертей. «А, такъ ты еще и проповѣдь читаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылосъ, а чтобъ не застудилъ горла, накиньте ему галстукъ на шею!» И тутъ же челядь, съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ, всталица несчастнаго дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ путь. Позвольте, добродію: тутъ-то и исторія. Сосна эта какъ разъ стояла передъ хоромами и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣтлицы. Вотъ, какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудится, что на него каплетъ что-то холодное. «Что за нечистый!» подумалъ панъ: «отчего это каплетъ?» Всталъ съ постели, глядитъ: колочія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозъ стѣну и, будто живыя, вытягиваются длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ достаютъ до него. Перекрестился, можетъ-быть, въ первый разъ отъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а потомъ жжетъ да и только! Къ окну—такъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мертвецъ, и страшно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель-ли бродитъ у него въ головѣ: такъ на слѣдующую ночь то же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу то и дѣло, что отпѣваютъ усопшаго такимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ дралъ по кожѣ и волосы щетиною поднимались на головѣ. Чего ужъ ни дѣлали: и погребли съ честью тѣло дьякона, и принимались было рубить сосну,—такъ сѣкира не беретъ: что ни ударятъ, топоръ вызубрится, а дерево стонетъ, будто дитя некрещеное. Рѣшились, наконецъ, бросить это окаянное мѣсто. Вотъ каждый день и соберется вся челядь, осѣдлаютъ коней, заберутъ все съ собою и выѣдутъ, еще черти не быются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ, куда заѣхали! останются ночевать—смотрятъ, знакомыя все мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы, а проклятая сосна, протягивая вѣтви, словно руки, хватаетъ пана и обдаетъ его кровавыми пятнами, а черная, всклокоченная борода такъ же жутко киваетъ ему...»

Тутъ разсказчикъ нашъ стремительно ударилъ въ слуша-

*) Въ адѣ.

теля огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не безъ удовольствія замѣтилъ въ немъ впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ. Дѣйствительно, путникъ нашъ не могъ не ощутить какого-то тайно врывавшагося въ душу страха и съ безпокойствомъ по-сматривалъ вокругъ.

Въ это время поравнялись они съ сосной. Серебряный свѣтъ падалъ на печальныя вѣтви ея, и отбрасывавшіяся отъ нихъ тѣни, будто продолженіе ихъ, переламливаясь о встрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣстницею на землю. Вѣтеръ слегка покачивалъ вершину, и когда путникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой-нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темно-зеленыя объятія свои въ намѣреніи схватить его.

«Что же далѣе случилось?» спросилъ онъ умолкшаго разсказчика, стараясь подавить невольную робость.

«Что? Круто пришлось пану: распустилъ всю свою дворню, сталъ схимникомъ и, какъ отправилъ пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до Купала каплетъ съ этого дерева, день и ночь, роса. Говорятъ еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща разсказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вотъ мы, добродію, и пріѣхали».

Лайчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькія ворота, рѣдко убитыя впоперекъ положенными досками, какія и теперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселанина. Лай собакъ залился по лѣсу, и старая женщина, въ накинутаго на плечи тулупѣ, вышла отворить ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣбовъ, укрытыхъ такимъ же тростникомъ, и обыкновенная малороссійская хата. На дворѣ наваленъ былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣтви свои во дворъ, какъ будто низкая буколиче-

ская жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тянулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному козаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе.

Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего выюка, Лапчинскому было довольно времени разсмотрѣть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти такъ же, какъ и нынѣ у простолюдиновъ Малороссіи; противъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними столъ, на которомъ замѣтилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда, въ знакъ того, что гость во всякое время можетъ найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громоздилась печь, съ отверстиемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшеткою, изъ-за которой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суетился по-своему: пищаль, кудяхталъ, гоготалъ и давалъ знать, что онъ нимало не послѣднее изъ твореній. На полу мальчишка лѣтъ четырехъ колотилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ постарѣе, душилъ за горло кота, напѣвая какую-то пѣсню, которую, вѣрно, отъ частаго повторенія его матери, заучилъ навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, держа на рукахъ грудного ребенка, плакавшаго изъ всѣхъ силъ, несмотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала огромнымъ замкомъ и страшила малютку вошедшимъ гостемъ. На стѣнѣ висѣли: серпъ, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полкѣ, вѣроятно, отложенный для починки, сѣкира, турецкій пистолетъ, еще ружье, не отпущенная коса и коротенькая нагайка, — орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и которыя непонятный человѣкъ заставляетъ мириться, несмотря на несходныя ихъ свойства.

«Прошу не погнѣваться, добродію, что заставилъ васъ ждать немного!» сказалъ вошедшій хозяинъ: «такъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходитъ. Счастье еще, что старухи моей нѣтъ дома, а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома только насъ: я да теща».

При семъ словѣ вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. Съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ разсматривалъ ее путникъ. Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность долготы, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на усѣянныхъ морщинами чертахъ ея. Ни искры какой-нибудь живости въ глазахъ! мутные, они устремлялись порой на него; но тотъ бы обманулся, кто прочиталъ бы въ нихъ что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся человѣку. Показываясь предавался онъ такимъ чувствамъ, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь міръ свой, который такъ же казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякій другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ. «Ай да Оедотъ!» говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ потолокъ мальчика съ подсолнечникомъ: «гдѣ ты взялъ такой страшный сонечникъ? *) Да этимъ ты какъ-нибудь человѣка убьешь! Ты что тамъ дѣлаешь, Карпо? кота душишь? Какой же я тебѣ гостинецъ привезъ! Ступай же, собачій сынъ! что-жъ ты стоишь и ротъ разинулъ? Вотъ, какъ видите, добродію, сто разъ толкую, что я его батька; до сихъ поръ не вѣрить, ледача дѣтина! **) А ты, плакса, долго будешь ревѣть? А подайте мнѣ батогъ, вотъ я его! Давай его сюда, Маруся; я сейчасъ за окошко: пусть тамъ съѣдятъ его волки, либо ляхи...»

«Тебя таки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣтьми?» сказалъ гость нашъ своему хозяину.

«Да, не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой сторонѣ, только чортъ знаетъ, какое приданое взяли за невѣстами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кромѣ полыни и бурьяну. Что-жъ ты, Оедотъ, не скажешь спасибо? Панъ даетъ пряникъ, а онъ и не поклонится. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выначкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, что ѣду на ярмарку. «Возьми и меня, тату!» — «Да куда я тебя дѣну?

*) Подсолнечникъ, по малороссійскому произношенію.

**) Негодный ребенокъ.

тамъ тебя задавить!» — «Нѣтъ, не задавить, возьми, да и возьми!» — «Да тамъ теперь столько цыгановъ, что еще украдутъ тебя, и тогда поминай, какъ звали». — «Возьми да и только!» Что станешь дѣлать? плачу такого натворилъ, что Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезти медо-ваго коня съ золотой головою. Ну, Маруся, матери не за-чѣмъ дожидаться: давай-ка намъ вечерять *); баба ужъ, вѣрно, спитъ! Такъ до кого, добродію», продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ гостю и садясь за столъ: «говоришь ты, ѣдешь? У меня подъ старость голова, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудетъ».

«Какъ, землякъ? развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Гле-чика?» отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

«До миргородскаго полковника? такъ нечего тебѣ и за-бираться такъ далеко: не кто другой, какъ онъ, сидитъ передъ тобою, мосыпане!»

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лап-чинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него врасплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись... когда... Нѣтъ! не можетъ быть! онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хо-зяина, какъ бы желая удостовѣриться въ лживости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

*) Ужипать.

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

I.

Всеобщая исторія, въ истинномъ ея значеніи, не есть собраніе частныхъ исторій всѣхъ народовъ и государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча происшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень часто ее представляютъ. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлос, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму. Происшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальный смыслъ: она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связываютъ происшествія, или система, создающаяся въ головѣ независимо отъ фактовъ, и къ которой

послѣ своевольно притягиваютъ событія міра. Связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исторіи человѣчества, передъ которою и государства, и событія — временныя формы и образы! Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались. Интересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ это, то развѣ съ тѣмъ только, чтобы начать сызнова чтеніе; чтобы очевидно было, какъ одно событіе рождаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана исторія.

II.

Все, что ни является въ исторіи: народы, событія — должны быть непремѣнно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобы каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для того нужно собрать не многія черты, но такія, которыя бы высказывали много, — черты самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія только имѣлъ изображаемый народъ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нуженъ умъ, сильный схватить всѣ незамѣтные для простаго глаза отбѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ. Но что уже одинъ узнать, то другимъ передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь въ архивахъ.

III.

Преподаватель долженъ призвать въ помощь географію, но не въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часто принимаютъ, т.-е. для того только, чтобы показать мѣсто, гдѣ что происходило. Нѣтъ! Географія должна разгадать многое, безъ нея неизъяснимое въ исторіи. Она должна пока-

затѣ, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлитіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприступной своей крѣпости народъ малочисленный; какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между тѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется правленіе: что его не люди совершенно устанавливаютъ, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его оттого священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не такъ, какъ дѣлають иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествіе есть великое, тѣмъ и отдѣляются, или приводятъ близорукія слѣдствія въ видѣ отрубленныхъ вѣтвей, тогда какъ должно развить его во всемъ пространствѣ, вывести наружу всѣ тайныя причины его явленія и показать, какимъ образомъ слѣдствія отъ него, какъ широкія вѣтви, распростираются по грядущимъ вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣтвляются на едва замѣтные отпрыски, слабѣютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ, или глухо отдаются даже въ нынѣшнія времена, подобно сильному звуку въ горномъ ущельи, который вдругъ умираетъ послѣ рожденія, но долго еще отзывается въ своемъ эхѣ. Эти событія должно показать въ такомъ видѣ, чтобы всѣ видѣли ясно, что они великіе маяки всеобщей исторіи, что на нихъ она держится, какъ земля держится на первозданныхъ гранитахъ, какъ животное на своемъ скелетѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если

хоть одинъ изъ нихъ можетъ предаться во зрѣя лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занимателенъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать; тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженные блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекаютъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Что же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развѣтывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, пріучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренній смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ; тогда самыя священные слова въ устахъ его, какъ-то: преданность къ Религіи и привязанность къ Отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, нерѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы рассказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Рассказъ профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ: его должны понимать все. Чтобы дѣлаться доступнѣе, онъ не долженъ быть скупъ на сравне-

нія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! И потому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ: тогда и идеальное, и отвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, потому что этимъ утомляется вниманіе слушателей и потому что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удерживать всего въ мысляхъ. Каждая лекція профессора непременно должна имѣть цѣлость и казаться оконченною, чтобы въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмою, чтобы они видѣли вначалѣ, что она должна заключать въ себѣ и что заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣлость. А это необходимо всего въ исторіи, гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почитаю необходимымъ представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слышать; иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнуть весь механизмъ исторіи, — все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исходивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ виденъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того, чтобы показать вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна быть исторія.

Прежде всего я долженъ представить, какимъ образомъ человечество началось Востокомъ. Я долженъ изобразить Востокъ съ его древними патріархальными царствами, съ религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для простого народа, кромѣ религіи евреевъ, между коими сохранилось чистое первобытное вѣдѣніе истиннаго Бога; какъ эти древнія государства оградилась другъ отъ друга, будто неприступною стѣною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; какъ одинъ только народъ финикійскій, первые мореплаватели древняго міра, приводилъ

невольно своею промышленностью въ сообщеніе эти почти неподвижныя государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, персами, подвергъ весь Востокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы; но нравы, религія, формы правленія остались въ государствахъ тѣ же, цари только обратились въ сатраповъ, и весь Востокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть царя царей, персидскаго повелителя; какъ постепенно, отъ взаимнаго сообщенія, эти народы теряли свою особенность и національность и, вмѣстѣ съ своимъ царемъ царей, почти богомъ, невидимымъ для народа, поверглись въ азіатскую роскошь. — Здѣсь я останавливаюсь и обращаюсь къ другой части древняго міра, къ Европѣ. Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней этотъ цвѣтъ его, народъ греческій, съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, поэтической религіей, ясными, живыми идеями, такъ противоборствующими важной таинственности Востока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ такомъ необыкновенномъ блескѣ, и какъ, наконецъ, одинъ честолюбивый грекъ подвергъ ихъ своей монархической власти; какъ этотъ великій грекъ задумалъ гигантское дѣло: соединить Востокъ съ Европою и разнести вездѣ греческое просвѣщеніе. И вотъ, чтобы связать тѣсныя три части свѣта, строится городъ Александрія; герой умираетъ, всесвѣтная монархія падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣютъ: настаетъ знаменитый александрійскій вѣкъ, когда весь древній міръ толпится у гавани александрійской, когда греческіе ученые во всѣхъ городахъ, и національность опять исчезаетъ, народы опять смѣшиваются! А между тѣмъ въ Италіи, почти невидимо отъ всѣхъ, созрѣваетъ желѣзная сила римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ этотъ суровый, воинственный народъ покоряетъ одно за другимъ государства, обогащается награбленными богатствами, поглощаетъ весь Востокъ. Легіоны его проникаютъ въ тѣ земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для человѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Британнію, римскіе орлы на скалахъ Албіона... Между тѣмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергаютъ толпы невѣдомыхъ народовъ, которые тѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняютъ ихъ въ

Европу, сами несутся по пятамъ ихъ и грозно останавливаются на сѣверѣ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые отъ римлянъ германскими лѣсами и непроходимыми болотами. А между тѣмъ уже ни одного не остается независимаго царства. Весь міръ раздѣленъ на римскія провинціи. Римляне перенимаютъ все у побѣжденных народовъ—сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются римлянами, и ни одного настоящаго римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрѣлищъ тиранствуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣтно совершается великое событіе: въ ветхомъ мірѣ зарождается новый! воплощается неузнанный міромъ Божественный Спаситель его, и вѣчное слово, не понятое властелинами, раздается въ темницахъ и пустыняхъ, таинственно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ, на весь древній міръ непостижимо находитъ летаргическій сонъ, та страшная неподвижность, то ужасное опѣмѣніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезаютъ, все обращается въ мелкій, ничтожный этикетъ, жалкую, развратную безхарактерность. А въ Азіи, между тѣмъ, новый толчокъ, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ тѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, который въ свою очередь сгоняетъ третій, и самые крайніе появляются уже на римскихъ границахъ, тогда какъ жалкіе побѣдители міра употребляютъ всѣ усилія спасти себя: сначала откупаются золотомъ, потомъ изъ нихъ же составляютъ себѣ войско защитниковъ, потомъ отдаютъ имъ, одну за другою, всѣ свои провинціи, наконецъ, предають имъ Римъ, и тѣ, которые сохраняли еще слабые остатки познаній, бѣгутъ на востокъ; прочіе, невѣжественные и слабые, исчезаютъ въ сильныхъ толпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ, какъ основываются и принимаютъ крещеніе дикія государства въ границахъ, назначенныхъ природою, съ феодальными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный папа, прежде только римскій первосвященникъ, дѣлается государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власти свѣтскую. Между тѣмъ, на Востокѣ остатки римлянъ тѣсняются и покоряются но-

вымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фантастически, возродившимся на своемъ каменномъ аравійскомъ полуостровѣ, подвинутомъ до изступленія религіей, совершенно восточной, основанной полупомѣшаннымъ энтузіастомъ Магометомъ; какъ этотъ народъ, съ азіатской саблей въ рукахъ, распространялъ магометанство на мѣсто прежнихъ остатковъ греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быстро этотъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается просвѣтителемъ, развертывается во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фантазіей, глубокими мыслями и поэзіей жизни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмевается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, которымъ оставляетъ въ наслѣдство одно магометанство, какъ, почти въ то же время, въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, норманны, съ песлянхою дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми государствами, наконецъ, перемѣняютъ дикую религію свою на христіанство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ папа мало-по-малу дѣлается неограниченнымъ монархомъ всей Европы, и самый императоръ нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ противустать ему, и какъ, по мановенію его, цѣлыя народы, вассалы, короли, оставляютъ свои земли, богатства, кладутъ пламенный крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валится въ Азію, Востокъ спѣшается съ Западомъ, и двѣ грозныя силы, христіанство съ магометанствомъ; какъ это великое событіе порождаетъ рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли орденоскія общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и произошелъ самый сильно-религіозный христіанскій вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перенелъ потомъ границы, начертанныя десницею Божественнаго Спасителя, и какъ въ то же время, невидимо отъ всей Европы, совершается великій эпизодъ всемірной исторіи: создается безпримѣрная по величинѣ монархія Чингисханова, поглотившая всѣ азіатскія земли, неизвѣстныя европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдность; все обратилось въ рыцарство, все кочуетъ, все неспокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ, и полководецъ, и вассалъ, и повелитель, и слушается и не слушается,—вѣкъ величайшаго разъединенія и вмѣстѣ един-

ства! Каждый управляется своей волей, и между тѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне, вытерпѣвъ чашу бѣдъ, наконецъ, рѣшаются соединиться, независимо отъ своихъ повелителей, въ города. Возникаетъ среднее сословіе гражданъ, города начинаютъ богатѣть, и на сѣверѣ Европы, въ отпоръ рыцарямъ, образуется Ганзейскій союзъ, связывающій всю сѣверную Европу своей торговлей. Между тѣмъ на югѣ возникаетъ порожденіе крестовыхъ походовъ — страшная торговлею Венеція, эта царица морей, эта чудная республика, съ такимъ замысловатымъ и необыкновенно устроеннымъ правленіемъ. Всѣ богатства Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ пала религіозною властью, такъ Венеція непомѣрнымъ богатствомъ повелѣвала Европою. Духовный деспотъ употреблялъ всѣ силы убить ея торговлю, но все было напрасно, пока, наконецъ, генуэзскій гражданинъ не убилъ ее открытіемъ Новаго Свѣта. Наконецъ, я долженъ представить, какъ вдругъ расширился кругъ дѣйствій, какъ пала торговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшать въ Америку и вывозятъ кучи золота; Атлантическій и Восточный океаны въ ихъ власти, и въ то же время папскія миссіи проникаютъ въ сѣверовосточную Азію и Африку — и міръ открывается почти вдругъ во всей своей обширности. Между тѣмъ въ Европѣ понемногу сомнѣваются въ справедливости папской власти и, какъ прежде торговлю Венеціи убилъ бѣдный генуэзецъ, такъ власть папы сокрушилъ августинскій монахъ Лютеръ. Какъ образовалась эта мысль въ головѣ смиреннаго монаха, какъ сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія! Какъ, при паденіи своемъ, папа становился грознѣе и изобрѣтательнѣе: ввелъ ужасную инквизицію и страшный невидимою силою орденъ іезуитскій, который вдругъ рассыпался по всему свѣту, проникъ во все, прошелъ вездѣ и тайно сообщался между собою на двухъ разныхъ концахъ міра. — Но чѣмъ грознѣе становился папа, тѣмъ сильнѣе противъ него работали типографскіе станки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ партіи, и эти партіи, наконецъ, схватились за оружіе, и война жестокая, внутри и внѣ государствъ, долгая, обхватила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не стрѣлами производилась она, — нѣтъ! пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ монаха-алхи-

миста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнѣе. Я долженъ изобразить, какъ измѣнилась Европа послѣ этихъ войнъ. Государства, народы сливаются плотнѣе въ нераздѣльные массы. Нѣтъ того раздѣленія власти, какъ въ средніе вѣка. Она сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ отъ того сильныя характеры становятся виднѣе, кругъ государей, министровъ, полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольнo, завязывается въ Европѣ политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго государства. А между тѣмъ неутомимые купцы-голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣваютъ островами Восточнаго океана, берутъ миллионы за разводимыя на нихъ плантаціи драгоцѣнныхъ растений Юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ торговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный государь не подрываетъ ее и не покушается на неприкосновенность государствъ. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный этимъ государемъ (Лудовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, писателями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда стѣзжались со всей Европы, и французскій языкъ, французскіе нравы, французскій этикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ владѣній, этотъ честолюбивый король хотя и разстраиываетъ торговлю голландцевъ, но вмѣстѣ разоряетъ свое государство и самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуются этимъ островитяне британскіе, которые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ, очутились почти вдругъ обладателями торговли всего міра: ворочаютъ миллионами въ Индіи, собираютъ дань съ Америки, и, гдѣ только море, тамъ британскій флагъ. Имъ преграждаетъ путь исполнѣ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ орудіемъ—совершенно военнымъ деспотизмомъ, своими быстрыми движеніями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое протекторство. Напрасно гремитъ противъ него въ англійскомъ парламентѣ Питтъ и составляетъ страшные союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вторгнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему пространства, лютость климата и войска, образованныя суворовскою тактикою, погубляютъ его. И Россія, сокрушившая этого испо-

лина о неприступныя твердыни свои, останавливается въ грозномъ величїи на своемъ огромномъ сѣверовостокаѣ. Освобожденные государства получаютъ прежній видъ и прежнія формы, утверждаютъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не останавливаемое ничѣмъ, начинаетъ разливаться даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводятъ мануфактурность до изумительнаго совершенства, будто невидимые духи помогаютъ во всемъ человѣку и дѣлаютъ силу его еще ужаснѣе и благотѣльнѣе;—и онъ, въ священномъ трепетѣ, видитъ, какъ Слово изъ Назарета обтекло, наконецъ, весь міръ.

Когда исторія міра будетъ удержана въ такомъ краткомъ, но полномъ эскизѣ и происшествія будутъ такъ связаны между собою, тогда ничто не улетитъ изъ головы слушателей и въ умѣ ихъ невольно составитъ цѣлое. Наконецъ, этотъ эскизъ, развившись въ великомъ объемѣ, составитъ полную исторію человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной исторіи человѣчества, я долженъ разобрать отдѣльно исторію всѣхъ государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ всеобщей исторіи. Натурально, та же полнота, та же цѣлость должна быть видна и здѣсь въ обзорѣниі каждого порознь. Я долженъ обнять его вдругъ, съ начала до конца: какъ оно основалось, когда было въ силѣ и блескѣ, когда и отчего пало (если только пало), и какимъ образомъ достигло того вида, въ какомъ находится нынѣ; если же народъ стерся съ лица земли, то какимъ образомъ на мѣсто его образовался новый и что принялъ отъ прежняго.

VIII.

Чтобъ еще глубже все сказанное вошло въ память, по окончаніи курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повтореніе было успѣшнѣе, нужно стараться давать ему интересъ и занимательность новизны. Послѣ исторіи всего міра и отдѣльно каждой земли и народа, не мѣшаетъ сдѣлать обзоръ каждой части свѣта и тутъ показать все отличіе какъ ихъ, такъ и народовъ, въ нихъ находящихся, чтобъ слушатели сами могли вывести результатъ:

Во-первыхъ, объ Азіи, этой обширной колыбелѣ и младен-

чествующаго человѣчества, землѣ великихъ переворотовъ, гдѣ вдругъ возрастають въ страшномъ величїи народы и вдругъ стираются другими; гдѣ столько націй невозвратно пронеслись, одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ одни и тѣ же: все такъ же важень, такъ же гордъ азіатецъ, такъ же быстро воспламеняется и кишитъ страстями, такъ же скоро предается лѣни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эта часть свѣта есть земля разительныхъ противоположностей и какого-то великаго безпорядка: еще одинъ народъ кочуетъ беззаботно въ необозримомъ многолюдствѣ съ необозримыми табунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ, изступленный изувѣръ, изнуря себя безконечнымъ постомъ, замышляетъ новую религію, которая впослѣдствїи обхватитъ всю Азію, одѣнетъ народъ, какъ непроницаемой броней, своимъ изступленнымъ вдохновеніемъ и поведетъ его на разрушеніе; и тутъ же, можетъ-быть, недалеко отъ него, находится народъ, уже перешедшій всѣ эти явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, утомленный азіатскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можетъ находиться та странная противоположность, которой удивимся въ деревѣ юга, гдѣ на одной вѣткѣ, въ одно время, одинъ плодъ цвѣтетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, третій зрѣетъ, четвертый, переспѣлый, валится на землю.

Потомъ о Европѣ, исторія которой означена совершенно противоположною характерностью, гдѣ существованіе народовъ, напротивъ, долго и мощно; гдѣ все, напротивъ, порядокъ и стройность: народы разомъ подвигаются тактъ въ тактъ, какъ регулярныя европейскія войска; государства всѣ почти въ одно время растутъ и совершенствуются: при всѣхъ характерныхъ отличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единство, и каждая изъ нихъ такъ чудно запутана съ другими, что становится совершенно понятною только въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажется однимъ государствомъ. И въ этой небольшой части свѣта рѣшилась долгая тяжба: человѣкъ сталъ выше природы, а природа обратилась въ искусство; самая бѣдность и скупость ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человѣкѣ, дали ему почувствовать, во сколько онъ выше земного, и превратили всю страну въ вѣчную жизнь ума. Въ этой одной только части свѣта могущественно развился

высокій геній христіанства, и необъятная мысль, осянен-
ная небеснымъ знаменіемъ креста, витаешь надъ нею, какъ
надъ отчизною.

Потомъ объ Африкѣ, представляющей, въ противопо-
ложность Европѣ, смерть ума, гдѣ природа всегда деспоти-
чески властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ
своемъ царственномъ величіи и всегда почти возвращала
его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувственную; гдѣ
ни одинъ коренной туземный народъ не прожилъ мощною
жизнью и не отбросилъ отъ себя яркихъ лучей на міръ;
гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно всту-
пали въ борьбу съ палящею природою африканскою: чѣмъ
дальше погружались они въ Африку, тѣмъ глубже поверга-
лись въ чувственность.

Наконецъ, объ Америкѣ, этой всемірной колоніи, вави-
лонскомъ смѣшеніи націй, гдѣ столкнулись три противо-
рѣчащія части свѣта, смѣшались, но еще не слились въ
одно, и потому еще не имѣющей покамѣстъ никакого един-
ства, даже единства религіи; не взирая на частную ха-
рактерность, не получившей общаго характера; несмотря на
огромную массу, все еще состоящей изъ первоначальныхъ
стихій, разложенныхъ началъ; несмотря на независимыя
государства, все еще похожей на колонію.

Быстрый обзоръ исторіи каждой части свѣта, во всей ея
рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокій, ре-
зультатъ вѣковъ и событій, потому необходимъ, что онъ
наводитъ на мысль и заставляетъ слушателей думать. Умъ
тогда быстрѣе развивается, когда самъ предлагаетъ себѣ
великій и поэтический вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части
тѣмъ болѣе еще необходимъ, что показываетъ часто съ
новой стороны тѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія
нужно, чтобы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ.
«Только тогда вы знаете хорошо исторію», говоритъ Шле-
церъ: «когда знаете ее и вдоль, и поперекъ, и вкось, и во
всѣхъ направленіяхъ».

IX.

И для того, въ видѣ эпилога, послѣ окончанія курса
хорошо разсмотрѣть за однимъ разомъ весь міръ по сто-
лѣтіямъ. Тогда всеобщая исторія представитъ у меня ве-
ликую лѣстницу вѣковъ. Я долженъ непремѣнно показать,

чѣмъ ознаменовано начало, середина и конецъ каждаго столѣтія, потомъ—духъ и отличительныя черты его. Чтобы лучше опредѣлить каждый вѣкъ и избѣгнуть монотонности числъ, я назову его именемъ того народа или лица, который сталъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйствовалъ на поприщѣ міра. Эта лѣстница столѣтій есть лучшее средство къ утвержденію въ памяти слушателей современности событій, лицъ и явленій.

Х.

Мнѣ кажется, что такой образъ преподаванія будетъ дѣйствительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ, глубоко понимающій величіе исторіи увидить, что онъ не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта; что ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чтеніе лѣтописей міра; что составить эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества, хотя даже столь краткій, какъ здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя нити исторіи, и что одна любовь къ наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявить мои мысли: что цѣль моя—образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатизмъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ, — сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи не пзмѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными Отечеству и Государю.

1832.

ПОРТРЕТЪ.

Повѣсть.

§ I.

Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ; картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ обыкновенные ихъ сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. — Двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками тѣхъ картинъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка: на одной изъ нихъ была царица Милицитриса Кирбильевна, на другой — городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но зато зрителей — куча: какой-нибудь забуддыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего ба-

рина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними, вѣрно, уже стоитъ солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка изъ Охты, съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры рассматриваютъ серьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризovýchъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшаютъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотреть, на что онъ смотреть.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человека, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами; наконецъ, невольно овладѣло имъ размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Ерусаловъ Лазаревичей*, на *обгдалъ* и *обпивалъ*, на *Оому* и *Ерему* — это ему не казалось удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній? кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которыхъ выразилось все глубокое его униженіе? Если бы это были труды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію, если бы они совсѣмъ не имѣли никакой правильности, не сохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ карикатурномъ видѣ, — но въ этомъ карикатурномъ видѣ просвѣчивалось бы хотя какое-нибудь стараніе, какой-нибудь порывъ произвести подобное природѣ, — но ничего этого нельзя было отыскать въ нихъ. Какое-то тупоуміе старости, какая-то бессмысленная охота или, лучше сказать, неволя водила

рукою ихъ творцовъ. Кто трудился надъ ними? И трудился, безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же, потому что тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку. Онъ все такъ же стоялъ передъ этими грязными картинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между тѣмъ какъ содержатель этого живописнаго магазина, сѣренькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, во фризовой шинели, съ давно небритымъ подбородкомъ, рассказывалъ ему, что «картины *самый первый сортъ* и только что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ, и въ рамки не вставлены. *Смотрите сами, честно усьяю, что останетесь довольны*». Всѣ эти заманчивыя рѣчи летѣли мимо ушей Черткова. Наконецъ, чтобы немного ободрить хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся картинъ. Это были старые фамилные портреты, которыхъ потомки врядъ ли бы отыскались. Почти машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, — краска, которая означаетъ тайное удовольствіе при чемъ-нибудь неожиданномъ. Онъ сталъ нетерпѣливо тереть рукою и скоро увидѣлъ портретъ, на которомъ ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались нѣсколько мутными и почернѣвшими. Это былъ старикъ съ какимъ-то безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ устахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная и вмѣстѣ какой-то страхъ; румянецъ болѣзни былъ тонко разлитъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы, но вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ была замѣтна какая-то странная живость. Казалось, этотъ портретъ изображалъ какого-нибудь скрагу, проведшаго жизнь падъ сундукомъ, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ всю жизнь мучить счастье другихъ. Лицо вообще сохраняло яркій отпечатокъ южной фizioгноміи. Смуглота, черные, какъ смоль, волосы, съ пробившеюся просѣдью—все это не попадаетъ у жителей сѣверныхъ губерній. Во всемъ портретѣ была видна какая-то неокончателность; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, то знатокъ потерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукинъ дворъ.

Съ біющимъ сердцемъ, молодой художникъ, отложивши его въ сторону, началъ перебирать другіе, не найдется ли еще чего подобнаго; но все прочее составляло совершенно другой міръ и показывало только, что этотъ гость глупымъ счастьемъ попалъ между нихъ. Наконецъ, Чертковъ спросилъ о цѣнѣ.

Пронирливый купецъ, замѣтивъ по его вниманію, что портретъ чего-нибудь стѣнѣ, почесалъ за ухомъ и сказалъ: «Да что? вѣдь десять рублей будетъ за него маловато».

Чертковъ протянулъ руку въ карманъ.

«Я даю одиннадцать!» раздалось позади его.

Онъ обратился и увидѣлъ, что народу собралась куча и что одинъ господинъ въ плащѣ долго, подобно ему, стоялъ передъ картиною. Сердце у него сильно забилося и губы тихо задрожали, какъ у человѣка, который чувствуетъ, что у него хотятъ отнять предметъ его исکانій. Осмотрѣвши внимательно новаго покупателя, онъ нѣсколько утѣшился, замѣтивъ на немъ костюмъ, нисколько не уступавшій его собственному, и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «Я дамъ тебѣ двѣнадцать рублей, картина моя».

«Хозяинъ! картина за мною, вотъ тебѣ пятнадцать рублей!» произнесъ покупатель.

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло, духъ захватился, и онъ невольно выговорилъ: «двадцать рублей».

Купецъ потиралъ руки отъ удовольствій, видя, что покупщики сами торгуются въ его пользу. Народъ гуще обступилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, что обыкновенная продажа превратилась въ аукціонъ, всегда имѣющій сильный интересъ, даже для постороннихъ. Цѣну, наконецъ, набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричалъ Чертковъ: «пятьдесятъ», вспомнивши, что у него вся сумма въ 50 рублѣхъ, изъ которыхъ онъ долженъ, хотя часть, заплатить за квартиру и, кромѣ того, купить красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Противникъ его въ это время отступился: сумма, казалось, превосходила также его состояніе, и картина осталась за Чертковымъ. Вынувши изъ кармана ассигнацію, онъ бросилъ ее въ лицо купцу и ухватился съ жадностью за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея, пораженный страхомъ. Темные глаза парисованнаго старика глядѣли такъ живо

и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза. Они были неподвижны, но, вѣрно, не были бы такъ ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство — не страхъ, но то неизъяснимое ощущеніе, которое мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы, или, лучше сказать, какое-то сумасшествіе природы, — это самое чувство заставило вскригнуть почти всѣхъ. Съ трепетомъ провелъ Чертковъ рукою по полотну, но полотно было гладко. Дѣйствіе, произведенное портретомъ, было всеобщее; народъ съ какимъ-то ужасомъ отхлынулъ отъ лавки; покупатель, вошедшій съ нимъ въ соперничество, боязливо удалился. Сумерки въ это время сгустились, казалось, для того, чтобы сдѣлать еще болѣе ужаснымъ это непостижимое явленіе. Чертковъ не въ силахъ былъ оставаться болѣе. Не смѣя и думать о томъ, чтобы взять его съ собою, онъ выбѣжалъ на улицу. Свѣжій воздухъ, громъ мостовой, говоръ народа, казалось, на минуту освѣжилъ его, но душа была все еще сжата какимъ-то тягостнымъ чувствомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по сторонамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ. «Что это?» думалъ онъ самъ про себя: «искусство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнуть, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасен? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, — та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, — та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезъ

чуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее чрезчуръ сладкій вкусъ?» Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнатку, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начатки, копіи съ антиковъ, тщательныя, точныя, показывавшія въ художникѣ стараніе постигнуть фундаментальныя законы и внутренній размѣръ природы. Долго разсматривалъ онъ ихъ, и, наконецъ, мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами: такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

«И вотъ годъ, какъ я тружусь надъ этимъ сухимъ, скелетнымъ трудомъ! Стараюсь всѣми силами узнать то, что такъ чудно дается великимъ творцамъ и кажется плодомъ минутнаго, быстрого вдохновенія. Только тронуть они кистью, и уже является у нихъ человекъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ природою; движенія его живы, непринужденны. Имъ это дано вдругъ, а мнѣ должно трудиться всю жизнь, всю жизнь изслѣдовать скучныя начала и стихіи, всю жизнь отдать безцвѣтной, не отвѣчающей на чувства работѣ. Вотъ мои мараны! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоти я произвести свое — и у меня выйдетъ совсѣмъ не то: нога не станетъ такъ вѣрно и непринужденно; рука не подыметь такъ легко и свободно; поворотъ головы у меня вовѣки не будетъ такъ естественъ, какъ у нихъ, а мысль, а тѣ невыразимыя явленія.... Нѣтъ, я не буду никогда великимъ художникомъ!»

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣтъ осьмнадцати, въ русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ стягивать съ Черткова сапоги, который былъ погруженъ въ свои размышленія. Этотъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, натурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его передней, теръ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халатъ и выходитъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборотилъ голову назадъ и произнесъ громко: «Баринъ, свѣчу зажигать или нѣтъ?»

«Зажги», отвѣчалъ разсѣянно Чертковъ.

«Да еще хозяинъ приходилъ», примолвилъ кстати грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія упоминать въ P. S. о томъ, что поважнѣе: «хозяинъ приходилъ и сказалъ, что если не заплатите денегъ, то вышвернетъ всѣ ваши картины за окошко вмѣстѣ съ кроватью».

«Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгахъ», отвѣчалъ Чертковъ: «я досталъ деньги».

При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставить за портретъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укорять себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничтожнаго случая, и не взялъ съ собою ни денегъ, ни портрета. Завтра же рѣшился онъ идти къ купцу и взять деньги, почитая себя совершенно въ правѣ отказаться отъ такой покупки, тѣмъ болѣе, что его домашнія обстоятельства не позволяли сдѣлать никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стѣнѣ. Всѣ предметы и картины, висѣвшія въ его комнатѣ, какъ-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вѣчно-прекраснаго сянiя. Въ эту минуту какъ-то нечаянно онъ взглянулъ на стѣну и увидѣлъ на ней тотъ же самый странный портретъ, такъ поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожь невольно пробѣжала по его тѣлу. Первымъ дѣломъ его было позвать своего камердинера-натурщика и расспросить, какимъ образомъ и кто принесъ къ нему портретъ; но камердинеръ-натурщикъ клялся, что никто не приходилъ, выключая хозяина, который былъ еще поутру и, кромѣ ключа, ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Чертковъ чувствовалъ, что волосы его зашевелились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ силился себя увѣрить, что здѣсь не могло ничего быть сверхъестественнаго, что мальчикъ его могъ въ это время заснуть, что хозяинъ портрета могъ его прислать, узнавши какимъ-нибудь особеннымъ случаемъ его квартиру... Короче, онъ началъ приводить всѣ тѣ плоскія изъясненія, которыя мы употребляемъ, когда хотимъ, чтобы случившееся случилось непременно такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смотрѣть на портретъ, но голова его невольно къ нему обращалась, и взглядъ, казалось, при-

липаль къ странному изображенію. Неподвижный взглядъ старика былъ нестерпимъ: глаза совершенно свѣтились, вбирая въ себя лунный свѣтъ, и живость ихъ до такой степени была страшна, что Чертковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на рѣсницахъ старика; свѣтлыя сумерки, въ которыя владычица-луна превратила ночь, увеличивали дѣйствіе: полотно пропадало, и страшное лицо старика выдвинулось и глядѣло изъ рамы, какъ будто изъ окошка.

Приписывая это сверхъестественное дѣйствіе лунѣ, чудесный свѣтъ которой имѣетъ въ себѣ тайное свойство придавать предметамъ часть звуковъ и красокъ другого міра, онъ приказалъ подать скорѣе свѣчу, около которой копался его лакей; но выраженіе портрета ничуть не уменьшилось: лунный свѣтъ, слившись съ сіяніемъ свѣчи, придалъ ему еще болѣе непостижимой и вмѣстѣ странной живости. Схвативши простыню, онъ началъ закрывать портретъ, свернулъ ее втрое, чтобы онъ не могъ сквозь нее просвѣчивать; но при всемъ томъ—или это было слѣдствіе сильно потревоженнаго воображенія, или собственные глаза его, утомленные сильнымъ напряженіемъ, получили какую-то бѣглую, движущуюся сноровку, только ему долго казалось, что взоръ старика сверкалъ сквозь полотно. Наконецъ, онъ рѣшился погасить свѣчу и лечь въ постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими отъ него портретъ. Напрасно ожидать онъ сна: мысли самыя неутѣшительныя прогоняли то спокойное состояніе, которое ведетъ за собою сонъ: тоска, досада, хозяинъ, требующій денегъ, недоконченныя картины—созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность—все это двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И когда на минуту удавалось ему прогнать ихъ, то чудный портретъ вѣстительно втѣснялся въ его воображеніе, и, казалось, сквозь щелку въ ширмахъ сверкали его убійственные глаза. Никогда не чувствовалъ онъ на душѣ своей такого тяжелаго гнета. Свѣтъ луны, который содержитъ въ себѣ столько музыки, когда вторгается въ одинокую спальню поэта и проноситъ младенчески-очаровательныя полусны надъ его изголовьемъ, — этотъ свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечтаній; его мечтанія были болѣзненны. Наконецъ, впалъ онъ не въ сонъ, но въ какое-то полузабвеніе, въ то тягостное со-

стояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приступающія грёзы сновидній, а другимъ — въ неясномъ облакѣ окружающіе предметы.

Онъ видѣлъ, какъ поверхность старика отдѣлялась и сходила съ портрета, такъ же, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ, приближалась къ самой его кровати. Чертковъ чувствовалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняться; но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горѣли и вперились въ него всею магнитною своею силою.

«Не бойся», говорилъ странный старикъ, и Чертковъ замѣтилъ у него на губахъ улыбку, которая, казалось, жалила его своимъ ослабленіемъ и яркою живостью освѣтила тусклыя морщины его лица. «Не бойся меня», говорило странное явленіе: «мы съ тобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: что тебѣ за охота цѣлые вѣки корпѣть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь», — при этомъ лицо его странно искверкалось и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ: — «ты получишь завидное право кинуться съ Исакиевского моста въ Неву или, завязавши шею платкомъ, повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, накупивши ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается въ свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы. Брось этотъ чердакъ и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ».

При этомъ старикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ тотъ же неподвижный, страшный смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холоднымъ потомъ на его лицѣ. Собравши всѣ свои усилія,

онъ приподнялъ руку и, наконецъ, привсталъ съ кровати. Но образъ старика сдѣлался тусклымъ, и онъ только замѣтилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Чертковъ всталъ съ безпокойствомъ и началъ ходить по комнатѣ. Чтобы немного освѣжить себя, онъ приблизился къ окну. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжаніе дрожекъ извозчика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнливою клячею, поджидая залоздамага сѣдока. Чертковъ увѣрился, наконецъ, что воображеніе его слишкомъ разстроено и представило ему во снѣ твореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ портрету: простыня его совершенно скрывала отъ взоровъ, и, казалось, только маленькая искра сквозила изрѣдка сквозь нее. Наконецъ, онъ заснулъ и проспалъ до самаго утра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ утара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло, непріятная мокрота сѣялась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или натянутымъ грунтомъ. Скоро у дверей раздался стукъ, и вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ такъ же непріятно, какъ для богатыхъ умильное лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чертковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ или въ отдаленномъ углу Коломны, — твореніе, какихъ очень много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ; уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался; любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по своей комнатѣ, потравлялъ салынный огарокъ; аккуратно, по истеченіи каждаго

мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запрятывался спать,—однимъ словомъ, былъ человекъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются однѣ поплывы привычки.

«Извольте сами глядѣть», сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставляя руки: «извольте распорядиться и объявить ему».

«Я долженъ вамъ объявить», сказалъ квартальный надзиратель, заложивши руки за петлю своего мундира: «что вы должны непременно заплатить должныя вами уже за три мѣсяца квартирные деньги».

«Я бы радъ заплатить, но что-жъ дѣлать, когда нечѣмъ?» сказалъ хладнокровно Чертковъ.

«Въ такомъ случаѣ хозяинъ долженъ взять себѣ ванну движимость, равностоющую суммѣ квартирныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня же выѣхать».

«Берите все, что хотите», отвѣчалъ почти безчувственно Чертковъ.

«Картины многія не безъ искусства сдѣланы», продолжалъ квартальный, перебирая изъ нихъ нѣкоторые. «Жаль только, что не кончены, и краски-то не такъ живы... Вѣрно, недостатокъ въ деньгахъ не позволялъ вамъ купить ихъ? А это что за картина, завернутая въ холстину?»

При этомъ квартальный, безъ церемоніи подошедши къ картинѣ, сдернулъ съ нея простыню, потому что эти господа всегда позволяютъ себѣ маленькую вольность тамъ, гдѣ видятъ совершенную беззащитность или бѣдность. Портретъ, казалось, изумилъ его, потому что необыкновенная живость глазъ производила на всѣхъ равное дѣйствіе. Разсматривая картину, онъ нѣсколько крѣпко сжалъ ея рамы, и такъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько отзываются топорной работою, то рамка вдругъ лопнула: небольшая дощечка упала на полъ вмѣстѣ съ брякнувшимъ на землю сверткомъ золота, и нѣсколько блестящихъ кружковъ покатилось во всѣ стороны. Чертковъ съ жадностью бросился подбирать, и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднятыхъ имъ червонцевъ.

«Какъ же вы говорите, что не имѣете, чѣмъ заплатить»,

замѣтилъ кварталный, пріятно улыбаясь: «а между тѣмъ у васъ столько золотой монеты».

«Эти деньги для меня священны!» вскричалъ Чертковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. «Я долженъ ихъ хранить, онѣ ввѣрены мнѣ покойнымъ отцомъ. Впрочемъ, чтобы васъ удовлетворить, вотъ вамъ за квартиру!» При этомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физиогномія и пріемы въ одну минуту измѣнились у хозяина и достойнаго блюстителя за правами пьяныхъ извозчиковъ.

Полицейскій сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только исполнялъ предписанную форму, а впрочемъ никакъ не имѣлъ права его принудить; а чтобы болѣе въ этомъ увѣрить Черткова, онъ предложилъ ему призъ табаку. Хозяинъ дома увѣрять, что онъ только пошутилъ, и увѣрять съ такою божбою и безсовѣстностью, съ какою, обыкновенно, увѣряетъ купецъ въ Гостиномъ дворѣ.

Но Чертковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшился болѣе оставаться на прежней квартирѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумать о странности этого происшествія. Осмотрѣвши свертокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сотни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была какъ нарочно для него приготовлена: четыре въ рядѣ высокія комнаты, большія окна, всѣ выгоды и удобства для художника! Лежа на турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльныя окна на растущія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-то самодовольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ, еще вчера пресмыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя картины развѣсились по стройнымъ колоссальнымъ стѣнамъ; между ними висѣлъ таинственный портретъ, который достался ему такимъ единственнымъ образомъ. Онъ опять сталъ думать о причинахъ необыкновенной живости его глазъ. Мысли его обратились къ видѣнному имъ полусновидѣнію, наконецъ, къ чудному кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что какая-нибудь исторія соединена съ существованіемъ портрета, и что даже, можетъ-быть, его собственное бытіе связано съ этимъ портретомъ. Онъ вскочилъ съ своего дивана и началъ его внимательно разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый тоненькой дощечкой, но такъ

искусно задѣланной и заглаженной съ поверхностью, что никто бы не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжелый палецъ квартального не продавилъ дощечки. Онъ поставилъ его на мѣсто и еще разъ на него посмотрѣлъ. Живость глазъ уже не казалась ему такъ страшною среди яркаго свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромныя окна, и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ; но она заключала въ себѣ что-то непріятное, такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворотиться. Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей, и вошла къ нему почтенная дама пожилыхъ лѣтъ съ таліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молодой, лѣтъ осьмнадцати; лакей въ богатой ливреѣ отворилъ имъ дверь и остановился въ передней.

«Я къ вамъ съ просьбою», произнесла дама ласковымъ тономъ, съ какимъ обыкновенно онѣ говорятъ съ художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ. «Я слышала о вашихъ дарованіяхъ...» (Чертковъ удивился такой скорой своей славы). «Мнѣ хочется, чтобы вы сняли портретъ съ моей дочери».

При этомъ блѣдное личико дочери обратилось къ художнику, который, если бы былъ знатокъ сердца, то вдругъ бы прочелъ на немъ немногую исторію ея: ребяческая страсть къ баламъ, тоска и скука продолжительнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгать въ платьѣ послѣдней моды на многолюдномъ гуляньи, нетерпѣливость увидѣть свою пріятельницу для того, чтобы ей сказать: «Ахъ, милая, какъ я скучала», или объявить, какую мадамъ Сихлеръ сдѣлала уборку къ платью княгини Б... Вотъ все, что выражало лицо молодой посѣтительницы, блѣдное, почти безъ выраженія, съ отгѣнкою какой-то болѣзненной желтизны.

«Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу», продолжала дама: «мы можемъ вамъ дать часъ». Чертковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взявъ уже готовый натянутый грунтъ и устроился, какъ слѣдуетъ.

«Я васъ должна нѣсколько предупредить», говорила дама: «насчетъ моей Анетъ, и этимъ облегчить нѣсколько вашу трудъ. Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ чертахъ лица всегда была замѣтна томность; моя Анетъ очень чувствительна, и признаюсь, я никогда не даю ей читать новыхъ романовъ!»

(Художникъ смотрѣлъ въ оба и не замѣтилъ никакой томности). «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или, еще лучше, одну на чистомъ воздухѣ, въ зеленой тѣни, чтобы ничто не показывало, будто она ѣдетъ на балъ. Наши балы, должно признаться, такъ скучны и такъ убиваютъ душу, что, право, я не понимаю удовольствія бывать на нихъ».

Но на лицѣ дочери и даже самой почтенной дамы было написано рѣзкими чертами, что онѣ не пропускали ни одного бала.

Чертковъ былъ минуту въ размысленіи, какъ согласить эти небольшие противоположности, наконецъ, рѣшился избрать благоразумную средину. Притомъ его прельщало желаніе побѣдить трудности и восторжествовать надъ искусствомъ, сохранивъ двусмысленное выраженіе портрета. Кисть бросила на полотно первый туманъ, художническій хаосъ: изъ него начали дѣлиться и выходить медленно образующіяся черты. Онъ прикикъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловлять тѣ неуловимыя черты, которыя самому безцвѣтному оригиналу придаютъ, въ правдивой копіи, какой-то характеръ, составляющій высокое торжество истины. Какой-то сладкій трепетъ началъ имъ одолѣвать, когда онъ чувствовалъ, что, наконецъ, подмѣтилъ и, можетъ-быть, выразить то, что очень рѣдко удастся выразить. Это наслажденіе, нетерпѣливое и прогрессивно возвышающееся, извѣстно только таланту. Подъ кистью его лицо портрета какъ будто невольно пріобрѣтало тотъ колоритъ, который былъ для него самого внезапнымъ открытіемъ; но оригиналъ началъ такъ сильно вертѣться и зѣвать передъ нимъ, что художнику, еще неопытному, трудно было ловить урывками и мгновеніями постоянное его выраженіе.

«Мнѣ кажется, на первый разъ довольно», произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палитру, стоялъ художникъ передъ своею картиною.

«Мнѣ, однакожъ, сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ», произнесла дама, подходя къ картинѣ: «а у васъ до сихъ поръ еще только почти одинъ абрисъ. Мы пріѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время».

Молчаливо выпроводил своихъ гостей художникъ и остался въ непріятномъ размышленіи: въ его тѣсномъ чердакѣ никто не перебивалъ ему, когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною работою. Съ досадою отодвинулъ онъ начатый портретъ и хотѣлъ заняться другими недоконченными работами. Но какъ будто можно мысль и чувства, проникнувшія уже до души, замѣстить новыми, въ которыя еще не успѣло влюбиться наше воображеніе? Бросивши кисть, онъ вышелъ изъ дому.

Юность счастлива тѣмъ, что передъ нею бѣжитъ множество разныхъ дорогъ, что ея живая, свѣжая душа доступна тысячѣ разныхъ наслажденій; и потому Чертковъ разсѣлся почти въ одну минуту. Нѣсколько червонцевъ въ карманѣ—и что не во власти исполненной силъ юности. Притомъ русскій человѣкъ, а особливо дворянинъ или художникъ, имѣетъ странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ—ему все тринь-трава и море по коѣнѣ. У него оставалось еще отъ денегъ, заплаченныхъ впередъ за квартиру, около тридцати червонцевъ, и всѣ эти тридцать червонцевъ онъ спустилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ подать обѣдъ отличнѣйшій, выпилъ двѣ бутылки вина и не захотѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карету, чтобы только съѣздить въ театръ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ его квартиры, угостилъ въ кондитерской трехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое-куда и возвратился домой безъ копѣйки, въ карманѣ. Бросившись въ кровать, онъ уснулъ крѣпко но сновидѣнія его были такъ же несвязны, и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое. Онъ увидѣлъ сквозь шелку своихъ ширмъ, что изображеніе старика отдѣлилось отъ полотна и съ выраженіемъ безпокойства пересчитывало кучи денегъ; золотое сыпалось изъ его рукъ... Глаза Черкова горѣли; казалось, его чувства узнали въ золотѣ ту неизъяснимую прелесть, которая дотолѣ ему не была понятна. Старикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую гору червонцевъ. Чертковъ судорожно протянулъ руку и проснулся. Проснувшись, онъ подошелъ къ портрету, трясъ его, изрѣзалъ ножомъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ запятанныхъ денегъ; наконецъ, махнулъ рукою и рѣшился работать, далъ себѣ слово не сидѣть долго и не увлекаться

заманчивую кистью. Въ это время прѣхала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анетою. Художникъ поставилъ на станокъ свой портретъ, и на этотъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечный день, ясное освѣщеніе дали какое-то особенное выраженіе оригиналу, и открылось множество дотошъ незамѣченныхъ тонкостей. Душа его загорѣлась опытъ напряженіемъ. Онъ силился схватить мельчайшую точку или черту, даже самую желтизну и неровное измѣненіе колорита въ лицѣ зѣвавшей и изнуренной красавицы съ тою точностью, которую позволяютъ себѣ неопытные артисты, воображающіе, что истина можетъ нравиться такъ же и другимъ, какъ нравится имъ самимъ. Кисть его только-что хотѣла схватить одно общее выраженіе всего цѣлаго, какъ досадное «довольно» раздалось надъ его ушами, и дама подошла къ его портрету.

«Ахъ, Боже мой! что это вы нарисовали?» вскрикнула она съ досадою: «Анетъ у васъ желта; у ней подъ глазами какія-то темныя пятна; она какъ будто приняла нѣсколько склянокъ микстуры. Нѣтъ, ради Бога, исправьте вашъ портретъ: это совсѣмъ не ея лицо. Мы къ вамъ будемъ завтра въ это же время».

Чертковъ съ досадою бросилъ кисть; онъ проклиналъ и себя, и искусство, и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный, просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнатѣ и не имѣлъ силъ приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, онъ схватилъ первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая имъ Псишее, поставилъ ее на станокъ, съ намѣреніемъ насильно продолжать. Въ это время вошла вчерашняя дама.

«Ахъ, Анетъ, посмотри, посмотри сюда!» вскричала дама съ радостнымъ видомъ. «Ахъ, какъ похоже! Прелесть, прелесть! И носъ, и ротъ, и брови! Чѣмъ васъ благодарить за этотъ прекрасный сюрпризъ? Какъ это мило! Какъ хорошо, что эта рука немного приподнята! Я вижу, что вы, точно, тотъ великій художникъ, о которомъ мнѣ говорили».

Чертковъ стоялъ, какъ оторопѣлый, увидѣвши, что дама приняла его Псишее за портретъ своей дочери. Съ застѣнчивостью новичка онъ началъ увѣрять, что этимъ слабымъ эскизомъ хотѣлъ изобразить Псишее; но дочь приняла это себѣ за комплиментъ и довольно мило улыбнулась; улыбку раздѣлила мать. Адская мысль блеснула въ головѣ худож-

ника, чувство досады и злости подкрѣпило ее, и онъ рѣшился этимъ воспользоваться.

«Позвольте мнѣ попросить васъ сегодня посидѣть немного подолѣе», произнесъ онъ, обратясь къ довольной на этотъ разъ блондинкѣ. «Вы видите, что платья я еще не дѣлалъ вовсе, потому что хотѣлъ все съ большею точностію рисовать съ натуры». Быстро онъ одѣлъ свою Псишею въ костюмъ XIX вѣка; тронулъ слегка глаза, губы, просвѣтлилъ слегка волосы и отдалъ портретъ своимъ посѣтительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсть; имъ овладѣла та разборчивая, мнительная болѣзнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то, по крайней мѣрѣ, скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, которая заставляетъ скорѣе вытерпѣть презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнителя. Ему казалось, что уже стоитъ передъ его картиною грозный судія и, качая головою, укоряетъ его въ безстыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возратить только ее назадъ! Ужъ онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея, разорвать и растоптать его ногами, но какъ это сдѣлать? Куда идти? Онъ даже не зналъ фамиліи его посѣтительницы.

Съ этого времени, однакожъ, произошла въ жизни его счастливая перемѣна. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершенно напротивъ. Дама, заказывавшая портретъ, рассказывала съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Черткова наполнилась посѣтителями, желавшими удвоить и, если можно, удешевить свое изображеніе. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чертковъ, чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою, рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ, которое одно производитъ чудеса. Но намѣренія его встрѣтили непредвидѣнные препятствія: посѣтителіи его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ нетерпѣливый, занятой, торопящійся,

и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый посятитель, преважно выставялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на полотнѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивать свою работу. Время его, наконецъ, было такъ разобрано, что онъ ни на одну минуту не могъ предаваться размышленію, и вдохновеніе, безпрестанно истребляемое при самокъ рожденіи своемъ, наконецъ, отвыкло навѣщать его. Наконецъ, чтобы ускорить свою работу, онъ началъ заключаться въ извѣстныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро портреты его были похожи на тѣ фамилійныя изображенія старыхъ художниковъ, которыя такъ часто можно встрѣтить во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди руками и держащими цвѣтокъ въ рукѣ, а кавалеры—въ мундирѣ, съ заложенною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дать новое, еще не избитое положеніе, отличающееся бы оригинальностью и непринужденностью, но, увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишкомъ принужденно и есть плодъ великихъ усилій. Для того, чтобы дать новое, смѣлое выраженіе, постигнуть новую тайну въ живописи, для этого нужно было ему долго думать, отвративши глаза отъ всего окружающаго, унесшись отъ всего мірскаго и жизни. Но на это у него не осталось времени, и притомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чтобы быть въ готовности принять вдохновеніе; міръ же, съ котораго онъ рисовалъ свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чтобы вызвать и возмутить воображеніе. Глубоко размышляющее и вмѣстѣ неподвижное лицо директора департамента, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лицо уланскаго ротмистра, блѣдное, съ натянутою улыбкою, петербургской красавицы и множество другихъ, уже черезчуръ обыкновенныхъ — вотъ все, что каждый день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ. Казалось, кисть его сама приобрѣла, наконецъ, ту безцвѣтность и отсутствіе энергіи, которую означались его оригиналы.

Безпрестанно мелькавшія передъ нимъ ассигнаціи и золото, наконецъ, усыпили дѣйственныя движенія души его. Онъ безстыдно воспользовался слабостью людей, которые, за лишнюю черту красоты, прибавленную художникомъ къ

ихъ изображеніямъ, готовы простить ему всѣ недостатки, хотя бы эта красота была во вредъ самому сходству.

Чертковъ, наконецъ, сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся столица обратилась къ нему; его портреты видны были во всѣхъ кабинетахъ, спальняхъ, гостиныхъ и будуарахъ. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведенія этого баловня могущественнаго случая. Напрасно силились они отыскать въ немъ хотя одну черту вѣрной истинѣ природы, брошенную жаркимъ вдохновеніемъ: это были правильныя лица, почти всегда недурныя собою, потому что понятіе красоты удержалось еще въ художникѣ, но никакого знанія сердца, страстей, или хотя привычекъ человѣка,—ничего такого, что бы отзывалось сильнымъ развитіемъ тонкаго вкуса. Нѣкоторые же, знавшіе Черткова, удивлялись этому странному событію, потому что видѣли въ первыхъ его началахъ присутствіе таланта, и старались разрѣшить непостижимую загадку: какъ можетъ дарованіе угаснуть въ цвѣтѣ силъ, вмѣсто того, чтобы развиться въ полномъ блескѣ?

Но этихъ толковъ не слышалъ самодовольный художникъ и величался всеобщею славою, потряхивая червонцами своими и начиная вѣрить, что все въ свѣтѣ обыкновенно и просто, что откровенія свѣше въ мірѣ не существуетъ, и все необходимо должно быть подведено подъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣйственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку и мало-по-малу, нечувствительно, позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ насытить и дать наслажденіе тому, который укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденіемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ его, и, какъ всякій, которому достается этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему и

равнодушнымъ ко всему. Казалось, онъ готовъ былъ превратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыя иногда попадаютъ въ міръ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный энергіи и страсти человѣкъ, и которому они кажутся живыми тѣлами, заключающими въ себѣ мертвеца. Но, однакоже, одно событіе сильно потрясло его и дало совершенно другое направленіе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на столѣ своемъ записку, въ которой Академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи, произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ всею душою своею и для него, оторвавшись отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, бросился, безъ всякихъ пособій, въ неизвѣстную землю; терпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодъ, но съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Войдя въ залу, нашелъ онъ толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многочисленными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Чертковъ, принявши значительную фізіогномію знатока, приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ неслѣста, стояло передъ нимъ произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показаться черни,—никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ гений. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ;—и все это наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минут-

наго вдохновенія художника, вдругъ осыпавшей его мысли. Вся картина была—мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая—есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чертковъ передъ картиною и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ принялъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ: что произведеніе хорошо, и въ художникѣ виденъ талантъ, но желательно, чтобы во многихъ мѣстахъ лучше была выполнена мысль и отдѣлка,—но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту, неподвижный и безчувственный, стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить такъ безжалостно всѣ лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, топлившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величій и красотѣ, можетъ-быть, такъ же исторгнушаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту оживи въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ, весь обратился онъ въ одно желаніе и, можно сказать, загорѣлся одною мыслію: ему хотѣлось изобразить отпаднаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и бессильный порывъ прескучить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенные, уже отзывался неправильностью и ошибкою.

Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные мертвою блѣдностью поверхностной моды, заперъ дверь, не велѣлъ никого выпускать къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, увы! на каждомъ шагу онъ былъ ошатавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ перескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда осянялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ темной перспективѣ что-то такое, чѣмъ, схвативши и бросивши на полотно, можно было сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣстѣ доступнымъ для всякой души; какая-то звѣзда чудеснаго сверкала въ неясномъ туманѣ его мыслей, потому что онъ, точно, носилъ въ себѣ призракъ таланта; но, Боже, какое-нибудь незначущее условіе, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило—и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ, неразсказанный, неизображенный. Кисть его невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ! Потъ катился съ него градомъ, губы дрожали, и послѣ долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его всѣ чувства, онъ принимался снова; но въ тридцать слишкомъ лѣтъ труднѣе изучать скучную лѣстницу трудныхъ правилъ и анатоміи, еще труднѣе постигнуть то вдругъ, что развивается медленно и дается за долгія усилія, за великія напряженія, за глубокое самоотверженіе. Наконецъ, онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ паразитическое исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ бесплодную жажду, — ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ

произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ, въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. Едва только появлялось гдѣ-нибудь свѣжее произведеніе, дышащее огнемъ новаго таланта, онъ употреблялъ всѣ усилія купить его во что бы то ни стало. Безчисленные собранные имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. И люди, носившіе въ себѣ искру божественнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ святыхъ, прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголкѣ не могли они сокрыться отъ его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ даже въ заброшенной пыли слѣдъ художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ приобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на его лицо: на немъ всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерѣзанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и отдѣляли его совершенно отъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастью міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для

слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ этотъ двоился, четверился въ его глазахъ, и, наконецъ, ему чудилось, что всѣ стѣны были увѣшаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядѣли на него съ потолка, съ полу, и, вдобавокъ, онъ видѣлъ, какъ комната расширялась и продолжалась пространнѣе, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользоваться и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и пронзительнымъ, невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ и молилъ, чтобы приняли отъ него неотразимый портретъ съ живыми глазами, котораго мѣсто онъ описывалъ съ странными для безумнаго подробностями. Напрасно употребляли всѣ старанія, чтобы отыскать этотъ чудный портретъ. Все было перерыто въ домѣ, но портретъ не отыскивался. Тогда больной приюднивался съ безпокойствомъ и опять начиналъ описывать его мѣсто съ такою точностью, которая показывала присутствіе яснаго и проницательнаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ, докторъ заключилъ, что это было больше ничего, кромѣ особенное явленіе безумія. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусства, которые сладко предремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, которые певинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные ихъ основательными трудами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толлою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ Гостиннаго двора и даже толкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и физіогномія были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались тою приторною услужливостію, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ. Они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ значительныхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебывали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимыя посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать въ немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, считающіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другого занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотреть, чѣмъ что кончится: кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьеть и за чѣмъ что останется. Множество картинъ разбросано было совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, который, вѣрно, не имѣлъ похвального любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старинныя мебели съ выгнутыми линиями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, бенкеты—все было на-

валено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона странно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденные мебелью и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ всѣхъ, и голоса: «сто рублей, рубль и двадцать копѣекъ! четыреста рублей и пятьдесятъ копѣекъ», протяжно вырывающіеся изъ устъ, какъ-то дики для слуха. Но еще болѣе производить впечатлѣніе погребальный голосъ аукціониста, постукивающего молоткомъ и отпѣвающего панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь, искусствамъ.

Однакоже, аукціонъ еще не начинался; посѣтители разсматривали разные вещи, набросанныя горою на полу. Между тѣмъ небольшая толпа остановилась передъ однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ старикъ съ такою странною живостью глазъ, что невольно приковалъ къ себѣ ихъ вниманіе. Въ художникѣ нельзя было не признать истиннаго таланта; произведеніе хотя было не окончено, однакоже, носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но при всемъ томъ эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Они чувствовали, что это верхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только геній, но что этотъ геній уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка. Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного, уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ, посѣтителя. «Ахъ, это онъ!» вскрикнулъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на портретъ. Такое восклицаніе, натурально, зажгло во всѣхъ любопытство, и нѣкоторые изъ разсматривавшихъ никакъ не утерпѣли, чтобы не сказать, обратившись къ нему: «Вамъ, вѣрно, извѣстно что-нибудь объ этомъ портретѣ?»

«Вы не ошиблись», отвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. «Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣстна исторія этого портрета. Все увѣряетъ меня, что онъ долженъ быть тотъ самый, о которомъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю, что васъ всѣхъ интересуетъ о немъ узнать, то я теперь же готовъ нѣсколько удовлетворить васъ»

Посѣтители наклоненіемъ головы изъявили свою благодарность и съ большою внимательностію приготовились слушать.

«Безъ сомнѣнія, немногимъ изъ васъ», такъ началъ онъ: «извѣстна хорошо та часть города, которую называютъ Коломной. Характеристика ея отличается рѣзкою особенностью отъ другихъ частей города. Нравы, занятія, состоянія, привычки жителей совершенно отличны отъ прочихъ. Здѣсь ничто не похоже на столицу, но вмѣстѣ съ этимъ не похоже и на провинціальныя городокъ, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизированной жизни проникла и сюда и оказалась въ такихъ тонкихъ мелочахъ, какія можетъ только родить многолюдная столица. Тутъ совершенно другой свѣтъ, и, въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ молодыя желанія и порывы. Сюда не заглядываетъ живительное, радужное будущее. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсь все, что ослѣо отъ движенія столицы. И въ самомъ дѣлѣ, сюда переѣзжаютъ отставные чиновники, которыхъ пенсіонъ не превышаетъ пятисотъ рублей въ годъ; вдовы, жившія прежде мужними трудами; небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь на цѣлую жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на 5 копѣекъ кофею и на 4 копѣйки сахару; наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые, съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, имѣютъ какую-то тусклую, пепельную наружность. Они похожи на сѣренькій день, когда солнце не слѣпитъ своимъ яркимъ блескомъ, когда тоже буря не свищетъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но, просто, когда на небѣ бываетъ ни сѣ, ни то: сѣется туманъ и отнимаетъ всю рѣзкость у предметовъ. Лица этихъ людей бываютъ какъ-то изъ-красна-рыжеватыя, волосы тоже красноватыя; глаза почти всегда безъ блеска; платье ихъ тоже совершенно матовое и представляетъ тотъ мутный цвѣтъ, который происходитъ, когда смѣшаешь всѣ краски вмѣстѣ, и, вообще, вся ихъ наружность совершенно матовая. Къ этому разряду можно причислить отставныхъ театралныхъ капельдннеровъ, уволенныхъ пятидесятилѣтнихъ титулярныхъ

совѣтниковъ, оставшихъ питомцевъ Марса съ 200-рублевымъ пенсіономъ, выколотымъ глазомъ и раздутаю губою. Эти люди вовсе безстрастны: имъ все тринь-трава; идутъ они, совершенно не обращая вниманія ни на какіе предметы; молчатъ, совершенно не думая ни о чемъ. Въ комнатѣ ихъ только кровать и штофъ чистой, русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день, безъ всякаго смѣлаго прилива въ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій тротуаромъ за двѣнадцать часовъ ночи.

«Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры и которая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ смущаетъ всеобщую тишину. Здѣсь всѣ почти—пѣшеходы. Извозчикъ рѣдко, лѣнливо, и почти всегда безъ сѣдока, волочитъ, таща вмѣстѣ съ собою сѣпо для своей скромной клячи. Цѣна квартиръ рѣдко достигаетъ тысячи рублей; ихъ больше отъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не считая множества угловъ, которые отдаются съ отопленіемъ и кофею за четыре съ половиною въ мѣсяцъ. Вдовичиновницы, получающія пенсіонъ, самыя солидныя обитательницы этой части. Онѣ ведутъ себя очень хорошо, метутъ довольно чисто свою комнату, и говорятъ съ своими сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, картофеля и капусты; при нихъ находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое, безгласное существо, впрочемъ, иногда довольно миловидное; при нихъ находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Эти-то чиновницы занимаютъ лучшія отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяеть выѣхать изъ Коломны. Это народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ своихъ халатахъ, или вытячиваютъ изъ кости какія-нибудь бездѣлки, или починиваютъ пистолеты, или клеятъ изъ картона какія-нибудь полезныя для дома вещи, или играютъ съ пришедшимъ пріелемъ въ шашки или карты и такъ проводятъ утро; то же дѣлаютъ ввечеру, примѣшивая къ этому часто пуншъ. Послѣ этихъ тузовъ,

этого аристократства Коломны, слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя такъ же трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнаты, какъ поименовать все то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ угусѣ. Какого народа вы тамъ не встрѣтите! Старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя пьянствуютъ и молятся вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами, какъ муравьи таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калинкина моста до толкучаго рынка съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ, — словомъ, весь жалкій и несчастный осадокъ человѣчества.

«Естественное дѣло, что этотъ народъ терпитъ иногда большой недостатокъ, не дающій возможности вести ихъ обыкновенную, бѣдную жизнь; они должны часто дѣлать экстренные займы, чтобы выпутаться изъ своихъ обстоятельствъ. Тогда находятся между ними такіе люди, которые носятъ громкое названіе капиталистовъ и могутъ снабжать за разные проценты, всегда почти непомерные, суммою отъ двадцати до ста рублей. Эти люди мало-по-малу составляютъ состояніе, которое позволяетъ завести иногда собственнымъ домикомъ. Но на этихъ ростовщиковъ вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилію Петромихали. Былъ ли онъ грекъ, или армянинъ, или молдаванъ, — этого никто не зналъ, но, по крайней мѣрѣ, черты лица его были совершенно южныя. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ азіатскомъ платьѣ, былъ высокаго роста, лицо его было темно-оливковаго цвѣта, нависнувшія черныя съ просѣдью брови и такіе же усы придавали ему нѣсколько страшный видъ. Никакого выраженія нельзя было замѣтить на его лицѣ: оно всегда почти было неподвижно и представляло страннѣйшій контрастъ своею южною рѣзкою физиогноміею съ щепельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не былъ похожъ на упомянутыхъ ростовщиковъ этой уединенной части города. Онъ могъ выдать сумму, какую бы только отъ него ни потребовали; натурально, что за то и проценты были тоже необыкновенны. Ветхій домъ его со множествомъ пристроекъ находился на Козьмѣ-Болотѣ. Онъ былъ бы не такъ дряхль, если бы владѣлецъ его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не

дѣлать рѣшительно никакихъ издержекъ. Всѣ комнаты его, исключая небольшой лачужки, которую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ которыхъ кучами были набросаны фарфоровыя, золотыя, яшмовыя вазы, всякій хламъ, даже мебели, которыя приносили ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, потому что Петромихали не пренебрегали ничѣмъ, и, несмотря на то, что давалъ по сотнѣ тысячъ, онъ также готовъ былъ служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги — все готовъ онъ былъ принять въ свои кладовыя, и нищій смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукѣ. Дорогіе жемчуги, оббивавшіе, можетъ-быть, прелестнѣйшую шею въ мірѣ, заключались въ его грязномъ желѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ старинною табакеркою пятидесятилѣтней дамы, вмѣстѣ съ діадемою, возвышавшеюся надъ алебастровымъ лбомъ красавицы, и брилліантовымъ перстнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неутомимыхъ своихъ трудовъ. Но нужно замѣтить, что одна только слишкомъ крайняя нужда заставляла обращаться къ нему. Его условія были такъ тягостны, что отбивали всякое желаніе. Но страннѣе всего, что съ перваго разу проценты его казались не очень велики. Онъ посредствомъ своихъ странныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ такимъ непонятнымъ образомъ, что они росли у него страшной прогрессіей, и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимаго правила, тѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ строгой математической истины; они видѣли явно преувеличеніе итога, но видѣли тоже, что въ этихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалость, какъ и всѣ другія страсти чувствующаго человѣка, никогда не достигала къ нему, и никакія молебны не могли преклонить его къ отсрочкѣ или уменьшенію платежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его околѣвшихъ отъ холода несчастныхъ старухъ, которыхъ посинѣвшія лица, замерзнувшіе члены и мертвыя вытянутыя руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодованіе, и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки этого страннаго человѣка, но квартальные надзиратели всегда умѣли, подъ какими-нибудь предлогами, отклонить и представить дѣло въ другомъ видѣ. Несмотря на то, что они гроша не по-

лучали отъ него. Но богатство имѣть такую странную силу, что ему вѣрять, какъ государственной ассигнаціи. Оно, не показываясь, можетъ невидимо двигать всѣми, какъ раболѣпными слугами. Это странное существо сидѣло, поджавши подъ себя ноги, на почернѣвшемъ диванѣ, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью въ знакъ поклона; и ничего не можно было отъ него услышать лишняго или посторонняго. Носились, однакожъ, слухи, что будто бы онъ иногда давалъ деньги даромъ, не требуя возврата, но только такое предлагалъ условіе, что всѣ бѣжали отъ него съ ужасомъ, и даже самыя болтливыя хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другиму. Тѣ же, которые имѣли духъ принять даваемые имъ деньги, желѣли, чахли и умирали, не смѣя открыть тайны.

«Въ этой части города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ тогдашнее время своими дѣйствительно прекрасными произведеніями. Этотъ художникъ былъ отецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколько работъ его, выдающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмятежная. Это былъ тотъ скромный, набожный живописецъ, какіе только жили во время религіозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую извѣстность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множествомъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религіозными и за небольшую цѣну взялся расписать весь иконостасъ приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному ростовнику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность уплатить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько портретовъ—и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко было оторваться отъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться, хотя на время, съ любимой мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ, на что бы онъ всегда рѣшился, если бы не имѣлъ страстно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однакоже, одинъ разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ идти къ греку, какъ вдругъ внезапно распространилась

вѣсть, что ужасный ростовщикъ находился при смерти. Это происшествіе его поразило, и онъ уже готовъ былъ признать его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ запыхавшуюся старуху, исправившую при ростовщикѣ три разныя должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своемъ странномъ господинѣ, глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ, отрывистыхъ словъ, изъ которыхъ отецъ мой могъ только узнать, что господинъ ея имѣетъ въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собой краски и кисти. Отецъ мой не могъ придумать, на что бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и притомъ еще съ красками и кистями, но, побуждаемый любопытствомъ, схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за старухою.

«Онъ насилу могъ продратъ ся сквозь толпу нищихъ, обступившихъ жилище умиравшаго ростовщика и питавшихъ себя надеждою, что авось-либо, наконецъ, передъ смертію, раскается этотъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и увидѣлъ протянувшееся почти во всю длину ея тѣло азіатца, которое онъ принялъ было за умершее,—такъ оно вытянулось и было неподвижно. Наконецъ, высохшая голова его приподнялась, и глаза его такъ страшно устремились, что отецъ мой задрожалъ. Петромыхали сдѣлалъ глухое восклицаніе и наконецъ произнесъ: «Нарисуй съ меня портретъ!» Отецъ мой изумился такому странному желанію; онъ началъ представлять ему, что теперь уже не время объ этомъ думать, что онъ долженъ отвергнуть всякое земное желаніе, что уже не много минутъ осталось жить ему и потому пора помыслить о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принести покаяніе Всевышнему. «Я не хочу ничего: нарисуй съ меня портретъ!» произнесъ твердымъ голосомъ Петромыхали, при чемъ лицо его покрылось такими конвульсіями, что отецъ мой вѣрно бы ушелъ, если бы чувство, весьма извинительное въ художникѣ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для кисти, не остановило его. Лицо ростовщика именно было одно изъ тѣхъ, которыя составляютъ кладъ для артиста. Со страхомъ и вмѣстѣ съ какимъ-то тайнымъ желаніемъ поставилъ онъ холстъ, за не-

имѣніемъ станка, къ себѣ на колѣни и началъ рисовать. Мысль употребить послѣ это лицо въ своей картинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, которыхъ изгоняетъ могущественное слово Спасителя, — эта мысль заставила его усилить свое рвеніе. Съ поспѣшностію набросалъ онъ абрисъ и первыя тѣни, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдругъ прервется, потому что смерть уже, казалось, носилась на устахъ его. Изрѣдка только онъ издавалъ хрипѣніе и съ безпокойствомъ устремлялъ страшный взглядъ свой на картину; наконецъ, что-то подобное радости мелькнуло въ его глазахъ, при видѣ, какъ черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательно отдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, потому что чувство, въ нихъ изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ около нихъ и, наконецъ, совершенно схватилъ тотъ огонь, который уже потухалъ въ его оригиналѣ. Съ тайнымъ удовольствіемъ онъ отошелъ немного подальше отъ картины, чтобы лучше рассмотреть ее, и съ ужасомъ отскочилъ отъ нея, увидѣвъ живые, глядящіе на него глаза. Непостижимый страхъ овладѣлъ имъ въ такой степени, что онъ, швырнувъ палитру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, почти полумертвое тѣло ростовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отецъ мой клялся и крестился, что не станетъ продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, такъ что его кости застучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца, и онъ, ползая, цѣловалъ полы его платья и умолялъ дорисовать портретъ. Но отецъ былъ немолчимъ и дивился только силѣ его воли, перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ, отчаянный Петромихали выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ-подъ кровати сундукъ, и страшная куча золота грянула къ ногамъ моего отца. Видя и тутъ его непреклонность, онъ повалился ему въ ноги и цѣлмый потокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дотолѣ устъ. Невозможно было не чувствовать какого-то ужаснаго, и даже, если можно сказать, отвратительнаго состраданія. «Добрый человѣкъ! Божій человѣкъ! Христовъ человѣкъ!» говорилъ съ выраженіемъ отчаянія

этотъ живой скелетъ: «заклинаю тебя маленькими дѣтьми твоими, прекрасною женою, гробомъ отца твоего, кончи портретъ съ меня! еще одинъ часъ, только одинъ часъ посиди за нимъ! Слушай, я тебѣ объявлю одну тайну...» При этомъ смертная блѣдность начала сильнѣе проступать на лицѣ его. «Но тайны этой никому не объявляй — ни женѣ, ни дѣтямъ твоимъ, а не то — и ты умрешь, и они умрутъ, и всѣ вы будете несчастны. Слушай, если ты и теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. Послѣ смерти я долженъ идти къ тому, къ которому бы я не хотѣлъ идти; тамъ я долженъ вытерпѣть муки, о какихъ тебѣ и во снѣ не слышалось; но я могу долго еще не идти къ нему, до тѣхъ поръ, покуда стоитъ земля наша, если ты только закончишь портретъ мой. Я узналъ, что половина жизни моей перейдетъ въ мой портретъ, если только онъ будетъ сдѣланъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишь, что уже въ глазахъ осталась часть жизни; она будетъ и во всѣхъ чертахъ, когда ты закончишь. И хотя тѣло мое стибнетъ, но половина жизни моей останется на землѣ, и я убѣгу надолго еще отъ мукъ. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!..» кричало раздражающимъ и умирающимъ голосомъ это странное существо. Ужасъ еще болѣе овладѣлъ моимъ отцомъ. Онъ слышалъ, какъ поднялись его волосы отъ этой ужасной тайны, и выронилъ кисть, которую было уже поднимать, тронутый его мольбами. — «А, такъ ты не хочешь дорисовать меня?» произнесъ хрипящимъ голосомъ Петромихалъ. «Такъ возьми же себѣ портретъ мой: я тебѣ его дарю». При сихъ словахъ что-то въ родѣ страшнаго смѣха выразилось на устахъ его; жизнь, казалось, еще разъ блеснула въ его чертахъ, и чрезъ минуту предъ нимъ остался синій трупъ. Отецъ не хотѣлъ притронуться къ кистямъ и краскамъ, рисовавшимъ эти богоотступныя черты, и выбѣжалъ изъ комнаты.

«Чтобы развлечь непріятныя мысли, нанесенныя этимъ происшествіемъ, онъ долго ходить по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ, попавшійся ему въ мастерской его, былъ писанный имъ портретъ ростовника. Онъ обратился къ женѣ, къ женщинѣ, прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшительный отвѣтъ, что никто не приносилъ портрета и даже не приходилъ во время его отсутствія. Это заставило его минуту задуматься.

Онъ приблизился къ портрету и невольно отвратилъ глаза свои, проникнутый отвращеніемъ къ собственной работѣ. Онъ приказалъ его снять и вынести на чердакъ, но при всемъ томъ чувствовалъ какую-то странную тягость, присутствіе такихъ мыслей, которыхъ самъ пугался. Но болѣе всего поразило его, когда уже онъ легъ въ постель, слѣдующее, почти невѣроятное, происшествіе: онъ видѣлъ ясно, какъ вошелъ въ его комнату Петромихали и остановился передъ его кроватью. Долго глядѣлъ онъ на него своими живыми глазами, наконецъ, началъ предлагать ему такіа ужасныя предложенія, такое адское направленіе хотѣлъ дать его искусству, что отецъ мой съ болѣзненнымъ стономъ схватился съ кровати, проникнутый холоднымъ потомъ, нестерпимою тяжестью на душѣ и вмѣстѣ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видѣлъ, какъ чудное изображеніе умершаго Петромихали ушло въ раму портрета, который висѣлъ снова передъ нимъ на стѣнѣ. Онъ рѣшился въ тотъ же день сжечь это проклятое произведеніе рукъ своихъ. Какъ только затопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорѣвшійся огонь и съ тайнымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ лопались рамы, на которыхъ натянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще невысохшія краски; наконецъ, куча золы одна только осталась отъ его существованія. И когда начала она улетать легкою пылью въ трубу, казалось, какъ будто неясный образъ Петромихали улетѣлъ вмѣстѣ съ нею. Онъ почувствовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувствомъ выздоровѣвшаго отъ продолжительной болѣзни оборотился онъ къ углу комнаты, гдѣ висѣлъ писанный имъ образъ, чтобы принести чистое покаяніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоялъ тотъ же портретъ Петромихали, котораго глаза, казалось, еще болѣе получили жизни, такъ что даже дѣти испустили крикъ, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Онъ рѣшился открыться во всемъ священнику нашего прихода и просить у него совѣта, какъ поступить въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительный человѣкъ и, кромѣ того, преданный съ теплою любовью своей должности. Онъ немедленно явился по первому призыву къ моему отцу, котораго уважалъ, какъ достойнѣйшаго прихожанина. Отецъ не считалъ даже нужнымъ отводить его въ сторону и рѣшился тутъ же, при матери моей и дѣтяхъ, разсказать

ему это непостижимое происшествіе. Но едва только произнесъ онъ первое слово, какъ мать моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Лицо ея покрылось страшною блѣдностью, уста остались неподвижны, открыты, и всѣ черты ея исковеркались судорогами. Отецъ и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, что она нечаянно проглотила десятокъ иголокъ, которыя держала во рту. Пришедшій докторъ объявилъ, что это было неизлѣчимо: иголки остановились у нея въ горлѣ, другія прошли въ желудокъ и во внутренности, и мать моя скончалась ужасною смертію.

«Это происшествіе произвело сильное вліяніе на всю жизнь моего отца. Съ этого времени какая-то мрачность овладѣла его душою. Рѣдко онъ чѣмъ-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщества. Но между тѣмъ ужасный образъ Петромихали, съ его живыми глазами, сталъ преслѣдовать его неотлучнѣе, и часто отецъ мой чувствовалъ приливъ такихъ отчаянныхъ, свирѣпыхъ мыслей, отъ которыхъ невольно содрогался самъ. Все то, что улегается, какъ черный осадокъ во глубинѣ человѣка, истребляется и выгоняется воспитаніемъ, благородными подвигами и лицедрвіемъ прекраснаго, — все это онъ чувствовалъ въ себѣ возмущавшимся и безпрестанно силившимся выйти наружу и развиваться во всемъ своемъ порочномъ совершенствѣ. Мрачное состояніе души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человѣка. Но я долженъ замѣтить, что сила характера отца моего была безпримѣрна: власть, которую онъ бралъ надъ собою и надъ страстями, была непостижима; его убѣжденія были тверже гранита, и чѣмъ сильнѣе было искушеніе, тѣмъ онъ болѣе рвался противопоставить ему несокрушимую силу души своей. Наконецъ, обезсилѣвъ отъ этой борьбы, онъ рѣшился излить и обнажить всего себя, въ изображеніи всей повѣсти своихъ страданій, тому же священнику, который всегда почти доставлялъ ему исцѣленіе размышляющими своими рѣчами. Это было въ началѣ осени; день былъ прекрасный; солнце сіяло какимъ-то свѣжимъ осеннимъ свѣтомъ; окна нашихъ комнатъ были отворены; отецъ мой сидѣлъ съ достойнымъ священникомъ въ мастерской; мы играли съ братомъ въ комнатѣ, которая была рядомъ съ нею. Обѣ эти комнаты

были во второмъ этажѣ, составлявшемъ антресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько рас-творена; я, какъ-то нечаянно, заглянулъ въ отверстіе, видѣлъ, что отецъ мой придвинулся ближе къ священнику и услышалъ даже, какъ онъ сказалъ ему: «Наконецъ, я открою всю эту тайну...» Вдругъ мгновенный крикъ заставилъ меня оборотиться: брата моего не было. Я подошелъ къ окну и—Боже! я никогда не могу забыть этого происшествія: на мостовой лежалъ облитый кровью трупъ моего брата. Играя, онъ, вѣрно, какъ-нибудь неосторожно пере-гнулся чрезъ окошко и упалъ, безъ сомнѣнія, головою внизъ, потому что она вся была разможена. Я никогда не поза-буду этого ужаснаго случая. Отецъ мой стоялъ неподвиженъ передъ окномъ; сложа накрестъ руки и поднявъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнутъ страхомъ, вспомнивъ объ ужасной смерти моей матери, и самъ требовалъ отъ отца моего, чтобы онъ хранилъ эту ужасную тайну.

«Послѣ этого отецъ мой отдалъ меня въ корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пусты-нею, гдѣ бѣдный Сѣверъ уже представлялъ только дикую природу, и торжественно принялъ санъ монашескій. Всѣ тяжкія обязанности этого званія онъ несъ съ такою покор-ностью и смиреніемъ, всю труженическую жизнь свою онъ велъ съ такимъ смиреніемъ, соединеннымъ съ энтузіазмомъ и пламенемъ вѣры, что, повидимому, ничто преступное не имѣло воли коснуться къ нему. Но страшный, имъ же на-чертанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ этомъ почти гробовомъ уединеніи. Игумень, узнавши о необыкновенномъ талантѣ отца моего въ живописи, пору-чилъ ему украсить церковь нѣкоторыми образами. Нужно было видѣть, съ какимъ высокимъ религіознымъ смире-ніемъ трудился онъ надъ своею работою: въ строгомъ постѣ и молитвѣ, въ глубокомъ размышленіи и уединеніи души пріуготовлялся онъ къ своему подвигу. Неотлучно прово-дилъ ночи надъ своими священными изображеніями, и от-того, можетъ-быть, рѣдко найдете вы произведеній, даже значительныхъ художниковъ, которые носили бы на себѣ печать такихъ истинно-христіанскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было такое небесное спокойствіе, въ его кающихся такое душевное сокрушеніе, какія я очень

рѣдко встрѣчалъ даже въ картинахъ извѣстныхъ художниковъ. Наконецъ, всѣ мысли и желанія его устремились къ тому, чтобы изобразить Божественную Матерь, кротко простирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ этимъ произведеніемъ трудился онъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ забвеніемъ себя и всего міра, что часть спокойствія, разлитого его кистью въ чертахъ Божественной Покровительницы всего міра, казалось, перешла въ собственную его душу. По крайней мѣрѣ, страшный образъ ростовщика пересталъ навѣщать его, и портретъ пропасть, неизвѣстно куда.

«Между тѣмъ воспитаніе мое въ корпусѣ окончилось. Я былъ выпущенъ офицеромъ, но, къ величайшему сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ видѣть моего отца. Насъ отправили тогда же въ дѣйствующую армію, которая, по поводу объявленной войны турками, находилась на границѣ. Не буду надѣлать вамъ разсказами о жизни, проведенной мною среди походовъ, биваковъ и жаркихъ схватокъ; довольно сказать, что труды, опасности и жаркій климатъ измѣнили меня совершенно, такъ что знавшіе меня прежде не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы и хриплый, крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую фязіогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завтрашнемъ, любилъ выпорожнить лишнюю бутылку съ товарищемъ, болтать вздоръ съ смазливенькими дѣвчонками, отпустить проста глупость,—словомъ, былъ военный безпечный человѣкъ. Однакожъ, какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣстить отца.

«Когда подѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ: я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь, посреди природы блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то поэтическое забвеніе и далъ странное, неопредѣленное направленіе моимъ мыслямъ, какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумятъ подъ нашими ногами, надъ головами ни листа, черныя вѣтви сквозятъ рѣдкою сѣтью, вороны каркаютъ въ далекой вышинѣ, и мы невольно ускоряемъ свой шагъ, какъ бы стараясь собрать разсѣивающіяся мысли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ пристроекъ окру-

жали каменное строеніе. Я вступилъ подѣ длинныя, мѣстами прогнившія, позеленѣвшія мохомъ галлерей, находившіяся вокругъ келій, и спросилъ монаха, отца Григорія. Это было имя, которое отецъ мой принялъ по вступленіи въ монашеское званіе. Мнѣ указали его келью.

«Никогда не позабуду произведеннаго имѣ на меня впечатлѣнія. Я увидѣлъ старца, на блѣдномъ, изнуренномъ лицѣ котораго не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земномъ. Глаза его, привыкшіе быть устремленными къ небу, получили тотъ безстрастный, проникнутый нездѣшнымъ огнемъ видъ, который въ минуту только вдохновенія осянуетъ художника. Онъ сидѣлъ передо мною неподвижно, какъ святой, глядящій съ полотна, на которое перенесла его рука художника, на молящійся народъ; онъ, казалось, вовсе не замѣтилъ меня, хотя глаза его были обращены къ той сторонѣ, откуда я вошелъ къ нему. Я не хотѣлъ еще открыться и потому попросилъ у него, просто, благословенія, какъ путешествующій молещикъ; но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: «Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!» Меня это изумило: я десяти лѣтъ еще разстался съ нимъ; притомъ меня не узнавали даже тѣ, которые меня видѣли не такъ давно. «Я зналъ, что ты ко мнѣ будешь», продолжалъ онъ. «Я просилъ объ этомъ Пречистую Дѣву и св. угодника и ожидалъ тебя съ-часу-на-часъ, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебѣ открыть важную тайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною и прежде помолимся!» Мы вошли въ церковь, и онъ подвелъ меня къ картинѣ, изображавшей Божию Матерь, благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божественности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ, повергшись передъ изображеніемъ, и, наконецъ, послѣ долгаго молчанія и размышленія, вышелъ вмѣстѣ со мною.

«Послѣ того отецъ мой рассказалъ мнѣ все то, что вы сейчасъ отъ меня слышали. Въ истину его я вѣрилъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни.

«Теперь я расскажу тебѣ, сынъ мой», прибавилъ онъ послѣ этой исторіи: «то, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ, кромѣ меня, котораго Милосердый Создатель сподобилъ та-

кой неизглаголанной Своей благодати». При этомъ отецъ мой сложилъ руки и устремилъ глаза къ небу, весь отданный ему всѣмъ своимъ бытіемъ. И я, наконецъ, услышалъ то, что сейчасъ готовлюсь разсказать вамъ. Вы не должны удивляться странности его рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души, и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію; и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походитъ на того тихаго размышляющаго отшельника, который, какъ къ желанной пристани, причалилъ къ своей пустынѣ, съ желаніемъ отдохнуть отъ жизни и съ христіанскимъ смиреніемъ молиться Тому, къ Которому онъ сталъ ближе и доступнѣе; напротивъ того, онъ становится чѣмъ-то исполинскимъ. Въ немъ не угаснуть пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видитъ на каждомъ шагѣ видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены; глаза его уже не видятъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма. Я съ перваго раза замѣтилъ въ немъ это состояніе и упоминаю о немъ потому, чтобы вамъ не казались слишкомъ удивительными тѣ рѣчи, которыя я отъ него услышалъ. «Сынъ мой!» сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго устремленія глазъ своихъ къ небу: «уже скоро, скоро приблизится то время, когда искушитель рода человѣческаго, антихристъ, родится въ мірѣ. Ужасно будетъ это время: оно будетъ передъ концомъ міра. Онъ прочитается на конѣ-гигантѣ, и великія потерпѣть муки тѣ, которые останутся вѣрными Христу. Слушай, сынъ мой: уже давно хочеть родиться антихристъ, но не можетъ, потому что долженъ родиться сверхъ-естественнымъ образомъ; а въ мірѣ нашемъ все устроено Всемогущимъ такъ, что совершается все въ естественномъ порядкѣ, и потому ему никакія силы, сынъ мой, не помогутъ прорваться въ міръ. Но земля наша — прахъ передъ Создателемъ. Она по его законамъ должна разрушаться, и съ каждымъ днемъ законы природы будутъ становиться

слабѣ, и отъ того границы, удерживающія сверхъестественное, приступиѣ. Онъ уже и теперь нарождается, но только нѣкоторая часть его порывается показаться въ міръ. Онъ избираетъ для себя жилищемъ самого человѣка и показывается въ тѣхъ людяхъ, отъ которыхъ уже, кажется, при самомъ рожденіи, отшатнулся ангелъ, и они заклеены страшною ненавистью къ людямъ и ко всему, что есть созданіе Творца. Таковъ-то былъ и тотъ дивный ростовщикъ, котораго дерзнулъ я, окаланный, изобразить преступною своею кистью. Это онъ, сынъ мой, это былъ самъ антихристъ. Если бы моя преступная рука не дерзнула его изобразить, онъ бы удалился и исчезнулъ, потому что не могъ жить долѣе того тѣла, въ которомъ заключилъ себя. Въ этихъ отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство. Дивись, сынъ мой, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помысловъ. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла, и нѣтъ силъ человѣческихъ противустать ему, потому что онъ именно выбираетъ то время, когда величайшія несчастія постигаютъ насъ. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству! Но слушай, что мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія Сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты Ея, я былъ посѣщенъ, сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку,—я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волосы мои и душа вся трепетала. О, сынъ мой! за эту минуту я бы тысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился тому, что изобразила кисть моя. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы, и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно, что если кто торжественно объявитъ его исторію по истеченіи пятидесяти лѣтъ въ первое новолуніе,

то сила его погаснетъ и разсѣется, яко прахъ, и что я могу тебѣ передать это передъ моею смертію. Уже тридцать лѣтъ протекло съ того времени, какъ онъ живетъ; двадцать впереди. Помолимся, сынъ мой!» При этомъ онъ повернулся на колѣни и весь превратился въ молитву. Признаюсь, я внутренно всѣ эти слова приписывалъ распаленному его воображенію, воздвигнутому безпрестаннымъ постомъ и молитвами, и потому изъ уваженія не хотѣлъ дѣлать какого-нибудь замѣчанія или соображенія. Но когда я увидѣлъ, какъ онъ поднялъ къ небу иссохшія свои руки, съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ, уничтоженный въ себѣ самомъ, съ какимъ невыразимымъ умиле-ніемъ молилъ о тѣхъ, которые не въ силахъ были противиться адскому обольстителю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію простерся онъ, и по лицу его лились говорящія слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе,—о, тогда я не въ силахъ былъ предаться холодному размышленію и разбирать слова его! Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю, отчего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня отъ того. Сегодня безъ всякой цѣли зашелъ я на аукціонъ и въ первый разъ рассказалъ исторію этого необыкновеннаго портрета, такъ что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуніе, о которомъ говорилъ отецъ мой, потому что, дѣйствительно, съ того времени прошло уже 20 лѣтъ».

Тутъ рассказывавшій остановился, и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и, къ удивленію своему, замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая такъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда черты страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой стали. Что-то мутное осталось на полотнѣ. И когда подошли къ нему ближе, то увидѣли какой-то незначашій пейзажъ, такъ что посѣтители, уже уходя, долго недоумѣвали, дѣйствительно ли они видѣли таинственный портретъ, или это была мечта и представилась мгновенно глазамъ, утрудненнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ *).

I. Какое ужасно-ничтожное время представляет для Россіи XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ и которыхъ, казалось, противъ воли соединяло родство,—эти мелкія государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью—сильныя страсти не досягали сюда — не постоянною политикою, слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни: это былъ хаосъ браней за временное, за минутное — браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало-по-малу извели народный характеръ, едва начинавшій принимать отличительную фizioгномію при сильныхъ норманскихъ князьяхъ. Религія, которая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія, вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, который одинъ властенъ соединить младенчествующіе народы и построить ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность Западу, гдѣ самодержавный папа, какъ-будто

*) Эскизъ этотъ составлялъ введеііе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно отдѣльная статья.

невидимою паутиною, опуталь всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, гдѣ угроза страшнаго проклятiя обуздывала страсти и полудикiе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ тѣхъ людей, которые кротостью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка пастыри, изъ пещеръ и монастырей, увѣщали удѣльныхъ князей; но ихъ увѣщанiя были напрасны: князья умѣли только поститься и строить церкви, думая, что исполняютъ этимъ всѣ обязанности христіанской религіи, а не умѣли считать ее закономъ и покоряться ея велѣніямъ. Самыя ничтожныя причины рождали между ними безконечныя войны. Это были не споры королей съ вассалами или вассаловъ съ вассалами:—нѣтъ! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала ихъ:—нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочокъ земли или, просто, чтобы показать удалство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двухъ сосѣднихъ удѣловъ, родственники между собою, готовы были каждую минуту востать другъ противъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наслѣдственная вражда, потому что кто былъ сегодня другъ, тотъ завтра дѣлался непріателемъ. Народъ приобрѣлъ хладнокровное звѣрство, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предразсудокъ. Отъ того, казалось, умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя страсти, и если бы явился какой-нибудь геній, который бы захотѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и потрясти безчувственный составъ его, выключая развѣ физической желѣзной силы. Тогда исторiя, казалось, застыла и превратилась въ географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почестъся географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей, выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный... совершившій столько завоеваній, сколько до него не

производилъ никто. Ужасные монголы, съ многочисленными, никогда дотолъ невиданными Европою, табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами — прямо азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нея, сберегши ее для независимости, потому что удѣльные князья не сохранили бы ее отъ литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за тѣ безпрерывныя брани, — какъ бы то ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія русскія княженія, но дало между тѣмъ происхожденіе новому славянскому поколѣнію въ южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня — вотъ что представляла эта несчастная страна! Напуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ разнородная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею, гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рывину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ выющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами — и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и столпился въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы этимъ подтвердилось правило, что только народъ, сильный жизнью

и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣлыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, страстный, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало-по-малу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, настоящей отчизнѣ славянъ, землѣ древнихъ полянъ, сѣверянъ, чистыхъ славянскихъ племенъ, которыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣлности, со всѣми языческими повѣрьями, дѣтскими предразсудками, пѣснями, сказками, славянской мифологіей, такъ простодушно у нихъ смѣшавшейся съ христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли или, лучше сказать, соединяли однѣ степи. Несмотря на пестроту населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переставали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности занять ими. Кіевъ, древняя мать городовъ русскихъ, сильно разрушенный страшными обладателями табуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже монахи-лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались и, несмотря на то, что тамъ оставалась еще отрасль князей русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ страшно разоренъ, что въ немъ были ханскіе баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задержнулся какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была повергнута татарамъ въ бездѣйствіе и оцѣпенѣніе, великій язычникъ, Гедиминъ, вывелъ на сцену тогдашней исторіи новый народъ, — народъ бѣдный и жизнью, и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса пынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нетроганныхъ топоромахъ, платившій прежде дань русскимъ князьямъ, из-

вѣстный подъ именемъ литовцевъ. И этотъ народъ при своемъ князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ сѣверо-востокѣ Европы! Тогда города, княжества и народы на западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оставшіеся за гранью татарскаго порабожденія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому литовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ языческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на югъ, во владѣнія волынскихъ князей. Весьма естественно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ, однакожъ, князь Левъ сильно сопротивлялся, но не въ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ своихъ старостъ и начальниковъ, шелъ далѣе на югъ, къ самому сердцу южной Россіи, къ Кіеву. Убѣжавшій луцкій князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить кіевского князя Станислава выйти съ своими немногочисленными дружинами навстрѣчу грозному побѣдителю; дружины были усилены союзниками-татарами; но все бѣжало передъ мощнымъ литовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ при рѣкѣ Ирпети, вступилъ съ торжествомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать татарскаго посященія, и постановилъ въ немъ правителемъ князя Миндова Олышанскаго, принявшаго греческую вѣру. Итакъ, литовскій завоеватель у самыхъ татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ человекъ ума крѣпкаго, былъ политикъ, несмотря на видимую свою дикость и свое невѣжественное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ татарами, владѣя отнятыми у нихъ землями и не платя никакой дани. Этотъ дикій политикъ, не знавшій письма и поклонявшійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія: все оставилъ попрежнему, подтвердилъ привилегіи и старшинамъ строго приказалъ уважать народные права, нигдѣ даже не означилъ пути своего опустошенія. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прочихъ историческихъ лицъ придаютъ ему какой-то исполинскій размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами и сожженъ по языческому обы-

чаю литовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильныя характера, Ольгерды и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику съ присоединенными народами.

VI. И вотъ южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинакимъ именемъ—Русью, одно подъ татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ними не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различныхъ характера. Какимъ образомъ это произошло,—составляетъ цѣль нашей исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависитъ образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ исторіи разрѣшаетъ географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украины, простирающаяся на сѣверъ не далѣе 50° широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемѣжается лѣсами, содержащими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся открыта, вся изъ степей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти степи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ табунами. Съ сѣвера на югъ проходитъ великій Днѣпръ, опутанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правый берегъ его гористъ и представляетъ плѣнительныя и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый—весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами; потоплявшимися водою. Двѣнадцать пороговъ—выросшихъ изъ дна рѣки скалы—недалеко отъ впаденія его въ море, преграждаютъ теченіе и дѣлаютъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ—*сунаки* съ бѣлыми лоснящимися рогами, съ мягкой, атласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпрѣ были выше, разливался онъ шире и далѣе потоплялъ луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримого океана

водѣ. Въ Днѣпрѣ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ сѣверной Украинѣ, съ лѣсистыми берегами, почти съ обѣихъ сторонъ потопляемыми водою; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того, на сѣверѣ Остеръ и часть Сейма, на югѣ Сула, Пселъ, съ цѣпью видовъ, Хороль и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ, произведенія не могли взаимно размѣниваться — и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляются посерединѣ, ни одна изъ нихъ не протекала на рубежѣ и не служила естественною гранью съ со- сѣдственными народами. Къ сѣверу ли съ Россіей, къ востоку ли съ кипчакскими татарами, къ югу ли съ крымскими, къ западу ли съ Польшей, — вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы политическое бытіе свое, составилъ бы отдѣльное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, — мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій набѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца; луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, — народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлѣлана войною. И вотъ выходцы вольные и невольные, бездомные, тѣ, которымъ нечего было терять, которымъ жизнь — копѣйка, которыхъ буйная воля не могла терпѣть законовъ и власти, которымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду азіатскихъ завоевателей — татаръ и турковъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственные, извѣстный подъ именемъ козаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской исторіи, которое, можетъ-быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе козачества, къ тѣмъ вѣкамъ, когда святая, сильная ревность къ религіи еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовывались братства и ордена рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разьединеніемъ, съ изумительнымъ самоотверженіемъ разрушившіе и отвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дѣлъ міра, желѣзные поборники вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь тогдашнихъ государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила этихъ обществъ. Разлитіе магометанства и магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ братствъ распространился вездѣ и не между рыцарями, и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ, или острогъ — Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже постросніе многіе приписываютъ имъ, и гдѣ было главное сборище и мѣстопробываніе козаковъ. Вначалѣ частыя нападенія татаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приставать къ козакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный росіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглець исламизма — татаринъ, можетъ-быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, впослѣдствіи постановившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, часто подъ водою, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ татаръ ихъ же образъ войны — тѣ же азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно, съ своей стороны, они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и турки должны были всякій часъ ожидать этихъ неумолимыхъ обитателей пороговъ. Магометанскій

сосѣдъ не зналъ, какъ назвать этотъ ненавистный народъ. Если кто хотѣлъ къ кому выразить величайшее презрѣніе, то называлъ его козакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла, однакожъ, изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей южной Россіи. Доказательство—въ языкѣ, который, несмотря на принятіе множества татарскихъ и польскихъ словъ, имѣлъ всегда чисто-славянскую южную физиогномію, приближавшую его къ тогдашнему русскому, и въ вѣрѣ, которая всегда была греческая. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непременно принять греческую религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ, но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль—воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это, однакожъ, не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиришествахъ и бражничествахъ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее—вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность внушали имъ какос-то презрѣніе къ жизни. Козакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросавшагося съ быстротою тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или выльзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и гризью, казавшагося страшилищемъ бѣгущему татарину. Этотъ же самый козакъ, послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленные сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ татары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и

не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ будто чудомъ, строился вновь, и опустошительный, ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ. Послѣ чего снова та же безопасность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, потонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь примаанивала всякаго. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею, когда каждый въ свою очередь стремился быть дѣйствующимъ лицомъ, а не зрителемъ. Это скопленіе мало-по-малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и, чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходящими вновь. Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться его защитой, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-по-малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жепиться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую фізіогномію, болѣе азіатскую. И вотъ составилъ народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но, между тѣмъ, по образу жизни, обычаямъ, костюму, совершенно азіатскій, — народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: свропейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію — и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе.

1832.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ.

При имени Пушкина тотчасъ осянѣетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ.—Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которые еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его приобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только-что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку чеченца съ коза-

комъ—слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влѣбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напнтанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ-быть, отъ того и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и отъ того произведенія его, напнтанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ; ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду *).

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и

*) Подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество самыхъ несчастныхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это вначалѣ смѣшить, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Такимъ образомъ, начали, наконецъ, Пушкину приписывать: «Лѣкарство отъ холеры», «Первую почъ» и тому подобныя.

въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполне національнымъ поэтомъ, — эти поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей быть русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было». Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того, характеръ народа болѣею частію былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ; но

и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать болышій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа—на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно-рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ прощай толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвести всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судья, и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели пашъ судья въ истергомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустил по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. — Но тотъ и другой, они оба — явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ нерасчетъ поэта—нерасчетъ передъ его многочисленною публикою, а не предъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда

въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружныя сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое». Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что, не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ тѣсно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣляли ли, поняли ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и они остались донынѣ нетронуты.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ, этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко-ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій, но за то большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности — привыкшему глотать издѣлія крѣпостного повара. Это собраніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпи-

Тельныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высота мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлить ее, она становится слабою и безсильною. Здѣсь нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово обязательно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мелкія сочиненія перечитываешь нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣютъ сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчивается одна главная идея.

Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывающихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика. Непостижимое дѣло! Казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и, вмѣстѣ, такъ дѣтски чисты. Какъ бы не понимать ихъ! Но, увы, это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей.

ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Мнѣ всегда становится грустно, когда я гляжу на новыя зданія, непрерывно строящіяся, на которыя брошены милліоны и изъ которыхъ рѣдкія останавливаютъ изумленный глазъ величествомъ рисунка или своевольной дерзостью воображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестротой украшеній. Невольно втѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратно вѣкъ архитектуры? неужели величіе и геніальность больше не посѣтятъ насъ? или они—принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отчего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра,—отчего же они такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темпаго, не освѣщеннаго дробью познаній, ума? Отчего же колоссальные памятники индусовъ такъ величавы и неизмѣримы, отчего арабійскіе такъ роскошны и очаровательны? отчего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка такъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Не хотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говорить, что она истинна. Они прошли—тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣнно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо

въ вышины; прозрачный, почти кружевной шипецъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла.

Была архитектура необыкновенная, христіанская, національная для Европы—и мы ее оставили, забыли, какъ будто чужую; пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, римскимъ и византийскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ,—Европа не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми было ничто все ею видѣнное, что въ нѣдрахъ ея находятся миланскій и кельнскій соборы, и еще донинѣ чернѣютъ кирпичи недоконченной башни страсбургскаго мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась передъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе человѣка. Ее напрасно производить отъ арабской: идеи этихъ двухъ родовъ совершенно расходятся; изъ арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость, но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму.—Она обширна и возвышенна, какъ христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: этотъ стройно и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ, пестрыхъ украшеній; эта легкая паутина рѣзбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его отъ подножія до конца шпика и улетающая вмѣстѣ съ нимъ на небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такія достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявши глаза кверху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ, — весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣтъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлость одного исчезли,—вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе. Силы его, раздробившись, сдѣлались малыми: онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго, исполинскаго уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкусъ европейцевъ и колоссальную ихъ архитектуру. Византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса; они уже не имѣли и первоначальнаго византійскаго и принесли только испорченные остатки его. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы куполовъ и колоннъ тѣнили примѣнить къ христіанству, и примѣнили такъ же неудачно, какъ неудачно привили христіанство къ своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свѣжести. Куполь вытянулся вверхъ и сдѣлался почти угловатымъ; стройныя линіи, фронтоны какъ-то странно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру европейцы, которые, съ своей стороны, измѣнили ее еще болѣе, потому что въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ готическій и мысль, совершенно противоположную разслабленной многосторонности грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колоннами, полуколоннами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество мѣологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, обѣшивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло; вмѣсто того онѣ разѣхались въ ширину.

Но церкви, строенныя въ XVII и началѣ XVIII вѣка, еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ, кажется, чувствуешь то же, какъ если бы человѣкъ грубый началъ поддѣлываться подъ свѣтскую утонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полуготической формѣ всей массы, они ничего не имѣютъ въ себѣ готическаго: окна мелкія, сбитыя въ кучу, или раскиданныя безъ всякой

гармоніи, пилястры, не тянувшіеся во всю длину зданія, но приклеенные иногда вверху, подъ куполомъ, иногда на серединѣ, коротенькіе, неуклюжіе, сверхъ которыхъ часто находится другой этажъ такихъ же колоннъ, маленькихъ, некрасивыхъ; крыша изъ ломаныхъ линій; при этомъ часто удерживался и готическій шпигъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не леглъ къ небу. Все, что только отъбывалось высокими, устремленными вверхъ готическими деталями, было оставлено, какъ безвкусное.

Хотя въ продолженіе XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна. Тогда еще съ большимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, но изучали такъ, какъ робкіе ученики, копирующіе съ точностью мелочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали части и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дотолъ небывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполь, больше всего прельстившіе насъ, начали приставлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: они уже не были главною идеею строенія, а только частями, или, лучше, украшеніями его. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ строенію уменьшили. Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, которое избрали моделью, не взглянули на него, отошедши на известное разстояніе, но смотрѣли вблизи. Куполь сдѣлался ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынную и одиночество наверху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ, возвысили для этого надъ ними башни — и куполы стали походить на грибы. И куполь, это лучшее, прелестнѣйшее твореніе вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнять все строеніе и роскошно отдыхать на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверхностью, исчезъ совершенно. Я люблю куполь, тотъ прекрасный, огромный, легко-выпуклый куполь, который возродилъ роскошный вкусъ грековъ въ александрійскій вѣкъ и позже,

въ вѣкъ наслажденій и эгоизма, вѣкъ утонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ антологіи, легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя, а не для общества, когда на великолѣпныхъ, роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ виденъ этотъ смѣло-выпуклый, какъ небесный сводъ, куполь. Ничто не можетъ такъ сладострастно, такъ плѣнительно украсить массу домовъ, какъ такой куполь. Но для этого онъ долженъ быть помѣщенъ только на томъ зданіи, которое неизмѣримо своею шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространства; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ быть свѣтлѣе самого зданія, и лучше, если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой формѣ, — онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглится на небѣ. И донинѣ города сирійскіе и антиохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и донинѣ на Востокѣ можно встрѣтить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колоннами, это ясное произведеніе аттическаго стройнаго вкуса, который не терпѣлъ надъ собою никакихъ надстроекъ, у насъ тоже пропалъ: ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышиину его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли, что зданія, которыя требовались огромныя, казались пусты, потому что фронтоны съ колоннами лѣпились только надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквахъ, дворцахъ башни и массы, вовсе ему не отвѣчавшія, подавили и уничтожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ, не имѣющій обширнаго гения, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и, вмѣсто того, чтобы развить его и сдѣлать огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; его поэма обременяется пестротою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ аттической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бываетъ, обратилась въ моду и отразилась вдругъ на всемъ, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ

небрежное, легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ, еще глубже изучили ихъ духъ; но все, что ни строили по ихъ образцу, все носило отпечатокъ мелкости и миниатюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, способный вызвать изумленіе. Это новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочныя бесѣдки, навильоны въ садахъ и подобныя небольшія игрушки. Они носили въ себѣ много аттическаго, но ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное ими руководствоваться; они сдѣлались, наконецъ, просты до плоскости. Самое вредное направленіе архитектурѣ внушила мысль о соразмѣрности, не о той соразмѣрности, которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но просто о соразмѣрности въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, если бы геній сталъ удерживаться отъ оригинальнаго и необыкновеннаго, потому только, что передъ нимъ будутъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемѣ, но непременно чтобы казалось малымъ. Его стали уединять и помѣщать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ. Какъ будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсѣмъ не велико; какъ будто бы насильно старались истребить въ душѣ благоговѣніе и сдѣлать челоуѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались дѣлать какъ можно болѣе похожими одинъ на другого; но они болѣе были похожими на сараи и казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ничуть не принимала живости отъ маленькихъ правильныхъ оконъ, которыя въ отношеніи ко всему строенію были похожи на зажмуренныя глаза. И этою архитектурою мы еще недавно тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса, и настроили цѣлые города въ ея духѣ! Осмѣлился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитек-

туры, осмѣлился бы кто-нибудь возлѣ строенія въ аттическомъ вкусѣ непосредственно воздвигнуть готическое, — его бы сочли едва ли не сумасшедшимъ! Отъ того новые города не имѣютъ никакого вида: они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься отъ желанія заглянуть въ другую. Это рядъ стѣнъ, и больше ничего. Напрасно ищетъ взглядъ, чтобы одна изъ этихъ непрерывныхъ стѣнъ, въ какомъ-нибудь мѣстѣ, вдругъ возросла и выбросилась на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ или изверглась какою-нибудь башней-гигантомъ. Старинный германскій городокъ съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ, несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими, тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣетъ болѣе характера, болѣе дышитъ поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры.

Башни огромныя, колоссальныя необходимы въ городѣ, не говоря уже о важности ихъ назначенія для христіанскихъ церквей. Кромѣ того, что онѣ составляютъ видъ и украшеніе, онѣ нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣтъ, чтобы служить маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допуская сбиться съ пути. Онѣ еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высотой, дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ, между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть, по крайней мѣрѣ, на полтора-два версты во всѣ стороны, и для этого, можетъ-быть, одинъ только или два этажа лишніе — и все измѣняется. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія распространяется необыкновенною прогрессіей. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе, сдѣлавшись пемного выше обыкновеннаго, уже приобретаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе настроенъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры старалось, какъ будто нарочно, скрывать свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, не таковъ законъ великаго: строеніе должно неизмѣримо возвы-

паться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ сталъ, пораженный внезапнымъ удивленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть глазами его вершину. И потому строеніе всегда лучше, если стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ итти улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣть поражающее величіе вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремѣли у самаго его подножія! Чтобы люди лѣзились подъ нимъ и своею малостью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое разстояніе — и онъ уже будетъ глядѣть выше, гордо, на находящіеся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы такъ непостижимо устроены, наши нервы такъ странно связаны, что только внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производитъ на насъ потрясеніе. И потому вышину строенія подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно стоитъ. Если оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ и зритель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для этого близко подходить къ нему, то зданіе пропало, а вмѣстѣ съ нимъ пропали труды и издержки, употребленные на сооруженіе его.

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться уже черезчуръ плоскими, особливо если множество такого рода строеній соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строеній должна непременно имѣть возлѣ себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною, и потому простирали надъ ними навѣсъ древесный. Близина прямолинейной стѣны или стройнаго съ колоннами фронтона, выказываясь изъ-за темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево—драгоценность: тогда они чаще начали употреблять не гладкія дорическія колонны, но большею частію коринтскія съ капителю изъ завитыхъ листьевъ. Вообще убирать

строения листьями, вьющимися гроздьями винограда, или украшениями, носящими неясный образъ вѣтвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали тайному внушенію своего вкуса. Въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіеся нескончаемыми линиями украшенія и сѣти сквозной рѣзбы не что другое, какъ темное воспоминаніе о стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ. И потому смѣло возлѣ готическаго строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будетъ стоять между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И готическое, и греческое получить отъ этого двойную прелесть. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагается грубымъ вкусомъ или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ вкуса, но, находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонизируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ, и такъ далѣе.—Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Не мѣшайте только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждый носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными, въ отношеніи ихъ другъ къ другу, будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, останавливаться съ наслажденіемъ на каждомъ шагѣ. Неужели было бы хорошо, если бы въ англійскомъ саду, вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ ту же самую дорожку или, по крайней мѣрѣ, такъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣстною?

Терпимость намъ нужна; безъ нея ничего не будетъ для искусства. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура—гладкая, массивная египетская, огромная ли, цѣстрая индусовъ, роскошная ли

мавровъ, вдохновенная ли и мрачная готическая, граціозная ли греческая — всѣ онѣ хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ онѣ будутъ величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы, однакожъ, потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она чисто-европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія не ломайте, не коверкайте ея! Смотрите чаще на знаменитый кѣльнскій соборъ — тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣка. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину; и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пилястры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе, если онѣ отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило по крайней мѣрѣ вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные угольные столбы! Никакого перерѣза, или перелома, или карниза, даващаго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ строенія! Чтобы они были равны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! Воздушнѣе, легче пилицы! Чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось вверхъ, тѣмъ болѣе бы летѣло и свозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея — высота.

Я увѣренъ, что нѣкоторые будутъ утверждать, что постройка зданія, слишкомъ высокаго, бесполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служитъ и даромъ истрачиваетъ матеріалы. Но я вовсе не совѣтую этотъ готическій образъ строеній употреблять на

театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраній веселящагося, или торгующаго, или работающаго народа. Со мною согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? — Величественнаго, колоссальнаго, при взглядѣ на которое мысли устремляются къ одному и отрываютъ модельщика отъ низкой его хижины. Весьма не мѣшаетъ вспомнить великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безтѣлесности, какъ получившіе высшее образованіе; что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Великолѣпіе повергаетъ простолюдина въ какое-то онемѣніе, и оно-то единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже прочь всякое скряжничество и расчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ расчетъ будетъ не расчетъ, и выгода, возникавшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодною цѣлаго человѣчества.

Вальтеръ-Скоттъ первый отряхнулъ пылъ съ готической архитектуры и показалъ свѣту все ея достоинство. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы, истиннаго величія, дышащаго въ великихъ зданіяхъ старины, въ нихъ нѣтъ. Онѣ, несмотря на стрѣльчатые окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго вкуса и уклонились отъ образцовъ. Во-первыхъ, онѣ сами по себѣ вовсе не огромны (великій недостатокъ готическаго строенія); во-вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехгранныхъ тонкихъ столбовъ и линій, союзна стремящихся чрезъ все строеніе, позабытъ или отвергнутъ вовсе, оставшаяся чрезъ это гладкость нечувствительно даетъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могуществейнымъ словомъ Вальтеръ-Скотта вкусъ къ готическому распространился быстро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мед-

кимъ: сельскіе домики, шкафы, ширмы, столы, стулья—все обратилось въ готическое. И эти величественныя, прекрасныя украшенія употреблены были на игрушки. Въкъ нашъ такъ мелокъ, желанія такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что мы никакъ не можемъ усредоточить на одномъ какомъ-нибудь предметѣ нашихъ помысловъ и оттого поневолѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мелочи и на презестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серьги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру, которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ: въ ней столько безсмыслия, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, что недостаетъ силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектуру.

Есть рудникъ, о которомъ едва только знаютъ, что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, отдѣльный, изъ котораго менѣе всего черпала Европа. Это — архитектура восточная, — архитектура, которая создана однимъ только воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ, чудеснымъ, облекшимся въ гиперболу и аллегорію, пролетѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь азіатцевъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ европейцевъ: никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, такъ же скучны отсутствіемъ всякой мысли, какъ самый азіатецъ во время своего покоя. Но за то вездѣ, куда ни проникала только азіатская роскошь, огромная, великолѣпная, — та роскошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ; вездѣ, куда ни проникала эта увѣшанная ожерельями дочь восточнаго воображенія, — тамъ стоятъ донинѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно. Строеніе ихъ захватывало цѣлые вѣка; цѣлый народъ, цѣлая нація надъ нимъ трудилась, и предки вѣрили, какъ

въ неотразимое предопредѣленіе, что зданіе будетъ окончено ихъ потомками. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностію, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія этихъ страшныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развився внезапно на этомъ гигантскомъ зданіи, какъ былъ онъ проникнутъ и восторженъ мыслью о божествѣ, что невольно показало разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣкового образованія.

Взгляните на этотъ массивный, величественный Триченгурскій храмъ у индусовъ, едва ли не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Это пирамидальное склоненіе массы кверху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна индійскихъ портиковъ, обтѣпливающихъ ихъ стѣны, пилястры, громоздящіяся надъ пилястрами, колонны надъ колоннами, какъ будто ступающія одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины этой массы — все это явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ слишкомъ уже тяжелъ и дышитъ язычествомъ, взгляните на стройный, прекрасный Кутубъ-Минаръ, которымъ по справедливости славятся Дельги. Я не знаю въ мірѣ башни, которая бы, при простотѣ почти аттической, столько дышала глубиною красоты, гдѣ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если этотъ родъ не можетъ быть совершенно усвоенъ нами, то европейцы вообще могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное или конусообразное устремленіе кверху — рѣзкое отличіе индійскаго стиля.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противоположный родъ: здѣсь царство азіатской роскоши. Строеніе раздается пространнѣе въ ширину. Огромный восточный куполь, или совершенно круглый, или выгибающійся, какъ сладострастная ваза, опрокинутая внизъ, или въ видѣ шара, или обремененный, обтѣпленный рѣзбою и украшеніями, какъ богатая митра, патріархально властвуетъ надъ всѣмъ зданіемъ: внизу, у самаго подножія

строенія, небольшіе куполы цѣлою оградой обходятъ его пространныя стѣны, какъ покорные рабы; со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ своею легкою, веселою торжурюю съ важнымъ, величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магометанинъ, въ широкомъ, убранномъ золотомъ и камнями платьѣ, возлжеть среди гурій, стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною.

Нигдѣ зодчество не принимало столькихъ разнообразныхъ формъ, какъ на Востоку. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, всегда мимо прежнихъ условій или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ только въ самомъ отдаленномъ началѣ религіозномъ или національномъ. Вся Индія усыяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое рѣзкое отличіе, свой особый отпечатокъ, до такой степени, что ихъ совершенно нельзя подвести подъ одну категорію. Множество разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе не похожихъ одинъ на другого, украшеній и убранствъ, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ—все говорить о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которое не стѣснялось особыми правилами. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ-быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, которую говорить восточная природа, тѣ зданія, которыхъ коснулся вкусъ аравитянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитектуръ, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью, какъ у аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырьмя лепестками, или

развивающихся розъ; ихъ галлерей похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса. Эта архитектура какъ-то именно создавалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ.

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы: это—колонны, не гладкія, но расчлененныя украшеніями отъ пьедестала до капители. Иногда эти колонны бываютъ совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзба проникаетъ ихъ насквозь. Онѣ составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса. Зданіе, какъ бы ни было громоздко, но съ такими колоннами кажется воздушно. Почему бы, казалось, намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде нежели достигнуть истины, онъ столько дастъ объѣздовъ, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, ложнаго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ китайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо, что европейцы, по обыкновенію своему, тотчасъ обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этотъ вкусъ, точно, былъ недуренъ въ бездѣлкахъ, потому что европейцы его тотчасъ усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, такъ же какъ и его народъ не имѣетъ энергіи, несмотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отличный отъ всего, доселѣ показаннаго мною. Это архитектура гатакомбъ индійскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ними родство. Главный характеръ ея—тяжесть. Здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу: зданіе тяжело ступаетъ, какъ на слоновыхъ пя-

дахъ, на короткихъ, тяжелыхъ колоннахъ, которыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высотой. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ тяжелое свое величіе. То, что порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь достоинство. Эта подземная архитектура имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идѣю всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе, вѣрно, будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или, наоборотъ, когда онъ замыслилъ произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ—какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очутился вдругъ среди яркаго свѣта,—мракъ, только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршествъ. Мнѣ кажется, напрасно эту архитектуру вгоняютъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непременно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состоятъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ отношенія ихъ между собою исполнены какой-то внутренней, нѣсколько страшной гармоніи, и создать въ этомъ родѣ совершенное весьма не легко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна тоже; но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ — колоссальность. Чѣмъ она глаже снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но не употребляйте ея на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія и если она выбрана совершенно согласно назначенію строенія. Безъ этой благонамѣренной,

безпристрастной терпимости не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочъ этотъ схоластицизмъ, предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупится болѣе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшеній восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ развѣтромъ греческое. Пусть въ немъ будутъ видны и легко-выпуклый млечный куполь, и религіозный безконечный шпиль, и восточная митра, и плоская крыша итальянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразятъ улицы. Неужели найдется такой смѣльчакъ или, лучше сказать, несмѣльчакъ, который бы ровное мѣсто въ природѣ осмѣлился сравнить съ видомъ утесовъ, обрывовъ, холмовъ, выходящихъ одинъ изъ-за другого?

Архитекторъ-творецъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы въ отношеніи художествъ обыкновенно оказываемъ презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ, изучить и вмѣстить въ себя всѣ безчисленные измѣненія ихъ. Но самое главное — долженъ изучить все въ идеѣ, а не въ мелочной наружной формѣ и частяхъ. Но для того, чтобы изучить въ идеѣ, нужно быть ему геніемъ и поэтомъ.

Но обратимся къ архитектурѣ городовъ. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльная взятая масса домовъ представляла живой пейзажъ. Нужно толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла рѣзкостями, чтобы она вдругъ врѣзалась въ память и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, не можешь замѣтить въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ-то: живописи, скульптуры и музыки, и по-

тому эффектъ его—въ эффектѣ. Масса города имѣть уже тѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнить, исправить по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея—и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе, такъ, какъ всякій рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью или карандашомъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпляетъ, въ другомъ отдѣлываетъ, въ третьемъ только тронетъ,—и все уже не то. При томъ, самыя ошибки уже подають идею о томъ, какъ избѣжать ихъ: безхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мелкое и плоское вызываютъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ, и наоборотъ. Геній — богатъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При построеніи городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ природа работаетъ уже сама: то подымаетъ дома на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ, то опускаетъ ихъ внизъ, чтобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, потому что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе, помѣщая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину одинъ изъ-за другого, такъ, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатипятиэтажная масса. Тамъ мало нужно искусства, гдѣ природа одолеваетъ искусство; тамъ искусство только для того, чтобы украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота будетъ большая погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать веселое выраженіе, дышать древностью, блещать новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотою, быть то мрачной, какъ день, обхваченный грозой съ громовыми

облаками, то ясною, какъ утро въ солнечномъ сіяніи. Архитектура — тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она, хоть отрывками, является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила бы насъ въ его бытъ, въ его привычки и степень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія *).

Неужели, однакоже, не возможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежнихъ условий? Когда дикій и малоразвившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служить руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса, — отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ, — отчего же мы не производимъ ничего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Идея для зодчества

*) Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыя, зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ, потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потомъ въ красавицу — греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднившуюся до необыкновенной роскоши — аравійскою; потомъ дикою готическою, потомъ готико-арабскою, потомъ чисто-готическою, вѣнцомъ искусства, дышащею въ Кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ отъ обращенія къ византійской, потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и, наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключавшими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса, и кто дѣлывъ переворачивать толстые томы, тому бы стоило только пройти по пей, чтобъ узнать все.

вообще была черпана изъ природы, но тогда, когда человекъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы, — развѣ не можетъ онъ черпать своихъ идей изъ самого искусства или, лучше сказать, изъ гармоническаго сліянія природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую страшную изобрѣтательность показали онъ на мелкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрите всѣ эти модныя бездѣлицы, которыя каждый день являются и гибнутъ, разсмотрите ихъ, хотя въ микроскопъ, если такъ онѣ не останавливаютъ вашего вниманія, — какого онѣ исполнены тонкаго вкуса! какія принимаютъ онѣ совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, который еще никогда не встрѣчался. Рѣзба и тонкая отдѣлка ихъ такъ заимствованы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хороши, что мы иногда долго любимся ими и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ, какъ гибнетъ вкусъ человека въ ничтожномъ и временномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства превратить въ великое? Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ, должно быть непременно только колонна, куполъ и арка? Сколько другихъ еще образовъ нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣнять направление, сколько кривая выгибаться, сколько новыхъ можно ввести украшеній, которыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ!—Въ нашемъ вѣкѣ ест. такія пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно ему принадлежащія стіхій, изъ которыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемыхъ зданій.—Возьмемъ, напримеръ, тѣ висящія украшенія, которыя начали появляться недавно. Покаместъ висящая архитектура только показывается въ ложахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинута смѣлыми арки, если цѣлыя массы вмѣсто тяжелыхъ колоннъ очутятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣситъ снизу доверху балконами съ узорными чугунными перилами, и отъ нихъ висящія чугунныя украшенія, въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ, облекутъ его своею легкою сѣтью, и онъ будетъ глядѣть сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украше-

нія, обвитыя около круглой, прекрасной башни, полетятъ вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность пріобрѣтутъ тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанныхъ на всемъ намѣковъ, могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только этотъ архитекторъ — творецъ и поэтъ *).

1831.

*) Статья эта писана давно. Въ послѣднее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлаютъ честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

АЛ-МАМУНЪ.

(Историческая характеристика).

Ни одинъ государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный калифатъ величественно возвышался на классической землѣ древняго міра. Онъ обнималъ на востокъ всю цвѣтущую юго-западную Азію и замыкался Индією; на западъ онъ простирался по берегамъ Африки до Гибралтара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море. Багдадъ, столица этого новаго чудеснаго міра, видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ отдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа зрѣли новообращенную Азію, стекающуюся въ свои блестящія школы. Дамаскъ могъ одѣть всѣхъ сластолюбцевъ дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществить на землѣ рай Магомета: создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладострастно били фонтаны и дымились благовонія Востока. И къ такому развитію роскоши еще не успѣла привиться ни одна нравственная болѣзнь политическаго общества. Всѣ части этой великой имперіи, этого магометанскаго міра, были связаны довольно сильно, и связь эта укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, который постигнулъ всѣ разнообразныя способности своего народа. Онъ не былъ исключительно государь-философъ, государь-политикъ, государь-воинъ, или государь-литераторъ. Онъ соединялъ въ себѣ

все, умѣлъ ровно разлить свои дѣйствія на все и не доставить перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи въ такой только степени, чтобы помочь развитію ея собственнаго. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма, и огненные страны Корана перелистывались съ тѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же раболѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній страхомъ своей вседѣйственности. Намѣстники и эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремится быть деспотомъ, опасались встрѣтить всезрящаго, переодѣтаго калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, государь, котораго Царьградъ называлъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя исторія внесла въ число благодѣтелей человѣческаго рода, и который замыслилъ государство политическое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долговому изученію. Его характеръ исполненъ былъ благородства. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку, и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, не думая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною страстію. Тогда аравитяне только-что открыли Аристотеля. Многообъемлющій и точный философъ Греціи не могъ сойтись съ ихъ воображеніемъ, слишкомъ стремительнымъ, слишкомъ колоссальнымъ и восточнымъ; но арабскіе ученые, занимаясь долгое время копотливой работою, уже нѣсколько привыкнули къ точности и формальности, и оттого принялись за него съ ученымъ энтузіазмомъ. Эти безконечные выводы, это облеченіе въ видимость и порядокъ того, что они прежде чувствовали въ душѣ пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашнихъ ученыхъ. Воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія, употреблялъ всѣ старанія ввести въ свое государство этотъ чуждый дотогѣ греческій міръ. Багдадъ распростеръ дружелюбныя длани всему ученому тогдашнему свѣту. Милости-калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому бы то ни было званію, какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы

ни былъ исполненъ противорѣчащихъ началъ. Естественно, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, которые еще сохраняли въ душѣ своей образъ политеизма, облеченнаго христіанскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммонія Саккаса, Плотина и другихъ послѣдователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своихъ учепыхъ ристаній въ Царьградѣ, слишкомъ занятомъ спорами о догматахъ христіанства. Багдадъ превратился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Вѣнценосный арабъ вслушивался внимательно въ усыпительную музыку ученыхъ толкованій и тонкостей. Правители государственныхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя, и тогда высшія ступени государства обняла какая-то литературная мономанія. Визири и эмиры старались окружить свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была какъ будто чѣмъ-то второстепеннымъ, что правители должны были многое, относящееся къ управленію, повѣрять усмотрѣнію своихъ секретарей и любимцевъ, что эти любимцы были иногда вовсе невѣжды, часто получали пронырствами мѣста, что все это должно было отозваться на народѣ и въ послѣдствіи времени обрушиться на самыхъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственныя мѣста, не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и текутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются тѣ великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и челоуѣка, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголь слышится всѣмъ народомъ. Они — великіе жрецы. Мудрые властители чувствуютъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины челоуѣческаго сердца.

Благородный Ал-Мамунъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ. Онъ зналъ, что вѣрный путеводитель къ тому — науки, клонящіяся къ развитію челоуѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе,

вводимое Ал-Мамунѣмъ, менѣе всего отвѣчало природнымъ элементамъ и колоссальности воображенія арабовъ. Лишенные энергіи начала политеизма, обратившіяся въ игру словъ, дерзко обезображенные идеи христіанства, странно озарившія тогдашнія науки, не слившіяся съ ними, но, можно сказать, уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ, представляли совершенный контрастъ пламенной природы араба, у котораго воображеніе слишкомъ потопляло тощі выводы холоднаго ума. Этотъ чудный народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, торговлѣ, искусствахъ, мануфактурахъ и въ роскошной поэзіи Востока. Его доселѣ небывалыя въ исторіи человѣчества стихіи вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально. Казалось, этотъ народъ общался дотошъ невиданное совершенство націи. Но Ал-Мамунъ не понималъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину, что образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій. Но для арабовъ поле подвиговъ было ограждено этимъ бесплоднымъ чужестраннымъ просвѣщеніемъ. Самый космополитизмъ Ал-Мамуна, открывшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ партій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которыя въ государствѣ получали христіане, не могли не возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти, а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ, — и народъ уже терялъ любовь къ своему калифу. Въ правленіи Ал-Мамунъ былъ больше философъ-теоретикъ, нежели философъ-практикъ, какимъ бы долженъ быть государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ разсказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ, какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его великій Гарунъ. Въ азіатскихъ образахъ правленія, не имѣющихъ опредѣленныхъ законовъ, вся административная часть падаетъ на самого монарха, и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не можетъ ввѣриться совершенно никому, и глазъ его долженъ имѣть многосторонность Аргуса: минузу засни онъ — и его полномочные намѣстники вдругъ возрастаютъ, и государство наполняется милліонами деспотовъ.

Но Ал-Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ какъ въ государствѣ музъ, имъ же самимъ созданномъ и совершенно отдѣльномъ отъ міра политическаго. Хрістіане, которые стали, наконецъ, вмѣшиваться въ административныя должности, не могли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Притомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для араба, еще сохранявшаго энтузіазмъ и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устахъ всѣхъ ученыхъ тогдашняго вѣка, когда его гостепріимство привлекало пестрые флаги къ берегамъ сирійскимъ, власть его внутри государства становилась между тѣмъ слабѣе. Жители провинцій, никогда не видавшіе своего калифа, мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно стремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ. На границахъ арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На границахъ стояли войска, еще полныя фанатизма, еще стремившіяся огнемъ и мечомъ водружать вѣру Магомета. Сильные эмиры ихъ, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ отторженіе Персіи, Индіи и дальнихъ провинцій Африки. Но, можетъ-быть, все это невѣрное направление администраціи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ не простеръ уже слишкомъ далеко своей любви къ истинѣ. Онъ захотѣлъ быть религіознымъ реформаторомъ своей націи. Исполненный ума чисто-теоретическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкоторыми догмами хрістіанства, нежели его предшественники, онъ не могъ не видѣть всѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, пламенныхъ нецѣлостей, которые вырывались всемістно въ постановленіяхъ изступленнаго творца Корана. Онъ рѣшился очистить и преобразовать священную книгу магометанъ и — въ то самое время, когда еще всѣ низшія государственныя ступени, вся чернь была увѣрена, что она принесена съ неба, и когда усомниться въ маловажномъ постановленіи ея уже считалось величайшимъ преступленіемъ. Полугреческій образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпому энтузіазму его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ истребленіе энтузіазма, — того энтузіазма, который составлялъ существованіе народа аравійскаго, —

того энтузіазма, которому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политическій составъ всего государства. Ему нелѣпѣе, несообразнѣе всего казался Магометовъ рай, куда арабъ переносилъ всю чувственную земную жизнь свою, — жизнь, назначенную для наслажденія и сладострастія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что это постановленіе изверглось изъ огненного аравійскаго климата, изъ огненной природы араба, что этотъ рай для магометанина есть великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ этотъ рай одна только заставляла чувственного араба терпѣливо сносить бѣдность, притѣсненіе, подавлять въ душѣ своей зависть при видѣ утопающаго въ роскоши сибарита. Мысль, что и онъ будетъ, наконецъ, находиться среди гурій, среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ, одна могла быть доступна для такой чувственности и цѣлѣстности воображенія, какими природа надѣлила араба, и что, можетъ-быть, съ дальнѣйшимъ только развитіемъ его, могла нечувствительно очиститься его вѣра. Ал-Мамунъ не постигалъ азіатской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представить силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство христіанамъ и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно калифа въ мотализмъ, или ереси? Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана жестокимъ упорствомъ своимъ, наконецъ, заставила калифа взяться за оружіе. И благородный, великодушный Ал-Мамунъ, проникнутый истинною любовью къ словѣчеству, явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гоненіемъ своимъ онъ воскресилъ опять въ арабахъ дикій фанатизмъ, но уже не тотъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну массу, — онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, — фанатизмъ, который растерзалъ массу, который посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государства, который разбудилъ дикія страсти араба, который далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изступленныхъ послѣдователей ислама, который произвелъ множество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣе всего секту карматіановъ, долго еще свирѣпствовавшую подъ

именемъ Сирійскихъ Убійцъ, во время крестовыхъ походовъ. Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государства, среди смуть и партій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорныхъ, изступленныхъ своихъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ, — умеръ, не понявъ своего народа, не понятый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою государя, который, при всемъ желаніи блага, при всей кротости сердца, при самоотверженіи и необыкновенной страсти къ наукамъ, былъ, между прочимъ, невольно одною изъ главныхъ пружинъ, ускорившихъ паденіе государства.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I.

Юношескіе опыты.

Акростихъ. «Се образъ жизни нечестивой». Написанъ Гоголемъ, когда онъ былъ ученикомъ нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ. П. А. Кулишъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя» сообщаетъ слѣдующее: «По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Бороздина, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ «Разстригою Спиридономъ». Однажды, 12 декабря, въ день памяти св. Спиридона, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша ¹⁾, и съ акростихомъ: «Се образъ»... и пр.

Вторая строка акростиха въ «Запискахъ о жизни Гоголя» читается такъ:

«Пугалище дервишей всѣхъ», причемъ слово «дервишей» поставлено въ скобкахъ, но въ томъ экземплярѣ «Опыта біографіи Гоголя» Н. М. (т. е. Н. Макарова, именемъ котораго П. А. Кулишъ подписывалъ свои сочиненія послѣ полученнаго имъ запрещенія печатать свои труды), который былъ подаренъ авторомъ его родственнику по женѣ и извѣстному знакомому Гоголя, Н. Д. Бѣлозерскому, а нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ послѣдняго, этотъ стихъ, въ рукописной припискѣ на поляхъ, читается: «Пугалище монаховъ всѣхъ». Слово «монаховъ» было замѣнено словомъ «дервишей», очевидно, вслѣдствіе цензурныхъ соображеній. Въ настоящемъ изданіи восстановленъ текстъ акростиха въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Гоголя.

Непогода. Подъ этимъ стихотвореніемъ, ниже подписи автора: «Н. Гоголь», помѣщена слѣдующая замѣтка А. С. Данилевскаго, лицейскаго товарища Гоголя: «Я нашелъ эти стихи, къ сожалѣнію, разорванными; они еще писаны въ Нѣжинѣ, на школьной скамейкѣ».

¹⁾ Это слово замѣняетъ собою слово «монахъ»: см. ниже.

Средина стихотворенія дѣйствительно вырвана. Мѣсто утраченныхъ 8—9 стиховъ означено выше точками.

Альбомная замѣтка. Эта замѣтка была написана Гоголемъ въ альбомѣ его старшаго лицейскаго товарища Любича-Романовича и впервые напечатана Гербелемъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858 года.

Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія эта написана въ 1827 г.; напечатана отдѣльною книжкою въ 1829 г.; цензурное разрѣшеніе помѣчено: «7 мая 1829 года».

Италія. Это стихотвореніе напечатано въ № 12 «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива» 1829 г., вышедшемъ 23 марта.

Классныя сочиненія. Написаны въ первой половинѣ 1828 г.

Двѣ главы изъ малороссійской повѣсти «Страшный кабанъ». Первая глава напечатана была въ первый разъ въ первомъ номерѣ «Литературной Газеты» 1831 г., вышедшемъ 1 января; вторая глава—въ номерѣ 17-мъ той же газеты, вышедшемъ 22 марта 1831 г.

Женщина. Эта статья напечатана въ четвертомъ номерѣ «Литературной Газеты» 1831 г., вышедшемъ 16 января.

Борисъ Годуновъ. Статья написана въ концѣ 1830 года.

Хромой чортъ. Этотъ отрывокъ написанъ около 1831 г.; впервые напечатанъ въ VI т. X изданія.

О поэзіи Козлова. Написано не раньше 1832 г.; впервые напечатано въ мартовской книгѣ «Русской Старины» за 1890 г.

Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти—написаны въ 1831—32 годахъ.

Отрывки изъ начатыхъ повѣстей. Набросаны въ теченіе 1831—1833 годовъ.

Отрывокъ изъ утраченной драмы. Набросанъ, вѣроятно, въ 1833 году.

Женихи. Первоначальные наброски относятся къ 1833 г. Примѣчанія, относящіяся къ позднѣйшей комедіи «Женитьба», см. въ четвертомъ томѣ.

1834. Написано наканунѣ 1834 года.

Объявленіе объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ—появилось 30 января 1834 г., въ № 24 «Сѣверной Пчелы».

Дружеское шутиливое пари. Относится къ 1835 или къ началу 1836 г.

II.

Арабески.

Вышли въ свѣтъ въ первой половинѣ января 1835 года; цензурное разрѣшеніе помѣчено «10 ноября 1834 года».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Скульптура, живопись и музыка. Статья набросана въ 1831 году; отдѣлана для печати въ 1834 г.

О среднихъ вѣкахъ. Эта вступительная лекція написана въ августѣ 1834 года.

Глава изъ историческаго романа. Напечатана въ первый разъ въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ», цензурное разрѣшеніе котораго помѣчено: «18 декабря 1830 года».

О преподаваніи всеобщей исторіи. Статья написана въ декабрѣ 1833 г.; исправлена въ началѣ 1834 г. и появилась въ февральской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1834 годъ.

Портретъ. Повѣсть набросана и отдѣлана для печати въ теченіе 1834 года.

Взглядъ на составленіе Малороссіи. Первые наброски этой статьи относятся къ 1833 году; обработана для печати въ февралѣ или мартѣ 1834 года; напечатана въ первый разъ въ апрѣльской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1834 годъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи». Томъ I. Книга I. Глава I.

Нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Статья отдѣлана для печати въ 1834 г.; первые наброски мы относимъ къ 1832 г.

Объ архитектурѣ нынѣшняго времени. Статья начата во второй половинѣ 1833 года; отдѣлана для печати въ 1834 году.

Ал-Мамунъ. Написано въ октябрѣ 1834 г.

Оглавление

ДЕВЯТАГО ТОМА.

I.

Юношескіе опыты.

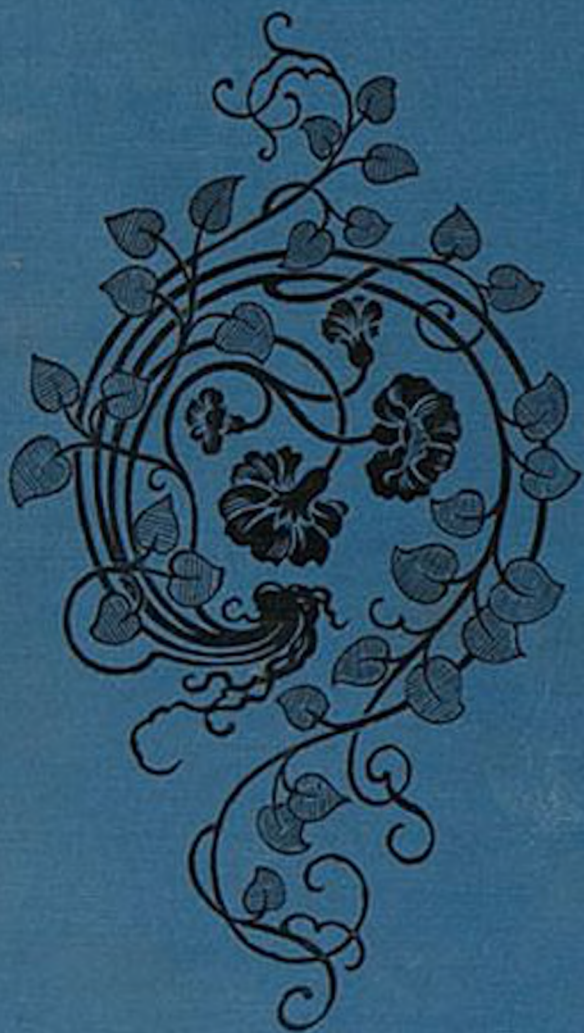
	СТРАН.
Акростихъ «Се образъ жизни нечестивой»	5
*Непогода	6
Альбомная замѣтка	7
Ганцъ Кюхельгартенъ (идиллія въ картинахъ)	9
Италія (стихотвореніе)	49
*Классныя сочиненія	51
Двѣ главы изъ малороссійской повѣсти «Странный кабанъ»	53
Женщина	66
*Борисъ Годуновъ. Поэма Пушкина	71
Хромой чортъ	76
О поэзіи Козлова	76
Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти	79
*Отрывки изъ начатыхъ повѣстей	102
*Отрывокъ изъ утраченной драмы.	109
Женихи.	113
*1834	127
Объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ	128
Дружеское шутливое пари	129

II.

А р а б е с к и.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предисловіе	132
Скульптура, живопись и музыка	133
О среднихъ вѣкахъ	138
Глава изъ историческаго романа	150
О преподаваніи всеобщей исторіи	161
Портретъ (повѣсть)	175
Взглядъ на составленіе Малороссіи	217
Нѣсколько словъ о Пушкинѣ	227
Объ архитектурѣ пышнаго времени	233
Ал-Мамунъ (историческая характеристика)	254
Примѣчанія редактора.	261

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ